

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА
ET
COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS
(OLIM DORPATENSIS).

№ 4.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Матисена

1893.

Р.
Per.
A-1169

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 4.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Матисена.

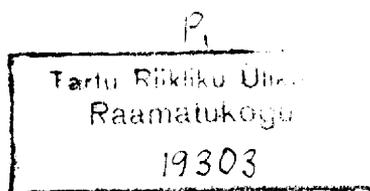
1893.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 24 Декабря 1893 г.

Ректоръ: **А. Будилевичъ.**

№ 2670.

СОДЕРЖАНИЕ.

Неофициальный отдѣлъ.

А.

	Стр.
Проф. Л. К. Лахтинъ, О жизни и научныхъ трудахъ Николая Ивановича Лобачевского	1— 20
Доц. В. Э. Грабаръ, Война и международное право	21— 46
Проф. П. П. Пусторослевъ Наказательно-исправительныя заведенія для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ	47— 84
Проф. С. М. Васильевъ, Отчетъ о дѣятельности медицинской клиники при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ за академическій 1893 годъ	85—140
В. А. Кордтъ, Zwei Actenstücke zur Geschichte der russisch-schwedischen Beziehungen i. d. Jahren 1592 u. 1593 . . .	141—155

Б.

Приложенія.

- Проф. А. Н. Филипповъ, Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета.
- Проф. Я. Ф. Озе, Проективизмъ и персонализмъ въ метафизикѣ Лотце.

О ЖИЗНИ И НАУЧНЫХЪ ТРУДАХЪ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ЛОБАЧЕВСКАГО.

Л. ЛАХТИНА.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ,

ПРОЧТЕННАЯ ПО ПОВОДУ СТОЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ДНЯ РОЖДЕНІЯ Н. И. ЛОБАЧЕВСКАГО

22 ОКТЯБРЯ 1893 Г.

Мм. Гг.!

Сегодня исполнилось ровно 100 лѣтъ со дня рожденія нашего гениальнаго соотечественника Николая Ивановича Лобачевскаго.

Своею жизнью Николай Ивановичъ Лобачевскій даетъ намъ примѣръ челоуѣка, стоящаго неизмѣримо выше современниковъ, преданнаго наукѣ и просвѣщенію своей родины до самозабвенія, дѣятеля неутомимаго, сильнаго, но въ то-же время скромнаго, не требующаго похвалы и одобренія. Въ своихъ глубокихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, въ своихъ непрерывныхъ трудахъ на пользу роднаго ему университета Николай Ивановичъ Лобачевскій всегда имѣлъ въ виду только науку, которой онъ служилъ всѣми силами своей богато одаренной души и никогда не видѣлъ въ ней средства для прославленія самого себя. Къ мнѣніямъ другихъ ученыхъ Николай Ивановичъ Лобачевскій относился очень бережно, въ своихъ же взглядахъ былъ совершенно независимъ. Своею независимостью мысли онъ вызвалъ противъ себя горячій протестъ и даже насмѣшки, и надо было пройти почти столѣтію, чтобы имя Лобачевскаго стало во главѣ обширной школы математиковъ, насчитывающей въ своей средѣ много великихъ именъ и создавшей уже громадную литературу. Однимъ словомъ, Лобачевскаго постигла та завидная съ точки зрѣнія послѣдующихъ поколѣній участь, которая всегда доставалась въ удѣлъ смѣлымъ реформаторамъ въ области челоуѣческой мысли: скромный, неизвѣстный и не-

понятый при жизни, онъ сталъ великъ почти 50 лѣтъ спустя послѣ своей смерти.

Николай Ивановичъ Лобачевскій родился 22 Октября 1793 года въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Отецъ его, архитекторъ, жилъ очень бѣдно, держа семью единственно своими трудами. 4-хъ лѣтъ Николай Ивановичъ Лобачевскій лишился отца и остался на попеченіи матери; она должна была содержать и дать воспитаніе тремъ своимъ сыновьямъ, изъ которыхъ Николай Ивановичъ былъ средній. Переѣхавъ въ Казань, мать Лобачевского помѣстила своихъ дѣтей пансіонерами въ гимназію. Въ теченіи всего пребыванія въ гимназіи Николай Ивановичъ Лобачевскій по отзывамъ начальства былъ ученикъ безупречнаго поведенія, старательный и способный. Математикой и латинскимъ языкомъ Лобачевскій занимался съ особеннымъ усердіемъ.

14 Февраля 1805 года былъ основанъ Казанскій университетъ. Первоначальная программа преподаванія была крайне бѣдная, даже не было раздѣленія на факультеты. Первыми учителями были тѣ-же учителя гимназіи и управленіе университетомъ было поручено директору гимназіи Яковкину — человѣку мелочному, властолюбивому и съ огромнымъ самолюбіемъ.

Ученикамъ, кончавшимъ курсъ въ гимназіи, было предложено вступить въ число студентовъ новаго университета съ тѣмъ, чтобы казенно-коштный студентъ 6 лѣтъ служилъ по окончаніи курса въ университетѣ, помогая профессорамъ. Мать Николая Ивановича Лобачевского съ радостью и благодарностью помѣстила своихъ сыновей на такихъ условіяхъ во вновь открытый университетъ, и въ 1807 году Николай Ивановичъ 14 лѣтъ былъ принятъ въ число студентовъ Казанскаго университета.

Въ томъ-же году преподавательскій персоналъ университета увеличился приглашенными изъ за границы профессорами, хотя они мало измѣнили къ лучшему положеніе университета. Иностранцы не знали русскаго языка и были плохо пони-

маемы русскими студентами; къ тому-же большинство изъ профессоровъ преслѣдовало корыстныя цѣли, ничего не имѣющія общаго съ наукой. Интриги и ссоры съ директоромъ Яковкинымъ и между членами совѣта еще возрасли и мѣшали правильному теченію университетской жизни.

Однако въ числѣ вновь прибывшихъ профессоровъ необходимо отмѣтить три свѣтлыя личности, имѣвшія благотворное вліяніе на научную жизнь Лобачевскаго. Это — Бартельсъ — профессоръ чистой математики, Броннеръ — профессоръ физики и Литтровъ — профессоръ астрономіи.

Близко знавъ Николая Ивановича Лобачевскаго и оцѣнивъ его способности и любовь къ наукѣ, они занимались съ нимъ и руководили его научными занятіями. Въ своихъ отзывахъ передъ попечителемъ они постоянно хвалятъ его дарованія и быстрые успѣхи. Однако прямота и пылкость характера Лобачевскаго совсѣмъ было погубили его. По распоряженію директора Яковкина только что получившій степень кандидата Кондыревъ былъ назначенъ субъ-инспекторомъ студентовъ. Этотъ жалкій человѣкъ, получивъ назначеніе, сталъ оскорблять и раздражать студентовъ, которые отвѣчали ему разными насмѣлками и неприяностями.

Лобачевскій особенно сильно возбудилъ противъ себя Кондырева, и онъ сталъ его притѣснять своими постоянными жалобами, вслѣдствіи которыхъ Николай Ивановичъ Лобачевскій по окончаніи курса въ 1811 г. по постановленію совѣта не былъ удостоенъ степени кандидата. Однако послѣ усиленныхъ настояній профессоровъ Бартельса, Литтрова, Броннера и Германа въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта Лобачевскій былъ за его необыкновенные успѣхи и особенную способность къ математикѣ и физикѣ прямо возведенъ въ степень магистра. Необходимо замѣтить, что въ то время званіе магистра имѣло иное значеніе, чѣмъ теперъ. Магистры оставались подъ надзоромъ инспектора студентовъ и подъ руководствомъ профессора избранной ими науки. Они должны были замѣщать профессора въ случаѣ его отсутствія, заниматься со

студентами практически, разъяснять имъ непонятое на лекціяхъ профессоровъ. Они также участвовали въ трудахъ редакціи „Казанскихъ извѣстій“ и исполняли другія возлагавшіяся на нихъ порученія. Главною-же задачей магистровъ — было ихъ собственное усовершенствованіе въ наукѣ. Такъ, Лобачевскій подъ руководствомъ Бартельса изучалъ и затѣмъ излагалъ студентамъ *Disquisitiones arithmeticae* Гаусса и *Mécanique celeste* Лапласа.

Въ 1812 году Николай Ивановичъ Лобачевскій впервые выступилъ въ качествѣ преподавателя. При Казанскомъ университетѣ существовала комиссія, производившая экзаменъ лицъ, желающихъ поступить на государственную службу. При этой комиссіи читались курсы для желающихъ подвергнуться испытанію. Чтеніе такихъ курсовъ по ариѳметикѣ и геометріи было поручено Лобачевскому. Его преподаваніе, простое и ясное, на столько обратило на себя вниманіе профессоровъ, что черезъ два года онъ былъ назначенъ адъюнктомъ, а вскорѣ и экстраординарнымъ профессоромъ.

Въ общественной жизни университета Лобачевскій пока почти не принималъ участія: этому отчасти служило причиною его разстроенное здоровье, а главнымъ образомъ непрерывные раздоры въ средѣ профессоровъ.

Къ тому - же скоро наступила грустная эпоха реакціи, а затѣмъ нечестиваго Магницкаго. Университетъ превратился въ какой-то монастырь. Подъ прикрытіемъ внѣшняго благочестія гнѣздились лицемеріе, угодничество и интриги.

Но по видимому, чѣмъ тяжеле и невыносимѣе становилась университетская жизнь, тѣмъ, глубже и глубже уходилъ Лобачевскій въ область отвлеченнаго мышленія, ища въ ней отдыха и успокоенія.

Къ этой эпохѣ относятся первые труды, составившіе громкую славу Лобачевского. Во всей своей дѣятельности какъ ученаго, такъ и преподавателя, Лобачевскій выше всего цѣнилъ ясность пониманія, точность опредѣленій и глубокую критику научнаго матеріала. Понятно, что именно эта особенность богато одарен-

наго ума привела Лобачевского къ его блестящимъ изслѣдованіямъ основъ геометріи; она-же способствовала выработкѣ талантливаго преподавателя. Его лекціи привлекали въ аудиторію массу учениковъ, всегда съ восторгомъ отзывавшихся о своемъ учителѣ. Первая научно-критическая работа Лобачевского былъ курсъ начальной алгебры, представленный имъ въ факультетъ въ 1825 году. Но самыя выдающіяся работы Лобачевского касаются уясненія основъ геометріи; онъ первый подвергъ критикѣ эти основы, выяснивъ значеніе аксіомъ, на которыхъ построена геометрія, указавъ истинный смыслъ постулата или XI аксіомы Евклида и создавъ такъ называемую воображаемую или неевклидову геометрію.

Чтобы не прерывать біографіи Николая Ивановича Лобачевского я отдѣльно укажу въ краткихъ чертахъ содержаніе и цѣль его научныхъ изслѣдованій. Теперь-же замѣчу только, что одніе геометрическія работы въ недавно вышедшемъ собраніи его сочиненій занимаютъ два обширныхъ тома in 4°. Эти изслѣдованія изъ области „воображаемой геометріи“ по необходимости приходилось вести почти безъ наглядныхъ пособій въ видѣ чертежа, чисто логически. Наглядное истолкованіе „воображаемой“ геометріи Лобачевского появилось случайно и много позднѣе, и Лобачевскому приходилось на протяженіи почти 700 страницъ развивать логическія послѣдствія принятыхъ имъ основныхъ положеній вопреки наглядному свидѣтельству нашихъ чувствъ и предвзятыхъ убѣжденій, усвоенныхъ нами отъ рожденія! Эта сила логики до того поразительна, что передъ нею невольно останавливаешься съ какимъ-то безграничнымъ благоговѣніемъ. Даже такіе сильные умы, какъ Буняковскій или Нойелъ точно робѣютъ итти за Лобачевскимъ въ его чисто логическихъ разсужденіяхъ, выставляя противъ него наглядное свидѣтельство чертежа, сдѣланнаго далеко не совершенными инструментами. Однимъ словомъ повторяется обычное явленіе: противъ смѣлыхъ идей реформатора, вмѣсто того, чтобы

опровергать эти идеи, приводят предвзятые убѣжденія, усвоенныя еще отъ предковъ.

Работы Лобачевскаго тѣмъ болѣе интересны, что читаются вполнѣ легко не смотря на свою отвлеченность и совершенную оригинальность; ученики-же его говорятъ, что на своихъ лекціяхъ Лобачевскій былъ еще много проще и яснѣе, чѣмъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Первое сочиненіе Лобачевскаго объ основахъ геометріи озаглавленное: „Exposition succincte des principes de la Géométrie“ было имъ прочитано въ засѣданіи факультета въ 1826 году; въ извлеченіи оно было напечатано по русски въ Казанскомъ Вѣстникѣ подъ заглавіемъ: „О началахъ геометріи“. Въ этой работѣ Лобачевскій совершенно ясно говоритъ о цѣли своихъ изслѣдованій: „Кто не согласится, что никакая математическая наука не должна-бы начинаться съ такихъ темныхъ понятій, съ какихъ, повторяя Евклида, начинаемъ мы геометрію, и что нигдѣ въ математикѣ нельзя терпѣть такого недостатка строгости, какой принуждены мы допустить въ теоріи параллельныхъ линій“. Въ особенности вниманіе Лобачевскаго привлекала теорія параллельныхъ, опирающаяся, какъ извѣстно, на постулатъ, или XI аксіому Евклида. Какъ разъ въ это время вопросъ объ этомъ постулатѣ особенно сильно привлекалъ вниманіе геометровъ. Было предложено до 100 различныхъ доказательствъ, которыя всѣ пали при тщательномъ примѣненіи критики: всѣ они заключали въ себѣ различныя логическія ошибки.

Казалось-бы, что послѣ безплодныхъ усилій такихъ геометровъ, какъ Лежандръ, не оставалось никакой надежды на успѣхъ въ этомъ трудномъ вопросѣ. Но исходъ тотчасъ представился свѣтлому уму Лобачевскаго: онъ рѣшилъ отказаться отъ постулата и построить геометрію безъ аксіомы Евклида. Быть можетъ онъ надѣялся гдѣ-либо въ длинной цѣпи умозаключеній встрѣтить какую-либо нелѣпость и тѣмъ доказать предположеніе отъ противнаго. Но въ результатѣ его изслѣдованій получилась стройная геометриче-

ская система, отличная отъ той, къ которой мы привыкли, но тѣмъ не менѣе полная и ясная и не заключающая въ себѣ нигдѣ никакого противорѣчія.

Построивъ формулы новой геометріи, Лобачевскій доказалъ, что чѣмъ размѣры чертежа меньше, тѣмъ его формулы ближе подходятъ къ формуламъ Евклидовой геометріи. Такъ какъ всѣ наши чертежи имѣютъ размѣры совершенно ничтожные въ сравненіи съ размѣрами вселенной, то совпаденіе формулъ Евклидовой геометріи съ результатами практическихъ измѣреній вовсе не служитъ доказательствомъ ихъ истинности. Едва-ли когда-либо суждено человѣчеству рѣшить вопросъ о томъ — которая геометрія истинная: геометрія Евклидова или геометрія Лобачевского. Правда, для практическихъ цѣлей геометрія Евклидова удобнѣе по простотѣ и достаточно точна; но этого мало для философскаго ума человѣка. Къ тому-же, какъ говорилъ самъ Лобачевскій, „новая геометрія, если и не существуетъ въ природѣ, тѣмъ не менѣе можетъ существовать въ нашемъ воображеніи и открываетъ новое обширное поле для взаимныхъ примѣненій геометріи и аналитики“.

Дѣйствительно, далѣе, въ томъ-же сочиненіи „О началахъ геометріи“, Лобачевскій показываетъ примѣненіе формулъ новой геометріи къ вычисленію опредѣленныхъ интеграловъ. Пользуясь имъ, онъ находитъ очень много интеграловъ, какъ извѣстныхъ ранѣе, такъ и новыхъ. Нечего и говорить, что полученныя Лобачевскимъ величины извѣстныхъ ранѣе интеграловъ, оказались совершенно вѣрными. Эта первая геометрическая работа Лобачевского, напечатанная, правда, нѣсколько кратко, вызвала негодованіе математиковъ противъ автора. Въ особенности сильно напалъ на него знаменитый Остроградскій. Лобачевскій принужденъ былъ вступить въ полемику со своими критиками. Результатомъ явился цѣлый рядъ его работъ, рассматривающихъ тотъ-же вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія и глубоко уясняющихъ сущность дѣла. Заглавія этихъ сочиненій — слѣдую-

ція: Воображаемая геометрія — 1835 г., Новыя начала геометріи съ полной теоріей параллельныхъ — 1835 г., Примѣненіе воображаемой геометріи къ нѣкоторымъ интеграламъ — 1836 г., Géometrie imaginaire — 1837 г., Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien — 1840 г., Пангеометрія — 1855 г., Pangéometrie — 1856 г. Отдавшись всецѣло научнымъ занятіямъ, Лобачевскій не упускалъ изъ виду и своихъ обязанностей, какъ университетскаго преподавателя. Напротивъ, напряженность его преподавательской дѣятельности поистинѣ удивительна. Въ 1820 году, послѣ выхода въ отставку Бартельса и Броннера, на Лобачевского было возложено чтеніе лекцій по чистой математикѣ, физикѣ и астрономіи. Въ это время Лобачевскій былъ еще экстраординарнымъ профессоромъ, но вскорѣ онъ былъ избранъ деканомъ факультета и сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ. Такимъ образомъ въ теченіе нѣкотораго времени Лобачевскій несъ на себѣ обязанности преподавателя всѣхъ основныхъ предметовъ и декана своего факультета, и, не смотря на такое разнообразіе читаемыхъ имъ курсовъ, въ каждомъ изъ нихъ онъ умѣлъ быть оригинальнымъ.

Слѣдами его научно - педагогической дѣятельности остались слѣдующія его сочиненія, кромѣ перечисленныхъ выше:

- 1) О резонансѣ или взаимномъ колебаніи воздушныхъ столбовъ,
- 2) Рѣчь о важнѣйшихъ предметахъ воспитанія,
- 3) Пониженіе степени въ двучленномъ уравненіи, когда показатель безъ единицы дѣлится на 8,
- 4) Объ исчезаніи тригонометрическихъ строкъ,
- 5) Условныя уравненія для движенія и положенія главныхъ осей обращенія въ твердой системѣ,
- 6) Способъ увѣряться въ исчезаніи безконечныхъ строкъ и приближаться къ значеніямъ функцій отъ весьма большихъ чиселъ,

7) Sur la probabilité des resultats moyens, tirés des observations répétées,

8) Ueber die Convergenz der unendlichen Reihen,

9) Полное солнечное затмѣніе въ Пензѣ 26 Іюня 1824 года,

10) О значеніи нѣкоторыхъ опредѣленныхъ интеграловъ.

Нельзя не удивляться, какъ у одного человѣка могло доставать силъ для такой напряженной работы научной и учебной. Но энергія Лобачевского была точно неистощима, и помимо трудовъ профессора онъ не отклонялъ отъ себя и работы административной всякій разъ, когда представлялась надобность. Такъ, въ бытность свою деканомъ, Лобачевскій по порученію совѣта привелъ въ порядокъ университетскую бібліотеку, гдѣ не было почти никакихъ каталоговъ и книги расхищались безпрепятственно. Установивъ образцовый порядокъ, онъ долго несъ на себѣ обязанности бібліотекаря.

Послѣ отставки попечителя Магницкаго былъ назначенъ ему преемникомъ Мусинъ - Пушкинъ — ученикъ Лобачевского, хорошо знавшій энергію и преданность дѣлу своего бывшего учителя. По его настоянію въ 1827 году Лобачевскій былъ выбранъ ректоромъ и оставался въ этой должности безсмынно 19 лѣтъ. Это была свѣтлая эпоха въ жизни Казанскаго университета. Благодаря усиліямъ Лобачевского прекратились раздоры и интриги среди членовъ совѣта; музеи и коллекціи были приведены въ порядокъ, были возведены новыя университетскія зданія. Во время холерной эпидеміи, господствовавшей въ 30-мъ году въ Казани, Лобачевскій принялъ самыя энергичныя мѣры для огражденія студентовъ и университетскихъ служащихъ, и благодаря этому, смертныхъ случаевъ было очень мало. Благодаря его-же распорядительности были спасены бібліотека и астрономическіе инструменты во время страшнаго пожара, уничтожившаго въ 1842 году половину города. Оба раза Лобачевскій былъ награжденъ Государемъ.

Но это не спасло Лобачевского отъ огорченій въ концѣ его жизни. Въ 1846 году, не смотря на энергичное ходатайство совѣта, онъ былъ министерствомъ отставленъ отъ должности ректора и профессора и противъ своего желанія сдѣланъ помощникомъ попечителя. Силы его были еще очень крѣпки и онъ долго частнымъ образомъ читалъ лекціи передъ аудиторіей изъ профессоровъ математическаго факультета и учителей гимназій. На этихъ лекціяхъ онъ увлекательно излагалъ свои собственныя изслѣдованія о началахъ геометріи.

До прибытія новаго попечителя Лобачевскій около года управлялъ округомъ въ качествѣ его помощника. При этомъ ему пришлось вступить въ тягостную борьбу съ совѣтомъ университета, и онъ радъ былъ сложить съ себя обязанности, какъ только стало возможно.

Какъ всегда бываетъ съ натурами энергичными, послѣ удаленія отъ своей кипучей дѣятельности, Лобачевскій сталъ быстро старѣть и падать силами. Къ этому-же присоединилось горе отъ смерти любимаго и почти взрослого сына. Лобачевскій лишился зрѣнія и сдѣлался дряхлымъ. Но и въ послѣдніе дни жизни онъ продолжалъ думать о наукѣ. Ученики подъ диктовку слѣпому учителю писали его сочиненіе *Pangéometrie*, которое онъ хотѣлъ поднести университету въ память 50-лѣтія его основанія 14 Февраля 1855 года; въ слѣдующемъ-же году 12 Февраля Лобачевского не стало.

Переходя къ краткой характеристикѣ геометрическихъ работъ Лобачевского, нельзя не коснуться вопроса о приоритетѣ, къ сожалѣнію неизбѣжно сопровождающаго исторію всѣхъ великихъ открытій. Бываетъ эпоха въ исторіи чело-вѣческой культуры, когда новая мысль точно назрѣваетъ и появляется сразу у нѣсколькихъ гениальныхъ людей; между которыми и возникаетъ споръ о первенствѣ. Основныя идеи неевклидовой геометріи были формулированы тремя учеными: Лобачевскимъ, Болеемъ и Гауссомъ; но спора между ними не было, и по счастью вопросъ о приоритетѣ разрѣшается

самъ собой. Первая работа Лобачевскаго : „Sur les principes de la géometrie“ была сообщена въ факультетѣ въ 1826 году и опубликована въ 1830 году. Работа Болея „Tentamen Inventutem studiosam . . .“ была напечатана въ 1832 и 1833 годахъ. Главнѣйшіе результаты, найденные Болеемъ, тождественны съ опубликованными Лобачевскимъ, но обнимаютъ только небольшую часть результатовъ, найденныхъ Лобачевскимъ. Болей отецъ былъ коротко знакомъ съ Гауссомъ, считалъ себя его другомъ и легко могъ заимствовать у него нѣкоторыя идеи. Нѣкоторые математики высказываютъ предположеніе, будто подобная же связь существовала между Гауссомъ и Лобачевскимъ : они могли переписываться между собою. Этотъ вопросъ отлично разъясняется письмомъ Гаусса къ Шумахеру отъ 28 Ноября 1846 года, гдѣ Гауссъ впервые послѣ длинной переписки съ Шумахеромъ объ XI аксіомѣ Евклида упоминаетъ имя Лобачевскаго : „Въ послѣднее время“, пишетъ онъ, „я имѣлъ случай перечитать небольшое сочиненіе Лобачевскаго подъ заглавіемъ : „Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien“. Это сочиненіе Лобачевскаго 6-ое въ ряду его геометрическихъ сочиненій и вышло въ 1840 году. Если-бы существовала переписка между Гауссомъ и Лобачевскимъ, то онъ конечно указалъ-бы Шумахеру на первое сочиненіе Лобачевскаго, вышедшее передъ тѣмъ за 17 лѣтъ и которое разсѣяло - бы всѣ сомнѣнія Шумахера. О своихъ собственныхъ работахъ Гауссъ въ томъ-же письмѣ говоритъ : „Вы знаете, что уже 54 года, какъ я раздѣляю тѣ-же убѣжденія, не говоря здѣсь о нѣкоторыхъ развитіяхъ, которыя получили мои идеи объ этомъ предметѣ впоследствии. Слѣдовательно я не нашелъ въ сочиненіи Лобачевскаго чего либо для меня существенно новаго ; но изложеніе весьма различно отъ того, какое я предполагалъ сдѣлать, и авторъ трактуетъ о предметѣ, какъ знатокъ въ истинно геометрическомъ духѣ“. Работы Гаусса такъ и остались неопубликованными и намъ неизвѣстны. Вѣроятно Гауссъ

узналъ въ работахъ Лобачевскаго тѣ идеи, которыя представлялись его уму, но никогда не были имъ приведены въ систему.

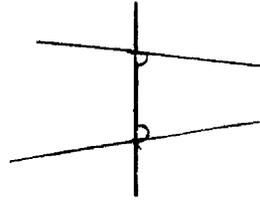
Изъ сказаннаго, на мой взглядъ ясно, что Лобачевскій внѣ сомнѣнія — глава новой школы и по справедливости носитъ имя Коперника геометріи.

Какъ Вамъ, Мм. Гг. извѣстно, въ основѣ всякой точной науки лежатъ нѣсколько строго формулированныхъ безспорныхъ истинъ или очевидныхъ или найденныхъ опытнымъ путемъ. Вся наука есть лишь развитіе почти безконечнаго числа логическихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ этихъ истинъ. Научное зданіе опирается на эти истины, какъ на фундаментъ, и стоитъ подвергнуть сомнѣнію одну изъ нихъ, чтобы все зданіе пошатнулось или даже рухнуло. Отсюда ясно, какую степень важности имѣютъ всѣ вопросы, касающіеся этихъ истинъ. Въ основѣ геометріи лежатъ аксіомы — истины очевидныя и не требующія доказательства. О нихъ идетъ споръ, которому едва-ли суждено когда-либо кончиться: одни математики, слѣдуя Канту, считаютъ аксіомы истинами трансцендентальными, т. е. вложенными въ наше сознаніе отъ рожденія, другіе полагаютъ, что мы приобрѣли ихъ путемъ опыта съ ранняго дѣтства. Какъ-бы ни разрѣшился этотъ споръ, — во всякомъ случаѣ необходимо подвергнуть аксіомы самому строгому анализу: точно формулировать и свести ихъ число къ возможному минимуму, выбросивъ изъ списка аксіомъ тѣ, которыя суть логическія послѣдствія остальныхъ, иными словами тѣ, которыя могутъ быть доказаны.

Необходимость такой работы сознавалъ еще Евклидъ, жившій почти за 300 лѣтъ до Р. Хр. Въ своихъ безсмертныхъ „Началахъ“ онъ приводитъ прежде всего опредѣленія, затѣмъ аксіомы.

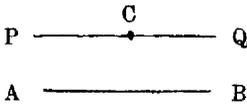
Всѣхъ аксіомъ онъ приводитъ 12. Изъ нихъ 9 — алгебраическаго характера и 3 — геометрическаго. Изъ этихъ 3-хъ аксіомъ одна была доказана, и должна быть вычеркнута. Оставшіяся 2 аксіомы далеко не исчерпываютъ

всѣхъ основныхъ положеній геометріи. Число аксіомъ послѣ Евклида возрасло. Въ числѣ аксіомъ одна особенно привлекала вниманіе геометровъ. Это — XI аксіома Евклида. Онъ ее формулируетъ такъ : „Если двѣ прямыя линіи пересекаются третьей такъ , что сумма внутреннихъ угловъ , лежащихъ по одну сторону третьей“ (угловъ, отмѣченныхъ на чертежѣ значками) „меньше двухъ прямыхъ, то двѣ первыя прямыя по достаточномъ продолженіи встрѣтятся по ту сторону третьей прямой, на которой сумма внутреннихъ угловъ меньше двухъ прямыхъ“.

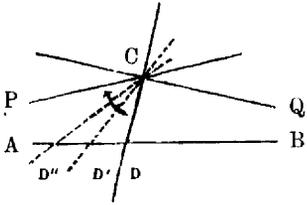
Черт. 1.

Даже при бѣгломъ чтеніи этого предложенія нельзя не замѣтить, что его невозможно сравнивать съ такою истинной, какъ „цѣлое больше своей части“. (Аксіома IX.) Этого не могъ не сознавать Евклидъ и всѣ геометры, жившіе послѣ него, т. е. на протяжении болѣе 2000 лѣтъ! Аксіома X Евклида : „Всѣ прямые углы равны между собою“ была доказана. Было естественно думать, что и XI аксіому удастся доказать. Было предложено до 100 доказательствъ, но всѣ они оказались ошибочными. Болѣе и болѣе становилось яснымъ, что аксіома XI необходима, что она независима отъ остальныхъ и что безъ нея зданіе геометріи стоять не можетъ. Предлагались различныя формулировки этой аксіомы, т. е. предлагали внести въ списокъ аксіомъ вмѣсто XI аксіомы Евклида другую истину, болѣе очевидную, но такую, чтобы изъ нея XI аксіома вытекала, какъ слѣдствіе. Изъ числа такихъ истинъ я приведу двѣ : 1) сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ ; 2) черезъ каждую точку С на плоскости можно провести одну и только одну прямую параллельную данной АВ (черт. 2). Первое изъ этихъ положеній далеко не очевидно, второе — ближе къ очевидности.

Черт. 2.

Послѣ 20-вѣковой работы дѣло оставилось въ только что указанномъ положеніи. Что-же удивительнаго, если Лобачевскій отозвался о немъ такъ: „нигдѣ въ математикѣ нельзя терпѣть такого недостатка строгости“. Работы Лобачевского имѣютъ въ виду послѣднюю изъ приведенныхъ формулировокъ XI аксіомы. Онъ рассуждаетъ такъ. Возьмемъ прямую AB, идущую до безконечности въ обѣ стороны и точку C.

Черт. 3.

Проведемъ черезъ точку C какую-нибудь прямую CD, тоже безконечной длины, пересѣкающую AB, и будемъ поворачивать ее около точки C въ направленіи стрѣлки, слѣдя за точкой пересѣченія D. Она будетъ все двигаться влѣво ($D', D'' \dots$). Наконецъ наступитъ моментъ, когда поворачиваемая прямая перестанетъ пересѣкать прямую AB сколько-бы мы ее ни продолжали. Наши несовершенные инструменты не дадутъ возможности точно начертить это положеніе прямой. Пусть это положеніе есть CP. Прямую CP мы назовемъ параллельной по отношенію къ AB. Если мы станемъ прямую CD поворачивать не по направленію стрѣлки, а въ сторону противоположную, то найдемъ другое положеніе, когда она впервые перестаетъ пересѣкать прямую AB, сколько-бы мы ее ни продолжали. Пусть это положеніе есть CQ. Прямая CQ будетъ другая параллельная. Можетъ случиться, что прямая CQ составитъ какъ разъ продолженіе CP. Тогда будетъ существовать только одна параллельная, и Евклидъ правъ; если-же CP и CQ образуютъ между собою уголъ PCQ, то существуютъ двѣ параллельныхъ и Евклидъ — не правъ. Вопросъ о томъ, правъ ли Евклидъ или нѣтъ — мы рѣшить не можемъ, т. к. доказательства XI аксіомы мы не имѣемъ и очевидной ее назвать нельзя. Если мы допустимъ, что Евклидъ правъ, и примемъ XI аксіому, то рассуждая строго логически

дальше, мы построимъ ту геометрію, которую построилъ Евклидъ и которая намъ знакома со школьной скамьи. Допустимъ теперь, что Евклидъ не правъ, что существуютъ двѣ параллельныя и что онѣ образуютъ между собою уголъ отличный отъ двухъ прямыхъ; посмотримъ, удастся-ли разсуждая дальше логически построить строгую научную систему. Лобачевскій такъ и сдѣлалъ и построилъ „воображаемую геометрію“, теоремы которой разнятся отъ Евклидовыхъ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ нашелъ выраженіе величины угла RSQ и показалъ, что въ случаѣ неевклидовой геометріи сумма внутреннихъ угловъ треугольника меньше двухъ прямыхъ. Если эту разность или дефектъ между двумя прямыми и суммою внутреннихъ угловъ треугольника умножить на нѣкоторое число, то въ произведеніи мы найдемъ площадь этого треугольника. Поэтому чѣмъ площадь треугольника больше, тѣмъ дефектъ больше, и тѣмъ больше мы удаляемся отъ Евклидовой геометріи. Въ треугольникахъ малыхъ размѣровъ (каковы наши обыкновенные чертежи) площадь мала, сумма угловъ мало разнится отъ двухъ прямыхъ, и мы можемъ безъ чувствительной прогрѣшности примѣнять теоремы и формулы Евклидовой геометріи. Если-бы намъ удалось убѣдиться, что хоть въ одномъ какомъ-нибудь треугольникѣ сумма угловъ вполнѣ строго равна двумъ прямымъ, то можно утверждать, что и во всѣхъ треугольникахъ сумма внутреннихъ угловъ должна тоже равняться двумъ прямымъ, и что аксіома Евклида вѣрна.

Можно было-бы думать, что стоитъ измѣрить помощью точнѣйшихъ инструментовъ углы какого-нибудь треугольника, чтобы устранить всѣ сомнѣнія. Но къ сожалѣнію это не такъ: размѣры всѣхъ фигуръ доступныхъ для непосредственнаго измѣренія настолько малы, что дефектъ, если онъ и существуетъ, не могли-бы обнаружить даже самые точные инструменты.

Не буду больше утомлять Вашего вниманія изложеніемъ результатовъ, найденныхъ Лобачевскимъ; его геометриче-

скія изслѣдованія обнимаютъ два обширныхъ тома, и только внимательное изученіе этихъ работъ можетъ дать о нихъ ясное понятіе; точно также не могу пытаться даже излагать содержаніе работъ его послѣдователей: въ изданіи сочиненій Лобачевскаго приведенъ списокъ, содержащій въ себѣ заглавія болѣе 250 изслѣдованій, касающихся неевклидовой геометріи. Поэтому мнѣ приходится ограничиться самыми бѣглыми указаніями.

Прежде всего отмѣчу весьма существенное добавленіе, сдѣланное повѣйшими геометрами. Какъ мы видѣли, Лобачевскій пришелъ къ заключенію, что черезъ каждую точку плоскости можно провести [или одну или двѣ] прямыя, параллельныя данной. Болѣе двухъ параллельныхъ быть не можетъ. Но онъ совсѣмъ оставилъ въ сторонѣ вопросъ: быть можетъ, параллельныхъ совсѣмъ не существуетъ? Быть можетъ всякія двѣ прямыя, лежащія въ одной плоскости послѣ достаточнаго продолженія пересѣкаются или съ той или съ другой стороны. Оказывается, что въ такомъ случаѣ сумма внутреннихъ угловъ каждаго треугольника, будетъ больше двухъ прямыхъ, и этотъ избытокъ, эксцессъ, можетъ быть принятъ за мѣру площади треугольника: чѣмъ онъ больше, тѣмъ площадь треугольника больше. Въ треугольникахъ малыхъ размѣровъ, эксцессъ очень малъ и мы опять приближаемся къ Евклидовой геометріи. Если хотя-бы въ одномъ треугольникѣ эксцессъ равенъ нулю, то и во всѣхъ треугольникахъ онъ равенъ нулю. Такимъ образомъ возможны только три геометрическія системы: геометрія Лобачевскаго, названная гиперболической, геометрія Евклида, названная параболической, и наконецъ, геометрія, не допускающая параллельныхъ, названная эллиптической. Особенно много потрудились надъ неевклидовой геометріей англійскій математикъ Кели и нѣмецкіе профессора Риманъ и Клейнъ. Наглядное истолкованіе геометріи Лобачевскаго дали итальянскіе геометры Beltrami и Battaglini. Beltrami, задался мыслию изслѣдовать свойства фигуръ чертимыхъ не на плоскости, а на кривыхъ поверхностяхъ съ постоянной

отрицательной кривизной. Такія поверхности имѣютъ особый интересъ въ геометріи. Онѣ носятъ названіе псевдосферъ.

На этихъ поверхностяхъ прямая не можетъ укладываться во всевозможныхъ направленіяхъ. Въ псевдосферической геометріи роль прямой линіи играетъ кратчайшее разстояніе между двумя точками, начерченное на самой поверхности — такъ называемая геодезическая линія. Понятно, что Beltrami началъ съ изученія треугольниковъ. Оказалось, что всѣ теоремы псевдосферической геометріи — суть теоремы воображаемой или гиперболической геометріи. Что касается до поверхностей съ постоянной положительной кривизной, то наиболѣе типичная изъ нихъ есть извѣстная Вамъ сфера или шаръ. Сферическая геометрія была давно уже извѣстна и ея формулы тождественны съ геометріей эллиптической. Однако необходимо оговориться: изъ тождественности формулъ геометріи Лобачевского съ формулами псевдосферической геометріи еще не слѣдуетъ, что псевдосферическая геометрія и есть геометрія Лобачевского. Между этими двумя областями геометрическихъ изслѣдованій существуетъ большая аналогія, но полной тождественности между ними нѣтъ. Изслѣдованія итальянскихъ геометровъ внесли свѣтъ въ планиметрію Лобачевского. Риманъ такимъ-же образомъ освѣтилъ и стереометрію, введя понятіе о пространствѣ съ постоянною положительною или отрицательною кривизной.

Чтобы нѣсколько уяснить суть дѣла приведу весьма остроумную аналогію, предложенную Гельмгольтцемъ. Вообразимъ себѣ живыя и разумныя существа, конечныхъ размѣровъ, имѣющія только два измѣренія. Тѣло такого существа будетъ плотно прилегать къ той поверхности, на которой оно находится; оно будетъ искривлено, если находится на кривой поверхности. При передвиженіи по поверхности форма его тѣла мѣняться будетъ, но сознать этого оно не будетъ, т. к. ему не доступно понятіе о третьемъ измѣреніи

и объ измѣненіи формы въ этомъ 3-ьемъ измѣреніи. Если-бы такія существа были созданы и жили на псевдосферѣ, то геометрія ими построенная была-бы планиметриєю Лобачевскаго ; живя на сферѣ, они создали-бы геометрію сферическую.

Для насъ не доступно понятіе о четвертомъ измѣреніи, точно также какъ для существъ о которыхъ говоритъ Гельмгольтцъ, не доступно понятіе о 3-ьемъ измѣреніи. Поэтому весьма возможно, что и мы въ своихъ сужденіяхъ о пространствѣ впадаемъ въ то-же заблужденіе, какъ и тѣ существа въ ихъ сужденіяхъ объ обитаемой ими поверхности. Такъ-ли это или нѣтъ — не дано никогда рѣшить слабому уму человѣка, но жажда знанія его безгранична, и нельзя не отнестись съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью къ памяти того великаго геометра, сильный умъ котораго смогъ внести столько свѣта въ ту область науки, надъ которою бесплодно трудились математики въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ!

ВОЙНА
И
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ

В. Э. ГРАБАРЯ.

Мм. Гг.!

Съ невольнымъ смущеніемъ всхожу я на кафедру, съ которой втеченіе многихъ лѣтъ раздавалась рѣчь такихъ видныхъ представителей науки международного права, какъ покойный August von Vulmerincq и высокочтимый предшественникъ мой, проф. Bergbohm. Имена этихъ дѣятелей хорошо извѣстны, и труды ихъ по достоинству оцѣнены наукою. Научныя работы ихъ открыли имъ доступъ къ кафедрамъ западно-европейскихъ университетовъ. Оба они удостоились лестныхъ приглашеній: первый — въ Гейдельбергъ, на старѣйшую и наиболее почетную кафедру международного права, созданную когда-то для знаменитаго Пуфендорфа, второй — въ Марбургъ, гдѣ въ свое время нашелъ пріютъ и болѣе свободный кругъ дѣятельности Христіанъ Вольфъ, когда, по ложнымъ доносамъ, ему было приказано покинуть территорію прусскаго короля. Мнѣ нѣтъ надобности перечислять научныя заслуги своихъ предшественниковъ, особенно здѣсь, гдѣ дѣятельность ихъ жива еще въ памяти всѣхъ. Я позволю себѣ только обратить Ваше вниманіе на одну черту, общую въ научныхъ работахъ того и другого, а потому невольно связываемую съ самою кафедрою международного права въ Дерптскомъ университетѣ. Почти всѣ работы, предпринятыя подъ сѣнью этого университета, носятъ теоретическій характеръ, направлены на рѣшеніе основныхъ и важнѣйшихъ вопросовъ нашей науки; онѣ касаются природы и основаній международного права,

руководящихъ началъ, источниковъ, кодификаціи, систематики и т. д. ¹⁾). Этимъ общимъ направленіемъ своихъ работъ Дерптскій университетъ оказалъ великія услуги той отрасли правовѣдѣнія, которая имѣетъ своею задачею изслѣдованіе и изученіе нормъ справедливости и права въ отношеніяхъ, выходящихъ за тѣсныя предѣлы одного государства. Имѣя честь принадлежать отнынѣ къ этому заслуженному научному учрежденію, я желалъ бы поддержать то направленіе въ работахъ по международному праву, которое я унаслѣдовалъ, какъ дорогое и прекрасное преданіе, и, если не въ методѣ, то въ постановкѣ вопросовъ слѣдовать по пути, указанному мнѣ моими предшественниками. Я хорошо сознаю всю тяжесть обязанностей, лежащихъ на мнѣ, какъ на преемникѣ заслуженныхъ въ наукѣ дѣятелей, и надѣюсь, что именно это сознаніе послужитъ мнѣ поддержкою и окажетъ помощь въ предстоящемъ трудномъ и совершенно еще новомъ для меня начинаніи.

Настоящая первая моя лекція будетъ посвящена разсмотрѣнію коренного вопроса всей нашей науки, — вопроса о взаимномъ отношеніи войны и международного права. Я назвалъ этотъ вопросъ кореннымъ потому, что вокругъ него сосредоточиваются всѣ изслѣдованія о природѣ и существѣ международного права, и вся исторія нашей науки представляетъ лишь рядъ попытокъ найти для него правильное рѣшеніе. Самые первые опыты въ наукѣ международного

1) *Bulmerincq*, De natura principiorum juris inter gentes positivi (доктор. диссерт.); *Systematik des Völkerrechts; Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts*. *Bergbohm*, Staatsverträge und Gesetze als Quellen des Völkerrechts (маг. диссерт.), а также вышедшій въ прошломъ году первый томъ работы: *Jurisprudenz und Rechtswissenschaft*, посвященный изученію естественнаго права, одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ всего правовѣдѣнія. Сюда-же должно причислить и работы Заленскаго, написанныя въ Дерптѣ и представленные въ юридическій факультетъ этого университета для полученія ученой степени: *Zaleski*, Zur Geschichte und Lehre der internationalen Gemeinschaft; *Die völkerrechtliche Bedeutung der Congresse*.

права носятъ названіе „de bello“, „de jure belli“, касаются войны и ея права. Гуго Гроцій, признаваемый творцомъ этой науки, въ изслѣдованіи своемъ „de jure belli ac pacis“ отправляется, подобно своимъ предшественникамъ, отъ понятія войны; только изучивъ природу послѣдней, онъ считаетъ возможнымъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ учений международного права. Въ самое послѣднее время еще извѣстный экономистъ и публицистъ Proudhon назвалъ изслѣдованіе свое о войнѣ и мирѣ „изслѣдованіемъ о принципѣ и содержаніи международного права“. На отношеніе войны и международного права всегда смотрѣли, какъ на основную проблему всей нашей науки ¹⁾.

Война и международное право на памяти человѣчества сопутствуютъ другъ другу, но тѣмъ не менѣе живутъ между собою въ постоянномъ и роковомъ антагонизмѣ. Отношеніе дружбы и согласія можетъ установиться между ними развѣ только временно и случайно, какъ своего рода компромиссъ, обыкновенное же отношеніе ихъ — вражда и антагонизмъ. Иначе и быть не можетъ: война, это — господство силы, право — владычество мира; но сила не любитъ покоя, мирная жизнь не соответствуетъ природѣ силы. Миръ и

1) Перечислить литературу вопроса нѣтъ никакой возможности, — это значило-бы привести всѣ изслѣдованія, посвященныя междунар. праву. Я ограничусь очень немногими указаніями на болѣе спеціальныя работы послѣднихъ 50 лѣтъ:

William Jay, War and peace 1842.

Ferd. Florens Fleck, Der Krieg und der ewige Friede 1849.

Oppenheim, Friedensglossen: der Krieg und das Völkerrecht.

Proudhon, La guerre et la paix 1861.

Lasson, Das Culturideal und der Krieg 1868.

Его же, Princip und Zukunft des Völkerrechts 1871.

Rhamon, Völkerrecht und Völkerfriede 1881

Holtzendorff, Die Idee des ewigen Friedens 1882.

Kiessling, Ewiger Krieg 1885.

Geiser, Die Ueberwindung des Krieges durch Entwicklung des Völkerrechts 1886.

Gemma, La guerra e il diritto internazionale 1893.

война взаимно исключаютъ другъ друга, и въ этомъ антагонизмѣ сказывается исконная вражда права и силы ¹⁾). Находясь во взаимной борьбѣ, и война и международное право одинаково стремятся получить перевѣсъ, побороть противника и подчинить его своей волѣ. Борьба не можетъ быть вѣчна, — она должна чѣмъ нибудь кончиться. Срокъ наступленія побѣды предвидѣть трудно, но побѣдителя можно назвать заранѣе. Каковъ бы ни былъ исходъ борьбы, война не сможетъ установить своего господства. Выйдя изъ границъ права, отказавшись отъ всякаго руководства правды, она погибнетъ жертвою своей жестокости, а покорившись праву, она потеряетъ свое значеніе и прекратится именно вслѣдствіе своей кротости. Чрезмѣрная жестокость и несвойственная силѣ кротость одинаково подрываютъ авторитетъ войны и не дадутъ ей возможности упрочить свое владычество. Конецъ этой борьбы еще далекъ отъ насъ. Но, во всякомъ случаѣ, мы дальше отстоимъ уже теперь отъ полного владычества силы, чѣмъ отъ исключительнаго господства права.

Существуетъ два взгляда на взаимное отношеніе войны и международного права. Одни писатели ставятъ войну въ подчиненное отношеніе къ праву: праву она служитъ, имъ санкціонируется и отъ него получаетъ законы, регулирующіе ея дѣятельность. Выходя изъ служебнаго отношенія къ праву, война теряетъ свое значеніе и становится простымъ насиліемъ, злоупотребленіемъ силою. Такое пониманіе взаимнаго отношенія войны и международного права вполнѣ установилось въ современномъ правовѣдѣніи. Оно соотвѣтствуетъ логикѣ и исторіи. Логически международное право стоитъ выше войны, такъ какъ оно для бытія своего въ войнѣ не нуждается, хотя въ ней впервые и приходитъ къ сознанію, война-же безъ международного права мыслима не иначе,

1) В. А. Незабиговскій, Собраніе сочиненій стр 147, 194—195.

какъ въ формѣ насилія или разбоя. Исторически война все болѣе и болѣе подчиняется праву, и все развитіе войны заключалось лишь въ томъ, что она постепенно признавала всѣ требованія права : въ то время, какъ война съ теченіемъ вѣковъ должна была отказаться отъ значительной доли своей свободы и замѣтно сѣздила свои границы, международное право растеть и распространяется на новыя области, шагъ за шагомъ вытѣсняя войну.

Но не такъ смотритъ на взаимное отношеніе войны и международнаго права цѣлый рядъ другихъ писателей. Исходя изъ интересовъ войны, они не могутъ примириться съ тѣмъ подчиненнымъ положеніемъ, въ которое ставитъ войну современная наука права. Война и ея интересы, по мнѣнію этихъ писателей, должны стоять выше права : при первомъ звукѣ войны право должно умолкнуть. „Что дѣлать?“ говорилъ во время войны 1870 года прусскій генераль Фалькенштейнъ : „на войнѣ существуетъ одно право, которое подавляетъ все прочее, это — право силы“. Признавая за войною самостоятельную цѣль, эти писатели требуютъ для нея и полной независимости при осуществленіи своей цѣли.

Два воззрѣнія, только что очерченныя, отправляются отъ различныхъ точекъ зрѣнія и приходятъ къ различнымъ результатамъ. Первое воззрѣніе есть воззрѣніе права. Оно стремится сократить сферу свободной дѣятельности войны, ограничить военный произволъ установленіемъ твердыхъ правовыхъ нормъ, и можетъ быть названо воззрѣніемъ по преимуществу юридическимъ. Противоположный взглядъ отправляется отъ интересовъ войны, всегда враждебныхъ праву, и желаетъ полного освобожденія войны отъ всякаго юридическаго контроля. Это — взглядъ силы, воззрѣніе противоправное, или военное. Но не думайте, чтобы перваго воззрѣнія держались всѣ юристы и только они, и что взглядъ, который мы назвали военнымъ, раздѣляетъ только военное сословіе и притомъ все оно, безъ исключенія.

Можно говорить развѣ только о преобладающемъ значеніи этихъ элементовъ въ указанныхъ воззрѣніяхъ, ибо нерѣдко юридическій смыслъ военныхъ стоитъ выше правового сознанія юриста-законника.

Среди юристовъ нашего времени получило сильное развитіе такъ называемое реалистическое направленіе. Въ наукѣ международнаго права это направленіе получило названіе „военнаго реализма“. Название дано было критикою, какъ порицаніе, и присвоено себѣ затѣмъ самими представителями указаннаго направленія, какъ высшая похвала ихъ научному методу ¹⁾. Наиболѣе выдающимся поборникомъ „военнаго реализма“ въ международномъ правѣ является безспорно профессоръ Эрлангенскаго университета, С. Lueder ²⁾. Онъ желаетъ, не отказываясь отъ права, дать удовлетвореніе всѣмъ притязаніямъ войны. Задача эта, при указанномъ антагонизмѣ между войною и правомъ, кажется неразрѣшимой уже и a priori. Мы увидимъ впоследствии, какъ она была разрѣшена Lueder'омъ. Желаніе примирить войну съ международнымъ правомъ приводитъ мнимыхъ реалистовъ къ цѣлому ряду логическихъ противорѣчій, изъ которыхъ имъ удастся выйти только при помощи понятія военной необходимости, оправдывающей всевозможныя правонарушенія. Право, въ концѣ концовъ, всецѣло приносится въ жертву требованіямъ войны. „Военный реализмъ“, оставаясь послѣдовательнымъ, долженъ совсѣмъ покинуть почву права, совершенно отказаться отъ юридическаго воззрѣнія и примкнуть къ военному.

Съ другой стороны, среди военныхъ людей замѣчается

1) Holtzendorff, Handbuch des Völkerrechts Bd. IV. S. 278, Anm. 17.

2) Взгляды свои Lueder высказалъ въ слѣдующихъ работахъ: Die Genfer Convention. Historisch und kritisch - dogmatisch bearbeitet 1876; Recht und Grenze der Humanität im Kriege 1880; Krieg und Kriegerrecht im Allgemeinen 1889 (Holtzendorff's Handbuch des Völkerrechts Bd. IV, S. 169—367); Das Landkriegsrecht im Besonderen 1889 (ib. S. 369—544).

обратное стремление — отказаться отъ нѣкоторыхъ требованій войны и подчинить войну руководству права. Въ противоположность „военному реализму“ это теченіе можно называть „юридическимъ идеализмомъ“. Противники называютъ его сентиментализмомъ, считая этотъ эпитетъ оскорбительнымъ для военнаго человѣка, которому непристойно выказывать излишнюю чувствительность ¹⁾. Если фельдмаршалъ графъ Мольтке полагалъ, что въ борьбѣ съ врагомъ примѣнимы всѣ средства, способныя нанести ему какой нибудь вредъ, и что война законѣмъ не признаетъ, а всецѣло зависитъ отъ нравовъ ²⁾, то, по счастью, это мнѣніе великаго полководца далеко не раздѣляется всѣми предводителями армій современныхъ цивилизованныхъ народовъ. Отъ имени русской арміи противъ воззрѣній гр. Мольтке высказался въ письмѣ къ проф. Мартенсу герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій ³⁾. Его убѣжденіе, проверенное на опытѣ, таково, что суровыя мѣры, произволъ и репрессаліи лишь напрасно ожесточаютъ непріятельское населеніе, а „уваженіемъ къ человѣческой жизни и собственности быстро и легко укрощаются страсти“. Достоинно вниманія, что выраженные здѣсь мысли нашли откликъ и подтверждены на военномъ конгрессѣ, засѣдавшемъ въ концѣ прошлаго года въ Мадридѣ

1) „Qu'on ne se blesse pas de l'épithète de sentimentalité dont on qualifera cette reconnaissance! (признаніе требованій гуманности и права). Quand on ne sait comment excuser le mal qu'on veut maintenir, on a généralement recours au ridicule“ (письмо герц. Николая Лейхтенбергскаго къ проф. Мартенсу. *Revue de dr. intern.* 1881, t. XIII, p. 309).

2) Эти мысли гр. Мольтке изложены въ его письмѣ къ Блунчли, помѣщенномъ въ *Revue de dr. intern.* 1881, t. XIII, p. 80—82.

3) Говоря о скептическомъ отношеніи гр. Мольтке къ законамъ, ограничивающимъ на войнѣ произволъ, онъ замѣчаетъ: „Elle trouve son excuse dans le point de vue du comte sur la manière dont il faut nuire à l'ennemi, point de vue qui heureusement n'est pas partagé par d'autres armées“ (*Revue de dr. intern.* t. XIII, p. 307). Гр. Мольтке думалъ, что въ войнѣ должно наносить вредъ не только военнымъ силамъ государства но и его правительству, и притомъ „dazu müssen alle, nicht geradezu verwerfliche Mittel freistehen“.

и состоявшемъ изъ офицеровъ арміи и флота Испаніи, Португаліи и южно-американскихъ республикъ. На этомъ конгрессѣ получили торжественную санкцію законы войны, выработанные наукою международнаго права, коллективнымъ органомъ которой является извѣстный Институтъ Международнаго Права. Конгрессъ военныхъ практиковъ не только призналъ примѣнимыми на войнѣ эти законы, противъ которыхъ во имя интересовъ войны возмущались юристы „реального“ направленія, но счелъ возможнымъ итти еще далѣе навстрѣчу требованіямъ права ¹⁾. Такимъ образомъ, юристы, стоящіе на почвѣ „военнаго реализма“, требуютъ ограниченій права и гуманизма во имя силы; военные люди, проникнутые „юридическомъ идеализмомъ“, защищаютъ право противъ силы и отъ нападокъ призванныхъ его защитниковъ — юристовъ.

Изъ двухъ указанныхъ возрѣній — военнаго и юридическаго — только послѣднее можетъ быть названо истинно реалистическимъ, потому что только въ немъ взаимное отношеніе войны и права находятъ свое вѣрное выраженіе. Представители „военнаго реализма“ ошибаются, полагая, что они понимаютъ и принимаютъ въ соображеніе нужды практики. Практика опережаетъ ихъ, они не послѣвуютъ за нею и въ своихъ разсужденіяхъ опираются на практику стараго времени. „Военный реализмъ“, какъ его понимаетъ Lueder, не имѣетъ почвы на практикѣ. Отъ него, уступая духу времени, отказываются сами военные, которыхъ надо признать, конечно, наиболѣе заинтересованными въ его защитѣ. Геніальный тактикъ и рядъ прусскихъ генераловъ (Rüstow, Hartmann и др.) вмѣстѣ съ юристами „реального“ направленія остаются одинокими защитниками отживающихъ злоупотребленій силы. Въ теоріи направленіе „военнаго реализма“ также точно не находитъ

1) Revue de dr. intern. 1893, № 4.

опоры. Я уже замѣтилъ, что оно принимаетъ на себя невыполнимую задачу — примирить войну съ международнымъ правомъ. Эта задача, можно а priori утвердительно сказать, неразрѣшима. Посмотримъ, какъ справляется съ нею указанное направленіе. Остановимся на разсужденіяхъ его признаннаго главы, Lueder'a; они помогутъ намъ освѣтить и уяснить антагонизмъ, существующій между войною и международнымъ правомъ.

Въ понятіи войны, по мнѣнію Lueder'a ¹⁾, только два необходимыхъ элемента: физическая сила и примѣненіе ея между государствами. Праву въ этомъ опредѣленіи нѣтъ мѣста. Войнѣ, т. обр., усваивается ея первобытное значеніе физической силы, ограниченной только своимъ расчетомъ. Война есть средство. Ея цѣль — низвергнуть противника, заставить его покориться и признать чужую волю. Природа и сущность войны состоятъ; слѣдов., въ насиліи, ограниченномъ своею цѣлью. Пока война остается въ предѣлахъ своей цѣли (а цѣль эта — сломить волю противника), до тѣхъ поръ она безгранично свободна. Дѣйствіе права начинается только за этими предѣлами. Другими словами: право можетъ дѣйствовать и на войнѣ, но только не касаясь и не ограничивая ея свободы; оно можетъ существовать въ границахъ, которыя ему отведетъ война, можетъ быть признано, если не препятствуетъ военному произволу. „Гуманизация — я повторяю слова Lueder'a — можетъ быть допущена, поскольку война это разрѣшаетъ“ ²⁾. Роль права, какъ видите, довольно скромная. Оно не призвано предписывать войнѣ законъ, пока война осуществляетъ свою цѣль. Только безцѣльные военные операціи могутъ быть регулированы юридическими нормами. Жестокости допускаются, но лишь въ мѣру ихъ по-

1) Handbuch des Völkerrechts Bd. IV, S. 175—194.

2) ib. S. 194.

лезности; мучить жертву можно, но только съ опредѣленною цѣлью — вынудить покорность. Остается-ли здѣсь мѣсто для права? Намъ кажется, что нѣтъ. Нельзя придумать такого вида мучительства, который-бы можно было назвать вполне безцѣльнымъ, а потому безусловно подлежащимъ правовой репрессіи. Походы древне-ассирійскихъ владыкъ сопровождались ужасающими звѣрствами. Но развѣ способъ ихъ военныхъ дѣйствій былъ безцѣленъ? Не этими-ли именно средствами добивались они покорности своихъ враговъ? Одно имя этихъ восточныхъ завоевателей наводило ужасъ на окрестные народы. Достаточно было слышать объ ихъ приближеніи, и всѣ безпрекословно покорялись ихъ волѣ. Средства устраниенія далеко не всегда безцѣльны: они могутъ оказать завоевателю значительную помощь. Почему-же они не допускаются безгранично? Злоупотребленіе парламентѣрскимъ флагомъ или знакомъ краснаго креста можетъ оказать величайшую услугу на войнѣ. Цѣль войны можетъ требовать избиенія плѣнныхъ, какъ это доказалъ Наполеонъ во время своего Египетскаго похода. Почему запрещаются эти дѣйствія, прямо способствующія достиженію военной цѣли? На эти вопросы мы напрасно-бы стали искать отвѣта у Lueder'a. Онъ его дать не можетъ, — его даетъ теорія права, а не теорія силы. Границы, отведенныя германскимъ юристомъ войнѣ, оказались слишкомъ широки и растяжимы. Военная практика нашего времени ставитъ себѣ гораздо болѣе тѣсныя границы и далеко не пользуется всею свободою, которую предоставляетъ ей теорія Lueder'a. Ученый - реалистъ, старающійся стоять на почвѣ дѣйствительности, не могъ отрицать неправомѣрности такихъ дѣйствій, какъ избиеніе военно-плѣнныхъ или обманъ при помощи знака краснаго креста. Признать ихъ правомѣрность значило-бы идти противъ фактовъ, противъ самой практики войны. Но эти дѣйствія могутъ быть очень цѣлесообразны, могутъ даже рѣшить судьбу сраженія. Здѣсь то и сказывается вся несостоятельность мнимо - реалистическаго воз-

зрѣнія на войну: война ограничивается не только своею цѣлью, — есть вполне цѣлесообразныя въ военномъ смыслѣ дѣйствія, которыя тѣмъ не менѣе правомъ допущены быть не могутъ. Съ профессоромъ Lueder'омъ случилось то-же самое, что и съ излюбленной имъ войною: представители силы, они оба должны были признать побѣду надъ собою права. Lueder не могъ не замѣтить, что военное право, далеко не довольствуясь указанными ему предѣлами, ворвалось въ завѣтную область безграничной свободы войны. Ему ничего не оставалось, какъ признать эту побѣду.

Но допустивъ, что право осуществляется на войнѣ, Lueder призналъ за военною силою право нарушать всѣ юридическія нормы, препятствующія ей свободно осуществлять свои цѣли; военное право существуетъ и дѣйствуетъ, пока война не нарушитъ его, а нарушить она его всякій разъ, какъ только сочтетъ это нужнымъ для своей цѣли. На такое правонарушеніе уполномочиваетъ военная необходимость, *necessitas belli, raison de guerre, Kriegsraison*. Обозначаемое этими названіями понятіе есть не иное что, какъ видъ другого, болѣе широкаго понятія — государственной пользы, государственнаго интереса, общественнаго блага, *raison d'état, salus reipublicae*. Это — то *monstrum horrendum, ingens, cui lumen ademptum*, о которомъ говорилъ еще Бейнкерсгукъ. Не было такой несправедливости, въ оправданіе которой государственные дѣятели не ссылались на интересъ, пользу или безопасность государства. Такъ точно и на войнѣ всякое правонарушеніе, самая вопіющая несправедливость оправдывается военными соображеніями, мнимою военною необходимостью. Приведу два примѣра. Во время войны 1870 г. Германія рѣшила наложить на каждого французскаго гражданина налогъ въ размѣрѣ 25 фр. Это было сдѣлано съ цѣлью устрашить французскій народъ, возбудить въ немъ желаніе скорѣе покончить съ войною и заставить его оказать давленіе въ этомъ смыслѣ на своихъ представителей въ парламентѣ. Подобныя террористическія контрибуціи не допускаются воен-

нымъ правомъ нашего времени. Съ этимъ соглашается и Lueder, но прибавляетъ, что его отечество было вправѣ прибѣгнуть къ указанной мѣрѣ: ея не допускаетъ военное право, или *Kriegsmanier*, но разрѣшаетъ военная необходимость, или *Kriegsraison*. Въ чемъ же заключалась эта военная необходимость? Германія праздновала побѣду и желала скорѣйшаго мира ¹⁾. Другой случай военной необходимости. Въ приведенномъ примѣрѣ неприкосновенность частной собственности нарушена контрибуціей, т. е. денежнымъ поборомъ съ мирныхъ жителей. Но она можетъ быть также нарушена реквизиціей, т. е. такимъ же поборомъ съ мирныхъ жителей, но не въ видѣ денегъ, а въ натурѣ. Когда солдаты умираютъ съ голода, частная собственность, понятно, не можетъ имѣть притязаніе на неприкосновенность. Но *Kriegsraison*, или военная необходимость, — понятіе растяжимое. Прусское войско во время той же войны 1870 г. захватило у французскихъ жителей, въ видѣ реквизиціи, сигары и вино. Правда, это — предметы далеко не первой необходимости, безъ которыхъ нельзя бы обойтись солдату. Прусскій солдатъ и обходился безъ нихъ, но только въ мирное время, находясь у себя, дома. Lueder находитъ оправданіе этимъ дѣйствіямъ въ той же военной необходимости. „Забываютъ“, наивно возражаетъ онъ, что солдатъ на войнѣ долженъ питаться не такъ скудно, какъ дома“ ²⁾. Странно при этомъ то, что тотъ же Lueder признаетъ тѣмъ не менѣе войну великою наставницею воздержанія. Но если все вышеуказанное соотвѣтствуетъ цѣли войны и если для такихъ случаевъ военной необходимости можетъ быть нарушаемо право, то ясно, что праву на войнѣ нѣтъ мѣста.

Право въ ученіи Lueder'a есть лишь случайный и ненужный придатокъ, не стоящій ни въ какой связи съ

1) Handbuch des Völkerrechts Bd. IV, S. 505.

2) ib. S. 507, Anm. 8.

основапіями его теоріи. Опредѣляя войну, какъ проявленіе одной лишь физической силы въ междугосударственныхъ отношеніяхъ, Lueder силою вещей, логически долженъ былъ притти къ отрицанію военнаго права. Сила не уживается съ правомъ. Это откровенно признаютъ военные писатели, заявляя, что требованія войны не поддаются юридической регламентаціи. Принявъ сторону войны противъ права, надо совершенно отказаться отъ права, пожертвовать имъ силѣ. Lueder не посмѣлъ быть откровеннымъ и создалъ лицемерную и ложную теорію самоограниченія войны собственною цѣлью. Онъ занялъ положеніе чловѣка, усаживающагося между двухъ стульевъ. Юристы видятъ въ немъ умъ, воспитанный въ душной атмосферѣ казармы, а потому задыхающійся на свѣжемъ, вольномъ воздухѣ, военные же писатели видятъ въ немъ педантическаго юриста, неспособнаго уразумѣть истинную природу войны, и съ насмѣлкою смотрятъ на его усилія поставить свободѣ войны правовыя преграды.

Военные писатели были правы, обвиняя Lueder'a въ непониманіи природы войны, какъ физической силы. Имъ природа войны ближе и лучше знакома. Lueder думалъ, что война въ себѣ самой находитъ ограниченіе. Это — невѣрно. Генералъ Clausewitz справедливо замѣтилъ, что говорить о началѣ умѣренности въ философіи войны — величайшій абсурдъ. Война только подчиняется тѣмъ внѣшнимъ условіямъ, которыя уже даны и существуютъ внѣ ея. Сама по себѣ война -- грубая и необузданная сила; начало умѣренности влагается въ нее извнѣ. Чтобы умѣрнить военную силу, необходимо постороннее воздѣйствіе, вліяніе другой силы — этической. Такою силою является право. Право далеко не довольствуется отведенными ему въ теоріи Lueder'a скромными предѣлами: оно ограничиваетъ своими нормами свободу войны и тамъ, гдѣ физическая сила не выходитъ изъ границъ своей цѣли, гдѣ дѣятельность ея цѣле-

сообразна ¹⁾). Въ войнѣ враждебно сталкиваются двѣ противодѣйствующія государственныя силы. Право налагаетъ на нихъ равномѣрныя ограниченія, благодаря которымъ онѣ стѣснены въ своей свободѣ, но сохраняютъ прежнее взаимное отношеніе. Задача права — вѣрно понять и опредѣлить эту равномѣрность въ ограниченіи той и другой стороны. Какъ вездѣ, право и въ этой области имѣетъ своимъ предметомъ ограниченіе свободы подлѣ условіемъ справедливости. Цѣль войны безпредѣльна, — право указываетъ ей границы; средства войны безконечно разнообразны, — право дѣлаетъ между ними выборъ, допуская одни, отвергая другія. Только становясь на эту правовую точку зрѣнія, можно уразумѣть значеніе военнаго права: не война, по своему усмотрѣнію, допускаетъ право, а право допускаетъ войну, опредѣляя границы ея свободы. Война должна признать господство надъ собою права, хотя въ природѣ ея и лежитъ постоянное стремленіе отдѣлаться, освободиться отъ него.

Война и международное право враждуютъ другъ съ другомъ, и примиреніе ихъ можетъ состояться не иначе, какъ въ формѣ подчиненія одного начала другому: или война должна подчиниться праву или право должно признать надъ собою законъ войны. Между войною и международнымъ правомъ необходимо сдѣлать выборъ. Мы сдѣлали его, когда стали на сторону права. Такой выборъ не есть, однако,

1) Цѣль войны не можетъ служить основаніемъ военн. права. Юристы „реального“ направленія не считаютъ себя противниками прогрессивныхъ реформъ въ военномъ правѣ, но при этомъ забываютъ, что теорія ихъ противорѣчитъ такимъ реформамъ, не допускаетъ ихъ. Основывая военное право на понятіи о военной цѣли, они совершенно упускаютъ изъ виду, что цѣль войны всегда остается одна и та же — подчинить себѣ волю противника. Если-бы теорія „реализма“ была вѣрна, т. е. если-бы право имѣло своимъ предѣломъ цѣль войны, то право это было бы неподвижно. Между тѣмъ оно развивается и вопреки теоріи реализма дѣлаетъ быстрые успѣхи, не стѣсняясь вовсе границами цѣли. Но, если такъ, то это значитъ, что цѣль войны не есть предѣлъ права.

дѣло вкуса. Онъ имѣетъ полное оправданіе, такъ какъ является научно необходимымъ. Этотъ выборъ сдѣлала исторія, ведущая человѣчество по пути прогресса. Исторія недвусмысленно свидѣтельствуетъ въ пользу права, предоставляя послѣднему постепенно торжествовать надъ силою. Война есть выраженіе этой силы. Право должно ее побороть. Такъ думаетъ „юридическій идеализмъ“ и въ этомъ отношеніи является болѣе вѣрнымъ истолкователемъ дѣйствительности, чѣмъ „военный реализмъ“. Послѣдній имѣетъ о войнѣ совершенно иное представленіе. Онъ идеализируетъ войну, видя въ ней орудіе нравственнаго совершенствованія человѣчества. Всѣмъ извѣстны слова графа Мольтке: „Война есть элементъ созданнаго Богомъ міроваго порядка. Въ ней развиваются благороднѣйшія добродѣтели человѣка: отвага и самоотреченіе, вѣрность долгу и готовность жертвовать всѣмъ. Солдатъ отдаетъ свою жизнь. Безъ войны міръ бы погрязъ и потонулъ въ матеріализмѣ“¹⁾. При такомъ представленіи о войнѣ совершенно понятно предпочтеніе ея состоянію мира. Но дѣло въ томъ, что представленіе это ложно. Оно является продуктомъ фантазіи и совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности²⁾. Мы увидимъ впослѣдствіи,

1) Письмо къ Блунчи (Revue de dr. intern. 1881, t. XIII, p. 80).

2) „Военный реализмъ“ измѣняетъ здѣсь своему направленію, и именно въ то время, когда реализмъ былъ бы болѣе всего у мѣста. Онъ переходитъ отъ наблюденія къ чистому умозрѣнію и принимаетъ метафизически-идеализированный образъ войны, созданный фантазіей Гегеля и дѣйствительностью не подтверждаемый. Истинно реалистическимъ направленіемъ является „юридическій идеализмъ“, который вездѣ, гдѣ имѣетъ дѣло съ фактами, строго держится наблюденія и опыта. Въ войнѣ онъ видитъ лишь то, что даетъ наблюденіе надъ фактами дѣйствительной жизни; онъ принимаетъ то изображеніе войны, которое даютъ писатели реалистическаго направленія (напр. Zola въ своемъ романѣ „La débâcle“). „Юридическій идеализмъ“ и „военный реализмъ“ одинаково пользуются, какъ наблюденіемъ, такъ и умозрѣніемъ. Между ними, однако, есть существенная разница. Первый пользуется ими умѣло: къ фактамъ онъ примѣняетъ наблюденіе, въ установленіи же нормъ для дѣятельности человѣка руководствуется умозрѣніемъ. „Военный реализмъ“ поступаетъ

что все то добро, которое приписывается войнѣ, принадлежитъ не ей, а вытекаетъ изъ совершенно иного источника и съ войною связано лишь случайно. Теперь мы остановимся на изображеніи войны, какое даетъ намъ извѣстный представитель „военнаго реализма“, проф. Lueder, чтобы лучше уяснить себѣ корень заблужденій этого направленія.

Война — необходимое звено въ мировомъ порядкѣ. Безъ войны этотъ порядокъ немыслимъ. Мирное состояніе чело-вѣчества противорѣчитъ природѣ, а потому оно неестественно и нездорово. Война — законъ этого міра и, какъ мировой законъ, она божественна. Изъ ея божественности слѣдуетъ, что истинный культурный идеаль невозможенъ безъ войны. Вѣчный миръ не только неосуществимъ на землѣ, но и нежелателенъ, если бы даже осуществленіе его представлялось возможнымъ. Вѣчный миръ — мечта и мечта далеко не прекрасная. Война не только необходима, она — благодѣтельна. Только поверхностный умъ, останавливающийся на нѣкоторыхъ вышнихъ проявленіяхъ войны, можетъ называть войну бѣдствіемъ, зломъ. При болѣе глубокомъ взглядѣ становится яснымъ, что случайныя страданія, причиняемая войною отдѣльнымъ лицамъ, искупаются сторицею тѣми благами, которыя она приноситъ цѣлому народу и даже всему чело-вѣчеству. Болѣзни и страданія, какъ они ни кажутся на первый взглядъ ужасными, представляютъ плодородную почву, на которой собирается затѣмъ обильная жатва силы, здоровья и развитія. Пугливый умъ останавливается на временныхъ страданіяхъ, сопутствующихъ войнѣ, и не замѣчаетъ слѣдующихъ за нею ея вѣчныхъ благодѣній. Благодѣнія же войны неисчислимы. Война, прежде всего, есть средство воспитанія. Только благодаря

совершенно обратно: онъ прибѣгаетъ къ умозрѣнію, гдѣ нужно наблюдать, и довольствуется наблюденіемъ, гдѣ нужно сверхъ того еще и судить. Отсюда — невѣрное изображеніе и пониманіе дѣйствительности и тѣ противорѣчія въ теоріи, съ которыми мы уже ознакомились выше.

ей въ челоѣчествѣ продолжаютъ жить и развиваются его лучшія качества : отвага, повиновеніе, чувство чести, готовность все принести въ жертву, даже свою жизнь ; война не даетъ челоѣчеству изнѣжиться, погрязнуть въ однѣхъ матеріальныхъ заботахъ ; она оберегаетъ народы отъ излишнихъ увлеченій земными благами, государственными учрежденіями вообще и парламентскими въ частности. Война, далѣе, есть одно изъ важнѣйшихъ средствъ цивилизаціи и культуры. Она дала первый толчокъ культурному развитію челоѣчества и была двигающею пружиною всемірной исторіи. Прекращеніе войны затормозило бы дальнѣйшее развитіе челоѣчества. Недаромъ тѣ народы, которые въ своихъ лѣтописяхъ насчитываютъ мало войнъ, въ культурномъ отношеніи сильно отстали отъ прочихъ. Сѣверо-Американская республика представляетъ разительный примѣръ пагубныхъ послѣдствій продолжительнаго мира. Обыкновенно думаютъ, что война служитъ помѣхой для развитія наукъ и искусствъ, промышленности и торговли. Напрасно. Въ войнѣ, напротивъ, они зарождаются, война ихъ питаетъ и она же способствуетъ ихъ процвѣтанію. Безъ войны вся духовная и матеріальная культура народовъ не могла бы достигнуть нынѣшняго своего совершенства. Наука не стояла бы на той высотѣ, на которой мы видимъ ее въ настоящее время, еслибъ въ этомъ не оказала ей помощи война, вызвавшая множество изобрѣтеній и открытій въ медицинѣ, техникѣ и проч. Искусство безъ войны погибло бы отъ однообразія : поэзія, живопись, ваеніе и зодчество своими прекраснѣйшими созданіями обязаны войнѣ ; война даетъ художнику мотивы, образы ; она же будитъ и поддерживаетъ его вдохновеніе. Въ области промышленности и торговли война тоже является необходимымъ условіемъ развитія и процвѣтанія : она открываетъ новые пути для торговли, создаетъ новыя отрасли промышленности и поддерживаетъ ихъ. Наконецъ, безъ войны и войска должна бы исчезнуть и вся колоніальная политика государствъ. Мало

того, съ уничтоженіемъ войны мы лишились бы одного изъ замѣчательнѣйшихъ установленій нашего времени, лишились бы всеобщей воинской повинности! Такія сожалѣнія совершенно серьезно высказываются въ научной работѣ одного изъ видныхъ представителей науки международнаго права въ современной молодой Германіи ¹⁾).

Въ приведенномъ поэтическомъ изображеніи войны не все ложно; въ немъ есть много вѣрныхъ и справедливыхъ замѣчаній, но эти замѣчанія перемѣшаны съ ложью и фантазіей. Несомнѣнно, напр., что во время войны некогда заниматься внутреннею политикой и думать о реорганизаціи государственныхъ учреждений, — война отвлекаетъ вниманіе гражданъ отъ неурядицы внутри государства; этимъ средствомъ неоднократно и пользовались политики, когда желали подавить выраженіе народнаго недовольства ²⁾). Но вопросъ въ томъ, благодѣтельно - ли для народовъ такое средство? Справедливо также замѣчаніе, что нѣкоторыя отрасли промышленности поддерживаются только войною: нѣтъ сомнѣнія, что безъ войны ружейные и пушечные заводы Штумма и Круппа, получившіе всемірную извѣстность и значительно обогатившіе Германію, не могли бы достигнуть своей нынѣшней славы. Всеобщая воинская повинность тоже не существовала бы, но врядъ-ли кому нибудь, кто сохранилъ здравый смыслъ, не затемненный предвзятой мыслью, придетъ въ голову видѣть въ ней благодѣтельное учрежденіе, о потерѣ котораго стоило бы сожалѣть. Нельзя отрицать также, что войны прошлаго времени въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказали услуги культурѣ; но не надо забывать, что это было въ прошломъ, при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живемъ мы въ настоящее время. Междуна-

1) Lueder въ Holtzendorff's Handbuch des Völkerrechts Bd. IV, S. 203—211.

2) На это средство указывалъ уже Бодэпъ: „Pour maintenir les sujets en paix à l'intérieur, la guerre à l'étranger est souvent nécessaire“ (Bodin, De la républ. l. V, ch. V).

родныя сношенія достигли теперь такихъ размѣровъ, о которыхъ нѣсколько столѣтій тому назадъ нельзя было и думать; между отдѣльными народами установились многообразныя духовныя и матеріальныя связи, возникла полная солидарность въ цѣломъ рядѣ интересовъ, благодаря чему война между двумя цивилизованными государствами отзывается чувствительнымъ вредомъ на всѣхъ прочихъ¹⁾. Кроме того, въ международной жизни установилась бѣльшая безопасность, бѣльшее уваженіе къ праву, и явилась возможность преслѣдовать государственныя цѣли и достигать ихъ, не прибѣгая къ войнѣ, существующими правовыми средствами. Съ другой стороны, сама война измѣнила свой характеръ. Личная дѣятельность и энергія не играетъ въ ней почти никакой роли. Теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь имѣетъ значеніе на войнѣ простой перевѣсъ силы. Человѣкъ изъ живого дѣятеля, какимъ онъ былъ въ прежнихъ войнахъ, все болѣе и болѣе становится орудіемъ; въ немъ цѣнится не личность, а механическая исполнительность. Если война когда-нибудь и могла способствовать развитію хорошихъ качествъ души, то ни въ коемъ случаѣ не въ наше время. Въ современной войнѣ развиваются не лучшія, а худшія свойства души: тщеславіе, самомнѣніе, преклоненіе передъ силою, неуваженіе къ праву, лицемеріе, шпіонство²⁾. Война перестала быть народнымъ дѣломъ;

1) Если въ прежнія времена война была средствомъ сближенія между народами, чуждавшимися другъ друга, и въ этомъ отношеніи была благотѣльна, то въ наше время она дѣйствуетъ въ совершенно противоположномъ смыслѣ, разрушая тѣ связи, которыя создаетъ и укрѣпляетъ миръ: *oggiдì veramente è la guerra che, creando barriere di diffidenza e di odio, tiene divise quelle genti che la pace affratella in un ideale commune* (Gemma, p. 19).

2) Лучшія свойства души развиваются не на войнѣ, а во время мира. Гражданское мужество стоитъ выше военной отваги, которая является въ большинствѣ случаевъ лишь послѣдствіемъ инстинкта самосохраненія, но гражданское мужество возникаетъ и крѣпнетъ только въ мирное время. Самоотреченіе, готовность жертвовать собою для ближнихъ — эти высшіе

большинство идетъ на войну противъ своей воли, многіе участвуютъ въ войнѣ вопреки своему христіанскому убѣжденію. Война разнуздываетъ страсти и притупляетъ нравственное чутье. Побѣда надъ врагомъ большею частью сопровождается упадкомъ нравственности, остановкою въ развитіи. Это случилось съ Германіей послѣ блестящей побѣды ея надъ Франціей въ 1871 г. ¹⁾. Пораженіе иногда, правда, сопровождается возрожденіемъ народовъ. Вспомнимъ Россію послѣ Крымской войны, Францію послѣ разгрома ея Пруссіей. Никто, однако не начинаетъ войны съ цѣлью потерпѣть пораженіе и обновиться. Это было бы и бесполезно, бесполезно именно потому, что между войною съ ея несчастными послѣдствіями и возрожденіемъ нѣтъ постоянной и необходимой связи. Россія обновилась бы и безъ Восточной войны, Франціи пошла бы новой дорогой и безъ нѣмецкихъ ударовъ, а Турцію война не оживитъ, сколько бы поражений ни досталось на ея долю: война сама по себѣ способна вдохнуть жизнь.

Если война не является тѣмъ живительнымъ началомъ, какимъ ее обыкновенно представляютъ, то гдѣ же источникъ благодѣяній, которыя нерѣдко сопровождаютъ войну и потому ей же и приписываются? Этимъ источникомъ является борьба. Борьба есть родовое понятіе, въ которомъ заклю-

акты любви проявляются во время глубокаго мира (защита слабыхъ и угнетенныхъ, уходъ за больными, особенно за пораженными заразными болѣзнями, миссіонерство и т. д.), притомъ въ несравненно болѣе высокой формѣ, чѣмъ на войнѣ, гдѣ къ добрымъ дѣламъ примѣшиваются злыя.

1) Общій упадокъ нравственности въ Германіи вмѣстѣ съ упадкомъ науки и искусства признается самими нѣмцами. Профессора жалуются на отсутствіе интереса къ знанію, на исчезновеніе идеальныхъ стремлений, на торжество грубѣйшихъ практическихъ помысловъ. Kehrbachъ въ предисловіи къ изданію Кантовой работы „Zum ewigen Frieden“ замѣчаетъ: „Vergeblich suche ich auch zu bemerken, dass der letzte Krieg uns auf dem Gebiete der Religion, der Kunst dem Materialismus entrissen hat. Und von der Kriminal-Statistik vollends wird Niemand behaupten, dass sie nach dem letzten Kriege den Beleg einer sittlichen Besserung des deutschen Volkes gegeben habe“ (S. XIX).

чается и война, какъ одинъ изъ ея видовъ. Вся ошибка Lueder'a и другихъ приверженцевъ „военнаго реализма“ состоитъ въ томъ, что они смѣшиваютъ видовое понятіе съ родовымъ. Борьба, дѣйствительно, представляетъ элементъ мірового порядка и служитъ источникомъ всякой жизни, всякаго движенія и развитія. Она можетъ быть названа божественной: безъ ея оживляющаго начала народамъ грозила бы смерть. Не такова война. „Съ виду архангелъ; у нея на щитѣ написано имя Божіе, а ноги и хвостъ у нея драконовы“, говоритъ о ней Прудонъ¹⁾. Этотъ двойственный характеръ войны, этотъ божескій и сатанинскій образъ ея служатъ объясненіемъ, почему война то привлекаетъ насъ своею красотою, то отталкиваетъ своимъ безобразіемъ. Въ войнѣ есть проблески прекраснаго, но они не составляютъ ея особенности, а истекаютъ изъ родового признака войны — изъ борьбы; они къ тому же затемняются собственно войнѣ принадлежащими свойствами грубости и своекорыстія. Живительный источникъ не въ войнѣ, а въ борьбѣ. Не война оживляетъ и возвышаетъ, а то великое дѣло, ради котораго она ведется; война унижаетъ и мертвитъ, если ведется ради корыстныхъ цѣлей. Война представляетъ только одну изъ формъ, въ которыхъ можетъ проявиться борьба, притомъ форму первобытную, нисшую. Вся внутренняя красота борьбы исчезаетъ при томъ внѣшнемъ безобразіи, въ которомъ она проявляется въ войнѣ. Видовой признакъ войны — физическое насиліе совершенно искажаетъ родовую черту — борьбу. По мѣрѣ того, какъ въ войнѣ обнаруживается ея признакъ обособленія, она болѣе и болѣе теряетъ свое этическое значеніе и становится зломъ. Не къ охраненію войны, слѣдовательно, должны быть направлены наши усилія, а, наоборотъ, къ тому, чтобы борьба, которая всегда будетъ существовать и которая необходима для поддержанія

1) Война и миръ т. II, стр. 221.

жизни, не вырождалась въ атавистическую свою форму физическаго насилия и войны. Право должно уничтожить войну и сдѣлать возможною борьбу одними мирными средствами.

Оглядываясь назадъ, на пройденный международнымъ правомъ путь, мы замѣчаемъ слѣдующее. Было время, когда сила имѣла исключительное господство, когда международнаго права не существовало. Позднѣ рядомъ съ силою возникло право и умѣрило ея требованія. Въ войнѣ сила уже смягчена правомъ. Но право не останавливается въ своемъ развитіи; медленно растетъ оно и крѣпнетъ, зато усиѣхи его устойчивы и прочны: оно никогда не возвращаетъ разсѣланныхъ имъ завоеваній. Временно между войною и международнымъ правомъ устанавливается согласіе: война признаетъ руководство права, а послѣднее не отрицаетъ законности войны; право допускаетъ и охраняетъ войну, война выступаетъ защитницей права. Такое согласіе непрочное: международное право и война одинаково стремятся къ исключительному господству. Всѣ выгоды при этомъ на сторонѣ права. Если войнѣ удастся по временамъ обезпечить силѣ безграничный просторъ и не заботиться о выполнении требованій международнаго права, то это послѣднее шагъ за шагомъ суживаетъ границы войны и отнимаетъ одно за другимъ ея привычныя средства борьбы. Оно создало уже нейтральныя территоріи, изъ предѣловъ которыхъ навсегда изгнана война, а теперь пытается освободить отъ войны море и всѣ водные пути международныхъ сношеній; оно отняло уже у войны много средствъ борьбы, которыя признало жестокими и несправедливыми, и стремится еще болѣе ограничить ея свободу, навязывая ей совсѣмъ не свойственный характеръ кротости. Постепенное торжество международнаго права надъ войною очень замѣтно. Можно надѣяться, что настанетъ время, когда исключительное господство, когда-то принадлежавшее силѣ, перейдетъ къ праву, авторитетъ силы исчезнетъ, и на землѣ водворится прочный

миръ. Такой миръ, по словамъ Канта, долженъ явиться высшимъ завершеиіемъ всего правового развитія. Понятно, поэтому, что о вѣчномъ мирѣ можетъ быть рѣчь только въ семьѣ народовъ, обладающихъ высоко развитымъ юридическимъ сознаниемъ. Этотъ вѣчный миръ не есть „вѣчный покой“ и конецъ жизни, какъ часто думаютъ и утверждаютъ. Вѣчный миръ — не кладбище свободы, а, наоборотъ, почва для ея процвѣтанія и ограда ея безопасности, это — лишь вышнее условіе, при которомъ борьба не можетъ извратиться въ насилие и войну.

Мм. Гг. ! Наука международного права есть наука о мирѣ. Ея задача — упрочить на землѣ миръ, устранивъ войну изъ области междугосударственныхъ отношеній. Эта великая задача сообщаетъ наукѣ международного права глубокой философской смыслъ. Здѣсь дѣло идетъ о войнѣ и о мирѣ, но война есть проявленіе чувственныхъ стремленій и господство силы, миръ же есть владычество разума и права. Великая просвѣтительная задача нашей науки и состоитъ въ томъ, чтобы приготовить путь для конечнаго торжества мира, т. е. разума и права. Рано или поздно, но разумъ всегда выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, — а съ побѣдою разума водворится и миръ. Когда же придетъ это время? Вмѣсто отвѣта я приведу слова незабвеннаго учителя права Василія Андреевича Незабитовскаго ¹⁾: „Мы живемъ въ такія времена, когда съ удивительною скоростію совершаются вещи, еще недавно казавшіяся невозможными. Можетъ быть, не далеко время, когда и мечта постоянного мира сдѣлается билью. Увлекаться не слѣдуетъ, но несомнительно, что просвѣщеніе ведетъ и приведетъ насъ къ миру“.

1) Собраніе сочиненій стр. 161.

НАКАЗАТЕЛЬНО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ

ДЛЯ

**МАЛОЛѢТНИХЪ и НЕСОВЕРШЕННОЛѢТНИХЪ
ПРЕСТУПНИКОВЪ.**

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ

ОРИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

П. П. ПУСТОРОСЛЕВА

ВЪ ПОЛЬЗУ

НЕДОСТАТОЧНЫХЪ СТУДЕНТОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе.

А. Историческій очеркъ.

- I. Совмѣстное тюремное заключеніе малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ съ совершеннолѣтними въ средніе вѣка.
- II. Возникновеніе и развитіе смѣшанныхъ заведеній для малолѣтнихъ: 1) непорочныхъ, 2) порочныхъ и 3) преступныхъ. XVI—XIX вѣка. Голландія. Германія. Англія. Россія. Франція. Швейцарія.
- III. Возникновеніе и развитіе смѣшанныхъ заведеній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ юнаго возраста: 1) порочныхъ и 2) преступныхъ. XVII—XIX вѣка. Италія. Германія. Швеція. Франція. Россія. Швейцарія. Норвегія. Англія. Испанія.
- VI. Возникновеніе и развитіе специальныхъ заведеній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста. XIX вѣкъ. Франція. Сѣверо-американскіе соединенные штаты. Данія. Англія. Бельгія. Австрія. Голландія. Россія. Германія. Швеція.

Б. Рациональное устройство наказательно-исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста.

- I. Гигіеническія условія.
 - II. Способы размѣщенія заключенныхъ.
 - III. Образованіе: 1) религіозное, 2) элементарное и 3) техническое.
 - IV. Воспитаніе: 1) религіозное и 2) нравственное.
 - V. Трудъ и вознагражденіе за трудъ.
 - VI. Поощренія заключенныхъ къ исправленію наградами за успѣхи, а въ томъ числѣ -- условнымъ досрочнымъ отпускомъ.
 - VII. Дисциплина, дисциплинарныя нарушенія и наказанія.
 - VIII. Покровительство освобожденнымъ изъ заключенія.
 - XI. Теоретическая и практическая подготовленность начальства наказательно-исправительныхъ заведеній къ исполненію своихъ обязанностей.
- Польза одновременнаго существованія казенныхъ и частныхъ наказательно-исправительныхъ заведеній.
- Вліяніе наказательно-исправительныхъ заведеній на уменьшеніе рецидива.

Милостивыя Государыни! Милостивые Государи!

Прежде чѣмъ говорить о возникновеніи, развитіи и устройствѣ наказательно-исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, необходимо указать въ общихъ чертахъ, какого возраста малолѣтніе и несовершеннолѣтніе преступники могутъ подлежать заключенію въ особыя заведенія, съ точки зрѣнія постановленій уголовного права ¹⁾.

1) Литература. Loiseleur — Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes. 1863. Галкинъ — Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса. 2 изд. 1868, стр. 84—85, 1229—135. Богдановскій — Молодые преступники. 1870. Ortolan — Eléments de droit pénal. 2 ed. 1875. Т. I. № 270. Т. II. № № 1483—1485. 1541—1544 Тальбергъ — Историческій очеркъ тюремной реформы. 1875. Lalou — Les projets de réforme pénitentiaire. 1878. р. 141—144. Кистяковскій — Молодые преступники. 1878. Антоновъ — О пользѣ исправительныхъ пріютовъ и убѣжищъ для малолѣтнихъ преступниковъ и освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія. 1879. Никитинъ — Тюрьма и ссылка. 1880. стр. 21—27. 279—283. 333—334. Слюзбергъ — Тюрьма въ Англии (по книгѣ Dr.'а P. S. Aschrott — Strafansystem und Gefängniswesen in England. 1887). Юридическій Вѣстникъ. 1888. № I стр. 114—116 Fuchs — Die Vereins-Fürsorge zum Schutz für entlassene Gefangene in ihrer geschichtlichen Entwicklung während der letzten hundert Jahre. Blätter für Gefängnis-kunde 1888. B. XXIII. Separat-Heft S. 11. 21. 80—81. 93. 100. Föhring — Die Zwangserziehung und die Bestrafung Jugendlicher. Holtzendorff's und Jagemann's Handbuch des Gefängniswesens. 1888. II. B. S. 280—327. Фойницкій — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремовѣдѣніемъ. 1889. стр. 443—479. Taillack — Penological and preventive principles. 1889. р. 349—384. Krohne — Lehrbuch der Gefängnis-kunde. 1889. S. 51—52. 68—72. 75. 81—86. 89. 96. 102—103. 109. 115. 120. 124. 131. 134—135. 187—192. Московскій городской Рукавишниковскій

Нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ новорожденный ребенокъ не въ состояніи понять, что преступно и что не преступно, а потому онъ и не можетъ быть преступникомъ. Только благодаря постепенному многолѣтнему развитію правильно сложеннаго здороваго организма и психическихъ способностей, пріобрѣтаетъ ребенокъ ту степень психическаго развитія, при которой онъ становится способнымъ отличать преступное отъ непроступнаго. Только по пріобрѣтеніи этой способности онъ можетъ стать малолѣтнимъ преступникомъ, если учинить дѣяніе, запрещенное дѣйствующимъ уголовнымъ правомъ, и при томъ учинить съ разумѣніемъ (*avec discernement, con discernimento, mit Einsicht*) т. е. зная, что это дѣяніе преступно.

Съ какого года отъ рожденія можетъ явиться у ребенка способность къ различенію преступнаго, это — вопросъ, при рѣшеніи котораго встрѣчается много разногласій въ различныхъ законодательствахъ. Напр., французское право нашего времени не опредѣляетъ этого года точной цифрой, но обязываетъ уголовный судъ опредѣлять относительно каждаго обвиняемаго ребенка, обладаетъ ли тотъ этой способностью. Напротивъ, большинство современныхъ законодательствъ, вполне правильно стремясь къ огражденію массы дѣтей, не способныхъ къ различенію преступнаго, отъ напраснаго и даже вреднаго привлеченія къ уголовному суду, указываетъ этотъ годъ съ точностью, хотя большею частью и не одинако-

пріютъ. (Историческій очеркъ). 1889. Отчетъ московскаго городского Рукавишниковскаго пріюта 1884—1888 г.г. Москва. 1889. Волъшевскій исправительный пріютъ. 1890. Сергѣевскій — Русское уголовное право. 2 изд. 1890. стр. 169. 176—179. *Renseignements sur les établissements correctionnels des différents pays. Russie. Finlande. Danemark. Suède. Norwège. Allemagne. Autriche-Hongrie. Italie. France. Belgique. Grande-Bretagne. Etats-Unis d'Amérique.* IV congrès pénitentiaire international de St. Petersburg. 1890. Föhring — Die Gesetzgebung des deutschen Reiches und der deutschen Einzelstaaten betreffend die Zwangserziehung der verbrecherischen und verwahrlosten Jugendlichen. 1890. Таганцевъ — Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. IV. 1892 стр. 1389—1397. 1622—1630.

выми цифрами. Напр., по английскому праву, нью-йоркскому, русскому уложению о наказаніяхъ, способность къ различенію преступнаго можетъ существовать у ребенка лишь по истеченіи 7 лѣтъ отъ рожденія, по итальянскому — 9-ти, по австрійскому, датскому, норвежскому уложению и русскому уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями — 10-ти, по венгерскому и германскому уложению — 12-ти.

До какого года отъ своего рожденія преступникъ остается малолѣтнимъ преступникомъ и съ какого года становится несовершеннолѣтнимъ, это опредѣляютъ не всѣ уголовныя законодательства. Большею частью, границей между малолѣтствомъ и несовершеннолѣтіемъ служитъ наступленіе 14 лѣтъ отъ рожденія. Учинившій преступленіе до четырнадцатилѣтняго возраста признается малолѣтнимъ преступникомъ, а учинившій преступное дѣяніе въ возрастѣ отъ 14 лѣтъ до совершеннолѣтія — несовершеннолѣтнимъ. Такъ постановляетъ, напр., русское, английское, австрійское, итальянское право нашего времени. Нѣкоторые же законодательства отступаютъ отъ этого взгляда и считаютъ началомъ несовершеннолѣтія наступленіе другого срока, напр., 16-ти лѣтъ, по французскому и бельгійскому законодательству.

Культурныя государства нашего времени обыкновенно признаютъ, что малолѣтніе преступники могутъ подлежать заключенію въ особыя заведенія. Что же касается несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, то относительно ихъ встрѣчается большое разногласіе. По однимъ законодательствамъ, эти лица вовсе не подлежатъ заключенію въ особыя заведенія; по другимъ же подлежатъ ему только тѣ изъ несовершеннолѣтнихъ, которые учинили преступленіе, находясь въ юномъ возрастѣ. Конецъ юнаго возраста опредѣляется въ этихъ законодательствахъ точною цифрой, но не всегда одинаковой. Напр., по английскому праву, подлежатъ заключенію въ особыя заведенія лишь тѣ изъ несовершеннолѣтнихъ, которые не достигли 16 лѣтняго-возраста; по русскому уложенію и мировому уставу

— 17 лѣтняго, а по германскому и венгерскому уложенію — 18 лѣтняго.

При такомъ разнообразіи законодательныхъ постановленій, мы не можемъ дать общаго точнаго опредѣленія, какого возраста малолѣтніе и несовершеннолѣтніе преступники могутъ подлежать заключенію въ особыя заведенія, по постановленіямъ уголовного права. Мы можемъ опредѣлить это только приблизительно. Малолѣтнимъ преступникомъ называется вообще ребенокъ, который, находясь въ возрастѣ, допускающемъ, по дѣйствующему уголовному праву, присутствіе способности къ различенію преступнаго, учинить дѣяніе, запрещенное этимъ правомъ, зная, что это дѣяніе преступно. Онъ можетъ подлежать заключенію въ особое заведеніе. Изъ несовершеннолѣтнихъ же преступниковъ могутъ подлежать этому заключенію только подростки.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій мы можемъ перейти къ историческому очерку возникновенія и развитія наказательно-исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

Въ средніе вѣка наказательное заключеніе одинаково простиралось какъ на совершеннолѣтнихъ преступниковъ, такъ и на несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ. Оно отбывалось въ разнообразныхъ помѣщеніяхъ разнаго наименованія, какъ надземныхъ, такъ и подземныхъ. Они были холодны въ суровое время года, сыры, тѣсны, темны, грязны. Спертый воздухъ и отвратительные міазмы составляли ихъ постоянную принадлежность. Въ большинствѣ тюремъ дѣлили заключенныхъ на два разряда по полу, и лицъ мужского пола держали отдѣльно отъ лицъ женскаго пола, не дѣлая никакихъ дальнѣйшихъ подраздѣленій. Какъ подсудимые, такъ и отбывающіе наказательное заключеніе, какъ несостоятельные должники, такъ и буйные идиоты и сумасшедшіе, какъ малолѣтніе и несовершеннолѣтніе, такъ и совершеннолѣтніе одного и того же пола, всѣ сидѣли вмѣстѣ, насколько хватало помѣщенія. Въ нѣкоторыхъ же маленькихъ феодальныхъ тюрьмахъ, за недо-

статкомъ мѣста, держали вмѣстѣ даже мужчинъ и женщинъ. По общему правилу, заключенные должны были кормиться на свой собственный счетъ, неимущимъ же тюрьма выдавала только хлѣбъ и воду, да и то не всегда хорошаго качества и въ недостаточномъ количествѣ. Казенной одежды вовсе не полагалось. Постелью служила солома, которую перемѣняли рѣдко. Заключенные не занимались никакими работами и сидѣли въ праздности. Ни обученія грамотѣ, ни религіознаго, ни нравственнаго воспитанія, ни медицинской помощи не было. Болѣзни и пороки царили въ тюрьмахъ. Заключенные были почти всецѣло отданы на произволъ тюремнаго начальства. Оно дѣлало съ ними почти все, что хотѣло. Запрещалось начальству лишь тяжкое изувѣченіе и убіеніе заключенныхъ.

При такихъ условіяхъ, средневѣковое наказательное заключеніе было тяжело и вредно для заключенныхъ. Оно расшатывало здоровье, подрывало физическія силы, губило нравственность, было школой порока и преступленія. Наиболѣе же сильно страдали малолѣтніе и несовершеннолѣтніе. На нихъ особенно сильно отражалось гибельное вліяніе арестантской среды и жизни. Только рѣдкій изъ нихъ, по выходѣ изъ тюрьмы, оставался на честномъ пути, а громадное большинство, вырвавшись на свободу, погружалось въ пороки и преступленія.

Какъ ни губительно было совмѣстное наказательное заключеніе малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ съ совершеннолѣтними, тѣмъ не менѣе ни законодательство, ни правительство, ни общество того времени не обращали на это никакого вниманія. Въ литературѣ того времени изрѣдка попадались жалобы лишь на тягость физическихъ условій арестантской жизни, но даже идеи объ отдѣленіи малолѣтнихъ и юныхъ преступниковъ отъ взрослыхъ во время заключенія не было высказано.

Хотя въ средніе вѣка не было сдѣлано ни шагу къ усовершенствованію наказательнаго заключенія для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, за то эти вѣка иначе внесли свою лепту. Въ XIV и особенно въ XV-мъ столѣтіи подготовляются и развиваются въ Европѣ тѣ умственныя и

религіозныя движенія, которыя такъ ярко всныхнули въ XVI вѣкѣ и своимъ могучимъ порывомъ положили начало новому времени, замѣчательному широкимъ развитіемъ прогресса. Подготавливая же и развивая эти движенія, XIV и XV столѣтія подготовили благоприятныя условія для реформы наказательнаго заключенія въ пользу малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

Первыя попытки этой реформы были сдѣланы въ XVI вѣкѣ. Частію изъ религіозныхъ побужденій, частію изъ состраданія, частію изъ соображеній общественной безопасности, въ нѣкоторыхъ городахъ Голландіи, а потомъ и Германіи началось движеніе въ пользу безпріютныхъ малолѣтнихъ. Нѣкоторые города, напр., Любекъ въ 1547 г., Гамбургъ въ 1595 г., учредили на свой счетъ особыя заведенія для безпріютныхъ малолѣтокъ. Эти заведенія обыкновенно назывались сиротскими домами, и принимали: 1) непорочныхъ дѣтей, 2) порочныхъ и 3) нѣкоторыхъ изъ преступныхъ, а главнымъ образомъ — виновныхъ въ бродяжничествѣ. Всѣхъ этихъ дѣтей держали совмѣстно, въ простомъ, но порядочномъ помѣщеніи, отдѣляя лишь мальчиковъ отъ дѣвочекъ. Имъ давали простую, но здоровую пищу и простую одежду. Ихъ учили молитвамъ, воспитывали, какъ умѣли, въ духѣ религіи и нравственности и обязательно обучали труду.

Такъ появились смѣшанныя заведенія для малолѣтнихъ: 1) непорочныхъ, 2) порочныхъ и 3) преступныхъ. Этихъ заведеній было очень немного въ XVI вѣкѣ. Въ XVII столѣтіи они стали распространяться въ Голландіи и Германіи, но очень мало. Съ XVIII же вѣка они стали исчезать въ этихъ странахъ. Одни — закрывались, другія — преобразовывались въ воспитательныя заведенія для безпріютныхъ дѣтей: непорочныхъ и порочныхъ, но непорочныхъ. Когда именно произошло окончательное исчезновеніе прежнихъ смѣшанныхъ заведеній въ Голландіи и Германіи, не извѣстно. Во всякомъ случаѣ въ XIX вѣкѣ они здѣсь уже не встрѣчаются, за то появляются въ Англіи, Россіи, Франціи и Швейцаріи.

Въ 1788 году лондонское филантропическое общество открываетъ воспитательное заведеніе — Гэкней для безпріютныхъ, но непреступныхъ дѣтей, какъ безпорочныхъ такъ и порочныхъ. Полезные результаты этого заведенія обращаютъ на себя вниманіе правительства. А между тѣмъ уже съ конца XVIII вѣка въ Англіи, благодаря знаменитому Джону Говарду, все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что узаконенное совмѣстное наказательное заключеніе малолѣтнихъ преступниковъ съ совершеннолѣтними слишкомъ вредно и жестоко для малолѣтнихъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, королевская власть въ XIX вѣкѣ, по ходатайству статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ, начинаетъ миловать нѣкоторыхъ малолѣтнихъ преступниковъ отъ тюремнаго заключенія, подъ условіемъ помѣщенія ихъ на опредѣленные сроки въ Гэкней. Въ 30-хъ годахъ учреждается еще нѣсколько частныхъ заведеній того же рода, и королевская власть путемъ помилованія направляетъ сюда нѣкоторыхъ малолѣтнихъ преступниковъ. Такъ появляются въ Англіи въ XIX вѣкѣ смѣшанныя заведенія для совмѣстнаго содержанія малолѣтнихъ : 1) безпорочныхъ, 2) порочныхъ и 3) преступныхъ.

Малочисленность этихъ заведеній, неудобство частаго обращенія къ помилованію и заботливость объ усовершенствованіи наказательнаго заключенія для малолѣтнихъ преступниковъ привели къ убѣжденію, что для малолѣтнихъ преступниковъ необходимо учредить особыя наказательно-исправительныя заведенія. Подъ влияніемъ этого убѣжденія и издается законъ 10 Августа 1838 года. Онъ предписываетъ устроить на государственный счетъ особую исправительную тюрьму для малолѣтнихъ преступниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ открывать, съ разрѣшенія правительства, и частныя наказательно-исправительныя заведенія для этихъ лицъ (*reformatory schools*). Казенная исправительная тюрьма открывается въ Паркгёрстѣ, а вслѣдъ за нею появляется и нѣсколько частныхъ наказательно-исправительныхъ заведеній (*reformatory schools*). Препровожденіе малолѣтнихъ преступниковъ по королевскому помило-

ванію въ частныя смѣшанныя заведенія, устроенныя для непорочныхъ и порочныхъ малолѣтокъ, прекращается.

Новый законъ 1854 года ставитъ наказательно-исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ на твердую почву. Онъ постановляетъ, чтобъ въ этихъ заведеніяхъ содержались только малолѣтніе преступники, опредѣляетъ условія и порядокъ содержанія и обезпечиваетъ этимъ заведеніямъ постоянную денежную помощь со стороны государства. Эти заведенія, начинаютъ быстро распространяться и давать прекрасные результаты, но тѣмъ не менѣе оказываются недостаточно многочисленными, чтобы вмѣстить всю массу малолѣтнихъ преступниковъ, подлежащихъ наказательно-исправительному заключенію. Тогда Англія обращается за помощью къ распространившимся въ ней ремесленнымъ заведеніямъ, предназначеннымъ для безпріютныхъ непорочныхъ и непроступныхъ дѣтей (*industrial schools*). 10 Августа 1866 года издается законъ, который постановляетъ, что въ ремесленныя школы, одобренныя или признанныя правительствомъ (*certified industrial schools*), могутъ быть помѣщаемы для совмѣстнаго содержанія, воспитанія и обученія не только безпорочныя дѣти, но и порочныя и даже нѣкоторыя преступныя. Этотъ законъ остается въ силѣ до сихъ поръ и имѣетъ широкое примѣненіе. Признанныхъ ремесленныхъ школъ (*certified industrial schools*) находится теперь въ Англіи болѣе 200.

Отъ Англіи переходимъ къ Россіи.

Въ 1817 году образовалось въ Англіи знаменитое частное общество улучшенія тюремныхъ порядковъ. Одинъ изъ членовъ этого общества, Вальтеръ Веннингъ, надѣясь на общеизвѣстное сочувствіе русскаго Императора Александра I всему хорошему, рѣшился отправиться въ Россію и довести до свѣдѣнія Государя о настоятельной необходимости преобразования русскихъ тюремныхъ порядковъ. Въ 1817 году онъ прибылъ въ Петербургъ и, благодаря своимъ соотечественникамъ, былъ представленъ князю Голицыну. Голицынъ, заинтересовавшись Веннингомъ, доложилъ о немъ Государю. Государь отнесся къ дѣлу весьма

сочувственно; онъ велѣлъ представить себѣ Веннинга, горячо заинтересовался его планами, разрѣшилъ осмотрѣть петербургскія, тверскія и московскія мѣста заключенія, подвѣдомственныя полицейской администраціи, и приказалъ князю Голицыну войти въ совѣщаніе съ Веннингомъ о проведеніи тюремныхъ преобразованій въ Россіи. Веннингъ осмотрѣлъ петербургскія мѣста заключенія и правдиво описалъ ихъ безобразное состояніе. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составилъ особую докладную записку, въ которой изложилъ важнѣйшія средства къ проведенію надлежащихъ тюремныхъ преобразованій. Онъ совѣтовалъ учредить въ Россіи частное общество попеченія о тюрьмахъ съ исполнительными органами въ видѣ комитетовъ и вручить имъ исправленіе заключенныхъ и наблюденіе за внутреннимъ управленіемъ тюремъ. Составивъ оба документа, онъ передалъ ихъ князю Голицыну, а Голицынъ — Государю. Государь во многомъ одобрилъ мысль Веннинга объ учрежденіи попечительнаго общества, но значительно измѣнилъ ее. Онъ самъ собственноручно три раза исправлялъ проектъ правилъ общества и наконецъ утвердилъ ихъ 19 іюля 1819 года. Такъ учреждено было въ Россіи попечительное о тюрьмахъ общество, но не частное, какъ предлагалъ Веннингъ, а полу-частное, полуправительственное. Это общество состояло изъ добровольныхъ членовъ и президента, назначаемаго Высочайшею Властью. Исполнительными органами служили комитеты мужскіе и дамскіе. Члены и предсѣдатели комитетовъ назначались Государемъ изъ кандидатовъ, избранныхъ комитетомъ. Открытіе общества послѣдовало 11 октября 1819 года. Въ этотъ день открылся въ Петербургѣ мужской комитетъ, а 13 октября — дамскій, и оба энергичнѣйшимъ образомъ принялись за свою дѣятельность.

Изъ непосредственныхъ наблюденій надъ заключенными членами общества пришли къ убѣжденію, что между малолѣтними и прочими заключенными существуетъ глубокая разница какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи, что равнять ихъ между собою слишкомъ неразумно и жестоко. Въ виду этого въ

1820 году петербургскій мужской комитетъ постановилъ: „арестованныхъ малолѣтнихъ отдѣлять отъ взрослыхъ, учить грамотѣ и легкой работѣ — щипать корпию, водить прогуливаться, нанять для нихъ трезвыхъ толковыхъ дядекъ и мастеровъ для обученія ихъ сапожному ремеслу.“ Въ осуществленіе этого постановленія комитетъ въ 1821 году приспособилъ одинъ тюремный флигель и сталъ переводить туда малолѣтнихъ изъ другихъ отдѣленій тюрьмы, а также изъ полицейскихъ арестантскихъ. Въ теченіе 5 лѣтъ комитетъ провелъ черезъ свое новое заведеніе 347 человекъ, обучилъ ихъ ремеслу и почти всѣхъ вывелъ на честную дорогу.

Большинство арестованныхъ малолѣтнихъ принадлежало къ числу осужденныхъ преступниковъ, а меньшинство — къ числу подсудимыхъ. Среди послѣднихъ находились не только дѣйствительно преступныя дѣти, но и только порочныя, и даже вполне непорочныя, заподозрѣнныя въ преступленіи по стеченію уликъ обвинительнаго характера. Отсюда становится понятно, что особое отдѣленіе губернской тюрьмы, приспособленное комитетомъ въ 1821 году для арестованныхъ малолѣтнихъ, было смѣшаннымъ заведеніемъ, въ которомъ большинство заключенныхъ состояло изъ признанныхъ преступныхъ малолѣтокъ, а меньшинство — изъ заподозрѣнныхъ въ преступленіи, но въ дѣйствительности — или преступныхъ, или только порочныхъ, или даже непорочныхъ.

Существованіе малолѣтняго отдѣленія въ зданіи губернской петербургской тюрьмы было неудобно. Комитетъ сталъ хлопотать о перемѣщеніи этого отдѣленія въ совершенно отдѣльное зданіе, но эти хлопоты увѣнчались неполнымъ успѣхомъ. Въ 1843 году президентъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, графъ Бенкендорфъ доложилъ Императору Николаю I, что „заключенные малолѣтніе и несовершеннолѣтніе — почти вовсе не преступники и въ нѣжномъ возрастѣ требуютъ особаго о нихъ попеченія и нравственнаго воспитанія, а потому не могутъ быть содержимы въ одномъ зданіи съ преступниками, отъ которыхъ неопытные и даже невинные легко заражаются

духомъ порока.“ Императоръ одобрилъ эту мысль и повелѣлъ открыть особое малолѣтнее отдѣленіе для осужденныхъ и подслѣдственныхъ, при петербургскомъ исправительномъ заведеніи, образованномъ въ 1839 году изъ бывшаго смирительнаго дома, что и было исполнено въ 1843 году. Въ виду этого прежнее малолѣтнее отдѣленіе при петербургской губернской тюрьмѣ закрылось. Но вскорѣ между петербургскимъ мужскимъ комитетомъ попечительнаго общества и попечителемъ петербургскаго исправительнаго заведенія, а, слѣдовательно, и малолѣтняго отдѣленія возникло несогласіе. Тогда комитетъ 29 апрѣля 1844 года открылъ свое особое малолѣтнее отдѣленіе при губернской петербургской тюрьмѣ.

Въ настоящее время почти во всѣхъ русскихъ тюрьмахъ и арестныхъ помѣщеніяхъ, за исключеніемъ волостныхъ, малолѣтніе и несовершеннолѣтніе содержатся отдѣльно отъ совершеннолѣтнихъ и при томъ съ разобщеніемъ по полу. Осужденные малолѣтніе и несовершеннолѣтніе преступники юнаго возраста отдѣляются обыкновенно отъ подслѣдственныхъ, но только въ очень немногихъ тюрьмахъ получаютъ удовлетворительное элементарное, религіозное и техническое образованіе, религіозно-нравственное воспитаніе и обученіе труду.

Отъ Россіи обращаемся къ Франціи.

Во Франціи по закону 5—12 августа 1850 года о воспитаніи и покровительствѣ малолѣтнимъ заключеннымъ, учреждены въ арестныхъ домахъ (*maisons d'arrêt et de justice*) особыя отдѣленія для малолѣтнихъ, а именно: 1) для мальчиковъ, присужденныхъ къ наказательному заключенію на срокъ не болѣе 6 мѣсяцевъ, 2) для подсудимыхъ и 3) для мальчиковъ отданныхъ на исправленіе родителями. Этотъ законъ остается въ силѣ до сихъ поръ.

Наконецъ въ Швейцаріи во второй половинѣ XIX вѣка является нѣсколько смѣшанныхъ заведеній для непорочныхъ, порочныхъ и преступныхъ дѣтей ¹⁾.

1) Слѣдуетъ замѣтить, что три заведенія, устроенныя знаменитымъ Генрихомъ Песталоцци въ Швейцаріи въ концѣ XVIII вѣка были предна-

При оцѣнкѣ смѣшанныхъ заведеній для совмѣстнаго содержанія непорочныхъ, порочныхъ и преступныхъ малолѣтнихъ, нельзя не замѣтить, что эти заведенія страдаютъ двумя существенными недостатками и, благодаря этому, являются не удовлетворительными.

Во первыхъ, совмѣстное пребываніе непорочныхъ дѣтей съ порочными и даже преступными опасно для нравственности непорочныхъ. Дѣти неиспорченныя, но слабохарактерныя, увлекающіяся могутъ легко поддаться безнравственному вліянію. Зачѣмъ же подвергать ихъ этой опасности?

Во вторыхъ, при совмѣстномъ пребываніи непорочныхъ, порочныхъ и преступныхъ дѣтей, нѣтъ возможности устроить для каждаго ихъ разряда правильную, цѣлесообразную систему содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, непорочному ребенку нужно воспитаніе, порочному — исправленіе, преступному — наказаніе, способное къ исправленію его. Разница въ цѣляхъ требуетъ соотвѣтствующей разницы и въ средствахъ. Для воспитанія непорочныхъ дѣтей нужна одна система, для исправленія порочныхъ — другая, для исправительнаго наказанія преступныхъ — третья. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти системы имѣютъ много общаго, но за то въ каждой изъ нихъ есть и свои отличительныя особенности. Провести каждую изъ этихъ трехъ системъ, при совмѣстномъ пребываніи дѣтей въ одномъ и томъ же заведеніи, не возможно. Волей-неволей приходится примѣнять ко всѣмъ этимъ дѣтямъ только одну. А это во всякомъ случаѣ — не цѣлесообразно и не справедливо. При воспитательной системѣ, непорочныя дѣти получаютъ то, что имъ нужно; за то порочныя, такъ-же какъ и преступныя не получаютъ надлежащаго перевоспитанія, а преступныя — несправедливо освобождаются отъ заслуженнаго наказанія. При исправительной системѣ, порочныя дѣти полу-

значены, на сколько мнѣ извѣстно, для безпріютныхъ дѣтей: главнымъ образомъ — для непорочныхъ и отчасти — для порочныхъ, но не преступныхъ.

чаютъ должное; за то непорочныя — несправедливо подвергаются излишнимъ стѣсненіямъ и строгостямъ, а преступныя — несправедливо освобождаются отъ наказанія. При наказательно-исправительной системѣ, преступныя дѣти получаютъ должное; за то порочныя и непорочныя — несправедливо подвергаются наказанію, хотя они не совершили никакого преступленія. При такомъ положеніи вещей, нельзя не признать, что заведенія для совмѣстнаго содержанія малолѣтнихъ: 1) непорочныхъ, 2) порочныхъ и 3) преступныхъ — не удовлетворительны. вмѣсто того, чтобы держать этихъ дѣтей въ одномъ и томъ же заведеніи по одной и той же системѣ, нужно устроить три рода заведеній съ тремя различными системами содержанія и въ каждое изъ нихъ помѣщать лишь дѣтей соответствующаго разряда. Для непорочныхъ дѣтей должны быть воспитательныя заведенія, для порочныхъ — исправительныя, а для преступныхъ — наказательно-исправительныя. Это мы и встрѣчаемъ въ настоящее время въ Голландіи, Бельгіи, Даніи, Швеціи и многихъ изъ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ.

Разсмотрѣвъ смѣшанныя заведенія первой категоріи, обратимся ко второй.

Болѣе ста лѣтъ спустя послѣ появленія смѣшанныхъ заведеній для преступныхъ, порочныхъ и непорочныхъ малолѣтокъ, возникаютъ въ XVII вѣкѣ въ Италіи смѣшанныя заведенія для малолѣтнихъ: 1) порочныхъ и 2) преступныхъ. Первымъ заведеніемъ этого рода былъ исправительный домъ (*casa di correzione*) для порочныхъ и преступныхъ мальчиковъ, основанный во Флоренціи Филиппомъ Франчи въ срединѣ XVII столѣтія. Мальчики содержались здѣсь день и ночь, по одиночкѣ, каждый въ своей отдѣльной кельѣ (*cellette*), а при выходѣ на прогулку закрывали лица покрывалами. Дѣтей воспитывали здѣсь въ духѣ религіи и нравственности и обучали труду. Одиночное заключеніе было введено съ цѣлью предохраненія менѣе испорченныхъ отъ вреднаго вліянія со стороны болѣе испорченныхъ. Затѣмъ, въ Генуѣ въ 1656 году было

учреждено исправительное заведеніе (albergo di Carbonara) на 600 человекъ для малолѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ : 1) порочныхъ и 2) преступныхъ. Здѣсь мальчиковъ держали отдѣльно отъ дѣвочекъ ; но за то какъ въ кругу мальчиковъ, такъ и въ кругу дѣвочекъ, порочные содержались совмѣстно съ преступными. Въ предупрежденіе же развращающаго вліянія со стороны болѣе испорченныхъ, дѣтямъ предписано было не разговаривать другъ съ другомъ, а хранить молчаніе. Дѣти подвергались строгому воспитанію и обученію работамъ.

Въ XVIII вѣкѣ продолжается въ Италіи медленное распространеніе смѣшанныхъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ юнаго возраста, какъ порочныхъ, такъ и преступныхъ. Въ 1704 году папа Климентъ XI основалъ въ Римѣ исправительное заведеніе для преступныхъ и порочныхъ мальчиковъ и юношей. Днемъ держали ихъ совмѣстно, запрещая всякіе переговоры другъ съ другомъ, а на ночь размѣщали по отдѣльнымъ кельямъ. Обученіе закону Божію и грамотѣ, труду и ремесламъ, строгое религіозно-нравственное воспитаніе лежали въ основѣ этой системы. Въ 1735 году папа Климентъ XII прибавилъ къ этому исправительному заведенію особое отдѣленіе для порочныхъ и преступныхъ дѣвочекъ и дѣвушекъ юнаго возраста. Потомъ, смѣшанныя исправительныя заведенія были учреждены Маріей Терезіей въ Миланѣ въ 1771 году и Леопольдомъ въ Тосканѣ въ 1782 году.

Въ XIX вѣкѣ, по почину французскаго уголовного уложенія 1810 года, начинается постепенно выработываться опредѣленное понятіе о порочныхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, подлежащихъ заключенію въ исправительныя заведенія. Въ нашемъ вѣкѣ, судя по косвеннымъ указаніямъ законодательства и судебной практики, такими лицами слѣдуетъ считать : 1) малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ юнаго возраста, учинившихъ безъ разумія, но, по дурнымъ наклонностямъ, такія дѣянія, которыя запрещены дѣйствующимъ уголовнымъ правомъ, и 2) малолѣтнихъ и несовершеннолѣт-

нихъ юнаго возраста, учинившихъ, по дурнымъ наклонностямъ, важный дурной поступокъ или цѣлый рядъ такихъ поступковъ, не запрещенныхъ дѣйствующимъ уголовнымъ правомъ, какъ напр., посѣщеніе воровскихъ притоновъ, пьянство, упорное неповиновеніе разумнымъ требованіямъ родителей и проч.

Въ XIX вѣкѣ смѣшанныя заведенія для порочныхъ и преступныхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ юнаго возраста не остаются уже достояніемъ одной Италіи, но начинаютъ распространяться и въ другихъ странахъ Европы: въ Германіи, Швеціи, Франціи, Россіи, Швейцаріи, Англии, Норвегіи и Испаніи. Распространеніе ихъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія идетъ вообще медленно, но во второй быстро увеличивается въ нѣкоторыхъ государствахъ, а именно во Франціи, Италіи и Швейцаріи.

Италія и въ XIX вѣкѣ раньше другихъ странъ приступила къ учрежденію этихъ заведеній. Въ 1826 году папа Левъ XII основалъ въ Римѣ исправительное заведеніе для порочныхъ и преступныхъ малолѣтнихъ въ замѣнъ закрышагося прежняго. Затѣмъ, дальнѣйшее распространеніе этихъ заведеній приостановилось до конца 60-хъ годовъ. Въ 1865 году для всей Италіи было узаконено одно уголовное уложеніе. Оно допустило подвергать исправительному заключенію не только преступныхъ, но и порочныхъ малолѣтнихъ, и съ этого времени пошло быстрое распространеніе частныхъ исправительныхъ заведеній (reformatorij) для этихъ лицъ.

Въ Германіи первое исправительное заведеніе для преступныхъ и порочныхъ малолѣтнихъ было учреждено въ Саксенъ-Веймарѣ въ 1829 году. За нимъ послѣдовало значительное число и другихъ. Но общегерманское уголовное уложеніе 15 мая 1871 года положило конецъ существованію этихъ смѣшанныхъ заведеній, такъ какъ постановило, что лица, присужденныя къ наказательному заключенію за учиненіе преступнаго дѣянія съ разумнѣемъ, въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ, должны отбывать это наказаніе въ особыхъ мѣстахъ или заведеніяхъ.

Въ Швеціи первое и при томъ послѣднее исправительное заведеніе для преступныхъ и порочныхъ малолѣтокъ было учреждено въ 1829 году въ Стокгольмѣ. Но оно вскорѣ измѣнило своему первоначальному назначенію и стало принимать къ себѣ только непорочныхъ безпріютныхъ дѣтей.

Во Франціи первымъ смѣшаннымъ исправительнымъ заведеніемъ для преступныхъ и порочныхъ малолѣтокъ была земледѣльческая колонія Сито. Ее устроилъ аббатъ Рэ близъ Ліона въ 1835 году. Такая же колонія была основана аббатомъ Дюпихомъ въ Бордо въ 1836 году. Въ томъ же году Парижъ устроилъ малую ракетскую тюрьму для преступныхъ и порочныхъ малолѣтокъ. Въ ней уже съ 1836 года часть ихъ была подвергнута одиночному заключенію, а потомъ оно стало распространяться все болѣе и болѣе, по мѣрѣ выстройки одиночныхъ келей, и съ 1840 года всѣ малолѣтніе малой ракетской тюрьмы уже сидѣли въ одиночномъ заключеніи. Оно примѣнялось здѣсь долго, но, въ виду своего крайне вреднаго вліянія на физическое и психическое состояніе малолѣтнихъ, было отмѣнено въ 1865 году съ помощью императрицы Евгеніи. Въ 1837 году былъ устроенъ аббатомъ Фиссье въ Марселѣ городской ремесленный пріютъ для преступныхъ и порочныхъ малолѣтнихъ. Такой же пріютъ былъ основанъ въ томъ же году аббатомъ Бертье въ Тулузѣ. Наконецъ, въ 1839 году была открыта Куртейлемъ и Демецомъ знаменитая колонія Меттрэ близъ Тура для преступныхъ и порочныхъ малолѣтокъ. Она давала имъ религіозное, элементарное и техническое образованіе, религіозное и нравственное воспитаніе и систематически обучала труду, главнымъ—образомъ земледѣльческому и отчасти—ремесленному. Заключенные были размѣщены въ ней по такъ называемой семейной системѣ. Эта система была заимствована Демецомъ изъ Германіи, изъ суроваго дома (Rauhen Haus), устроеннаго, благодаря неутомимымъ трудамъ пастора Іоанна Вихерна, въ 1833 году близъ Гамбурга для безпріютныхъ и порочныхъ дѣтей. Демецъ за-

имствоваль существенныя черты этой системы, но видоизмѣнили нѣкоторыя частности.

Основная идея такъ называемой семейной системы состоитъ въ томъ, чтобы создать для заключенныхъ искусственныя семьи въ самомъ заведеніи за неимѣніемъ естественныхъ. Всѣ малолѣтки заведенія дѣлятся на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, по 12 человекъ въ суровомъ домѣ и по 40 въ Меттрэ. Каждая группа называется семьей. Во главѣ ея стоитъ особый наставникъ и руководитель. Онъ называется отцомъ семейства, а всѣ мальчики одной и той же группы называются — братьями, при чемъ лучший изъ нихъ по поведенію и трудолюбію носить названіе старшаго брата. Нельзя не замѣтить, что эта система имѣла и имѣеть много поклонниковъ, но въ послѣднее время у нея явилось и не мало противниковъ. Послѣдніе справедливо указываютъ, что въ ней хорошо лишь подраздѣленіе заключенныхъ на отдѣльныя группы, а искусственныя семейныя титулы составляютъ очевидную фальшь, смѣшную для заключенныхъ и потому вредную. Однако этотъ недостатокъ сначала не былъ замѣченъ и, благодаря другимъ несомнѣннымъ достоинствамъ меттрейской колоніи, былъ даже признанъ за особое достоинство.

Прекрасное устройство меттрейской колоніи во многихъ отношеніяхъ и блестящіе успѣхи ея дѣятельности, быстро создали этому заведенію извѣстность не только во Франціи, но и за границей. Во Франціи не только частныя лица, но даже и государство стали устраивать исправительныя заведенія для преступныхъ и порочныхъ дѣтей, по образцу Меттрэ. Общественное движеніе въ пользу исправительныхъ заведеній для этихъ дѣтей развилось такъ сильно, что вызвало законъ 5—12 августа о воспитаніи и покровительствѣ малолѣтнимъ заключеннымъ. Онъ узаконилъ, во первыхъ, исправительныя колоніи (*colonies pénitentiaires*). Онѣ предназначены лишь для малолѣтнихъ мужского пола: а) для преступныхъ, приговоренныхъ къ заключенію, въ наказаніе за уголовныя правонарушенія, на срокъ не менѣе 6 мѣсяцевъ и не болѣе

2 лѣтъ, и б) для порочныхъ, какъ добровольно отданныхъ на исправленіе родителями, такъ и отданныхъ на исправленіе судомъ за учиненіе, безъ разумѣнія, такихъ дѣяній, которыя по своему внѣшнему составу подходятъ подъ составъ преступленія (crime). Во вторыхъ, этотъ законъ установилъ особыя исправительныя колоніи (colonies correctionnelles) для малолѣтнихъ мужского пола: а) для преступныхъ, присужденныхъ къ заключенію, въ наказаніе за уголовныя правонарушенія, на срокъ отъ двухъ лѣтъ и выше, и б) для питомцевъ исправительной колоніи (colonie pénitentiaire), признанныхъ непокорными. Въ третьихъ, тотъ же законъ учредилъ исправительные дома (maisons pénitentiaires) для малолѣтнихъ женскаго пола: а) для преступныхъ, присужденныхъ къ наказательному заключенію на какіе бы то ни было сроки, и б) для порочныхъ, какъ отданныхъ на исправленіе родителями, такъ и отданныхъ на исправленіе судомъ за учиненіе, безъ разумѣнія, такихъ дѣяній, которыя по своему внѣшнему составу подходятъ подъ составъ преступленія (crime). Съ тѣхъ поръ постепенно было основано во Франціи множество исправительныхъ колоній и домовъ. Большинство изъ нихъ принадлежитъ къ числу частныхъ заведеній, а незначительное меньшинство къ числу казенныхъ. Особая исправительная колонія существуетъ только одна и при томъ казенная. За то вмѣсто другихъ особыхъ исправительныхъ колоній государство устроило нѣсколько особыхъ исправительныхъ отдѣленій при центральныхъ тюрьмахъ.

Россія позднѣе Франціи приступила къ учрежденію смѣшанныхъ заведеній для преступныхъ и порочныхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ юнаго возраста.

Къ 1839 году петербургскій смирительный домъ былъ преобразованъ въ петербургское исправительное заведеніе. Въ этомъ заведеніи было устроено особое отдѣленіе для совмѣстнаго содержанія нѣкоторыхъ преступныхъ и порочныхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, по наказательно-исправительной системѣ. Въ это отдѣленіе принимались: 1) мало-

лѣтніе и несовершеннолѣтніе юнаго возраста, присужденные къ заключенію въ смирительный домъ въ наказаніе за уголовныя правонарушенія, и 2) малолѣтніе и несовершеннолѣтніе юнаго возраста, подлежащіе заключенію въ смирительный домъ на исправленіе, по желанію родителей, „за упорное неповиновеніе родительской власти, за развратную жизнь и другіе явные пороки“. Въ послѣдствіи такія же отдѣленія были открыты и въ смирительныхъ домахъ, а кромѣ того соотвѣтствующія отдѣленія были открыты и въ рабочихъ домахъ. Въ 70-хъ годахъ совмѣстное содержаніе порочныхъ съ преступными было отмѣнено закономъ въ петербургскомъ исправительномъ заведеніи, въ смирительныхъ и рабочихъ, а также въ московской исправительной тюрьмѣ, преобразованной изъ московскаго смирительно-рабочаго дома. Законъ 25 ноября 1885 года отмѣнилъ какъ наказательное заключеніе въ рабочемъ и смирительномъ домѣ, такъ и заключеніе порочныхъ лицъ въ эти дома и замѣняющія ихъ тюремныя помѣщенія. Такъ исчезли казенныя наказательно-исправительныя отдѣленія для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста. Но этимъ не кончилось дѣло.

Въ 1864 году общество распространенія полезныхъ книгъ, по иниціативѣ А. Н. Стрекаловой, открыло въ Москвѣ, съ разрѣшенія правительства, маленькую „исправительную школу“ (на 10 человекъ) для малолѣтнихъ: 1) находящихся подъ судомъ по обвиненію въ преступленіяхъ и 2) порочныхъ. Поступилъ ли въ эту школу кто-нибудь изъ подсудимыхъ малолѣтокъ, не извѣстно, но порочныя дѣти дѣйствительно поступали. Однако, она не долго ограничивалась пріемомъ этихъ лицъ. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, 1864 года (ст. 6), и уложеніе о наказаніяхъ 1866 года (ст. 137. 138) ввели новое наказаніе для многихъ изъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста. Это новое наказаніе было заключеніемъ въ исправительный пріютъ. Оно остается въ силѣ и до сихъ поръ. Заботясь о скорѣйшемъ осуществленіи этого наказанія на дѣлѣ, законо-

датель издалъ особый законъ 5 декабря 1866 года объ исправительныхъ пріютахъ. По этому закону, было разрѣшено учрежденіе какъ казенныхъ, такъ и частныхъ исправительныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, не достигшихъ семнадцатилѣтняго возраста, опредѣлены важнѣйшія правила о порядкѣ содержанія этихъ лицъ и установлены преимущества и пособія въ пользу частныхъ пріютовъ. Въ виду этихъ законовъ, уставъ московской исправительной школы подвергся нѣкоторому измѣненію въ 1867 году. Въ ней открытъ былъ пріемъ не только порочнымъ, но и преступнымъ малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ юнаго возраста. Поступленіе преступныхъ началось съ 1867 года. Такъ явилось у насъ первое частное смѣшанное заведеніе для преступныхъ и порочныхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ юнаго возраста. Этотъ характеръ сохраняло оно довольно долго. Въ 1879 году московская исправительная школа перешла въ вѣдѣніе московской городской думы и была преобразована въ Московскій Городской Рукавишниковскій Пріютъ, названный Рукавишниковскимъ въ честь драгоцѣнныхъ личныхъ трудовъ и пожертвованій покойнаго директора школы, Н. В. Рукавишникова. Для новаго пріюта былъ составленъ и утвержденъ новый уставъ. По этому уставу разрѣшено принимать въ пріютъ только малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста, осужденныхъ судебными приговорами, и съ іюня 1879 года пріемъ порочныхъ дѣтей прекратился. Въ 1882 году при московскомъ пріютѣ, съ разрѣшенія правительства, построено особое зданіе для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ юнаго возраста, подвергнутыхъ предварительному заключенію для предупрежденія уклоненія отъ суда и наказанія. Эти лица содержатся вполнѣ отдѣльно отъ осужденныхъ. Такимъ образомъ, московскій пріютъ остался специальнымъ наказательно-исправительнымъ заведеніемъ для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста. И нельзя не признать,

что это заведеніе принадлежитъ къ числу наилучшихъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Вслѣдъ за изданіемъ закона 5 декабря 1866 года объ исправительныхъ пріютахъ появляется у насъ рядъ частныхъ исправительныхъ заведеній разнаго наименованія. Одни изъ нихъ, какъ напр., „Петербургская Земледѣльческая Колонія“ 1871 года, „Саратовскій Учебно-исправительный Пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ“ 1873 года, „Большевскій Исправительный Ремесленный Пріютъ для нищихъ дѣвочекъ“ 1874 года и др. явились смѣшанными заведеніями, предназначенными: 1) для преступныхъ и 2) для порочныхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ юнаго возраста. Другія же, какъ напр., „Земледѣльческая Ремесленная Колонія, Студзенець“ 1876 года въ варшавской губерціи, „Симбирская Воспитательно-исправительная Земледѣльческая Колонія“ 1880 года, „Вологодскій Исправительный Ремесленный пріютъ“ 1886 года и т. д. сразу выступили специальными наказательно-исправительными заведеніями для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста.

Такимъ образомъ шло дѣло почти до середины 1892 года. 20 мая 1892 года вышелъ новый законъ. Онъ разрѣшилъ уголовному суду присуждать къ отдачѣ въ исправительные пріюты нѣкоторыхъ порочныхъ малолѣтнихъ, а именно — тѣхъ, которые, находясь въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, учинили, безъ разумѣнія, какое-нибудь изъ дѣяній, запрещенныхъ уложеніемъ подъ страхомъ тюремнаго заключенія или иного болѣе строгаго наказанія. Благодаря этому закону, исправительные пріюты разнаго наименованія потеряли возможность быть специальными заведеніями для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста, но превратились въ смѣшанныя заведенія для преступныхъ и порочныхъ дѣтей и подростковъ.

Отъ Россіи переходимъ къ Швейцаріи.

Смѣшанныя заведенія для преступныхъ и порочныхъ малолѣтокъ появляются въ Швейцаріи съ 40-хъ годовъ и въ

настоящее время встрѣчаются въ довольно большомъ количествѣ.

Въ Норвегіи близъ Христианіи существуетъ единственное частное смѣшанное заведеніе для преступныхъ и порочныхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ ниже шестнадцатилѣтняго возраста.

Въ Англіи, по закону 10 Августа прежнія спеціальныя наказательно-исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ (reformatory schools) превращены въ смѣшанныя заведенія. Въ нихъ поступаютъ: 1) малолѣтніе и несовершеннолѣтніе преступники ниже 16 лѣтняго возраста и 2) порочные малолѣтки, осужденные за побѣгъ или дурное поведеніе ихъ во время пребыванія въ признанной ремесленной школѣ.

Наконецъ, въ Испаніи послѣ 1875 года учреждается нѣсколько смѣшанныхъ заведеній для преступныхъ и порочныхъ малолѣтнихъ.

Обращаясь къ смѣшаннымъ заведеніямъ для преступныхъ и порочныхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ юнаго возраста, мы не можемъ не отмѣтить, что эти заведенія не вполне удовлетворительны.

Смѣшанныя заведенія, подвергающія порочныхъ и преступныхъ дѣтей постоянному одиночному заключенію, слишкомъ вредно дѣйствуютъ на физическое и психическое развитіе этихъ лицъ.

Смѣшанныя же заведенія, допускающія совмѣстное пребываніе порочныхъ съ преступными, страдаютъ двумя существенными недостатками.

Во первыхъ, совмѣстное пребываніе порочныхъ съ преступными опасно для порочныхъ. Порочные обладаютъ вообще меньшей испорченностью, чѣмъ преступные и подъ вліяніемъ послѣднихъ легко увеличиваютъ свою испорченность.

Во вторыхъ, при совмѣстномъ пребываніи порочныхъ съ преступными, нѣтъ возможности устроить для cadaго ихъ разряда правильную, цѣлесообразную систему содержанія. Порочному — нужна исправительная система, а преступному

— наказательно-исправительная. Провести обѣ ихъ при совмѣстномъ пребываніи порочныхъ съ преступными нельзя, можно провести лишь одну изъ нихъ, а это — не цѣлесообразно и не справедливо.

Отъ смѣшанныхъ заведеній для преступныхъ и порочныхъ дѣтей и подростковъ переходимъ къ специальнымъ наказательно-исправительнымъ заведеніямъ для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста.

Мысль о необходимости особаго наказательно-исправительнаго заключенія для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста явилась впервые во Франціи въ концѣ XVIII вѣка. Въ 1791 году, по волѣ учредительнаго собранія, былъ составленъ проектъ тюремныхъ преобразованій. Въ немъ между прочимъ было предположено учредить особыя тюрьмы для юныхъ преступниковъ (*les prisons pour les jeunes délinquants*); но онъ остался безъ утвержденія. Въ 1814 году королевскимъ декретомъ было постановлено учредить во Франціи, въ видѣ опыта, особое наказательно-исправительное заведеніе для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ ниже 20 лѣтняго возраста. Однако это повелѣніе осталось мертвой буквой. Только въ 1817 году было основано аббатомъ Арну въ Парижѣ первое наказательно-исправительное заведеніе для малолѣтнихъ преступниковъ. Оно закрылось въ 1830 году и съ тѣхъ поръ во Франціи уже не было заведеній этого рода.

Вслѣдъ за Франціей наступила очередь сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ. Въ 1825 году, по инициативѣ знаменитаго американскаго криминалиста Эдварда Ливингстона, было учреждено близъ Нью-Йорка первое наказательно-исправительное заведеніе для юныхъ преступниковъ въ соединенныхъ штатахъ. За нимъ послѣдовали другія заведенія того же рода, извѣстныя подъ именемъ „*reformatory for juvenile offenders*“, и въ настоящее время почти нѣтъ штата, который не имѣлъ бы такого заведенія.

Въ Даніи существуютъ только частныя наказательно-исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ.

Первое изъ нихъ учреждено во Флакебергѣ въ 1835 году. Остальные четыре основаны позднѣе. Ихъ исполнѣ достаточно для Даніи.

Первымъ наказательно-исправительнымъ заведеніемъ для преступныхъ малолѣтокъ въ Англіи была исправительная тюрьма для малолѣтнихъ преступниковъ, устроенная, на основаніи закона 1838 года, въ Паркгёрстѣ. Она была закрыта по ненадобности въ 1864 году. За ней послѣдовали частныя наказательно-исправительныя заведенія для этихъ преступниковъ, извѣстныя подъ именемъ школъ исправленія, *reformatory schools*. До середины 1866 года они принимали только малолѣтнихъ преступниковъ. По закону же 10 августа 1866 года, они стали принимать еще нѣкоторыхъ порочныхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ юнаго возраста и, такимъ образомъ, обратились изъ специальныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ въ смѣшанныя.

Въ Италіи первое наказательно-исправительное заведеніе для малолѣтнихъ преступниковъ было устроено въ 1840 году въ Туринѣ на казенный счетъ подъ именемъ *la generala*, а потомъ было учреждено еще семь такихъ же казенныхъ заведеній. Всѣ они существуютъ до сихъ поръ. Частныхъ заведеній этого рода не имѣется.

Въ Бельгіи съ 1844 года начинается устроеніе особыхъ наказательно-исправительныхъ отдѣленій въ тюрьмахъ и даже особыхъ тюремъ для преступныхъ малолѣтнихъ. Этихъ казенныхъ заведеній давно уже исполнѣ достаточно для заключенія этихъ лицъ.

Въ Австріи съ 1852 года установлено заключеніе малолѣтнихъ преступниковъ въ особыя отдѣленія тюремъ, но только очень немногія изъ этихъ отдѣленій дѣйствительно имѣютъ характеръ наказательно-исправительныхъ заведеній.

Въ Венгріи же кромѣ тюремныхъ отдѣленій, сходныхъ съ австрійскими, устроено одно особое казенное заведеніе для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста.

Въ Голландіи съ середины 50-хъ годовъ начинается устройство особыхъ наказательно-исправительныхъ отдѣленій въ тюрьмахъ и даже особыхъ тюремъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Теперь этихъ казенныхъ учреждений достаточно для помѣщенія этихъ лицъ.

Въ Россіи, какъ намъ уже извѣстно, спеціальныя наказательно-исправительныя заведенія для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста были узаконены впервые подъ именемъ исправительныхъ пріютовъ мировымъ уставомъ 1864 года (ст. 6), уложеніемъ о наказаніяхъ 1866 года (ст. 137. 138) и Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 5 декабря 1866 года. Въ виду этихъ законовъ дѣйствительно появилось у насъ въ послѣдствіи нѣсколько частныхъ заведеній этого рода, какъ напр., „Земледѣльческая Ремесленная Колонія, Студзенецъ“ въ 1876 году, „Московскій Городской Рукавишниковскій пріютъ“, образовавшійся изъ прежней исправительной школы въ 1879 году, „Симбирская Воспитательно-исправительная Земледѣльческая Колонія“ въ 1880 году, „Вологодскій Исправительный Ремесленный Пріютъ“ въ 1886 году и др. По закону же 20 мая 1892 года, спеціальныя исправительныя заведенія для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста, учрежденныя въ видѣ исправительныхъ пріютовъ, потеряли свою исключительность и превратились въ смѣшанныя заведенія для преступныхъ и порочныхъ дѣтей и подростковъ. Въ настоящее время единственными представителями наказательно-исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста служатъ у насъ очень немногія изъ множества особыхъ отдѣленій, устроенныхъ въ тюрьмахъ, для наказательнаго заключенія лицъ этого рода. Говорю „очень немногія“ потому, что только рѣдкія изъ тюремныхъ отдѣленій дѣйствительно приспособлены не только къ устрашенію, но и къ исправленію заключенныхъ.

По общегерманскому уголовному уложенію 15 мая 1871 года,

малолѣтніе и несовершеннолѣтніе преступники юнаго возраста, присужденные къ наказательному заключенію, должны отбывать это наказаніе въ особыхъ заведеніяхъ или мѣстахъ. На основаніи этого закона явились въ Германіи какъ особыя наказательно-исправительныя заведенія, такъ и особыя наказательно-исправительныя отдѣленія тюремъ, предназначенныя для заключенія этихъ лицъ. Наказательно-исправительныхъ заведеній еще не много, но они устроены хорошо. Наказательно-исправительныхъ отдѣленій въ тюрьмахъ много, но они нерѣдко мало приспособлены къ исправленію заключенныхъ.

Въ Швеціи уже во второй четверти XIX вѣка началось систематическое отдѣленіе малолѣтнихъ преступниковъ отъ взрослыхъ при отбытіи наказательнаго заключенія. Вслѣдъ затѣмъ, главнымъ образомъ съ 40-хъ годовъ стали приниматься различныя цѣлесообразныя мѣры къ снабженію наказательнаго заключенія для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ исправительнымъ характеромъ. А въ 1876 году близъ Сёрдертелье устроено превосходное заведеніе для малолѣтнихъ преступниковъ Швеціи.

Познакомившись съ возникновеніемъ и развитіемъ наказательно-исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста, мы естественно приходимъ къ вопросамъ, необходимо ли особое наказательное заключеніе для этихъ преступниковъ и если — да, то — каково должно быть его устройство.

Малолѣтніе и несовершеннолѣтніе юнаго возраста, обладая способностью къ различенію преступнаго, учиняютъ иногда уголовныя правонарушенія. Оставлять этихъ лицъ безъ наказанія не возможно, такъ какъ безнаказанность поощряетъ къ преступленію, а преступленія приносятъ много зла народу и требуютъ энергичнаго отпора въ формѣ наказанія. Воспитаніе же и перевоспитаніе не составляютъ сами по себѣ никакого наказанія. Отсюда обнаруживается, что для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста

нужно наказаніе и не достаточно ни одного воспитанія, ни одного перевоспитанія.

Далѣе, многія изъ этихъ лицъ обладаютъ болѣе или менѣе сильными дурными наклонностями, способствующими развитію склонности къ преступленіямъ. Чтобы удержать этихъ лицъ отъ будущихъ возможныхъ преступленій, не прибѣгая къ безчеловѣчнымъ жестокостямъ, необходимо подавить эти наклонности и создать въ этихъ лицахъ прочныя, хорошія сдерживающія побужденія. Это можетъ быть достигнуто только путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго систематическаго перевоспитанія или исправленія. Изъ всѣхъ наказаній только наказательное заключеніе можетъ быть снабжено надлежащей систематической исправительностью. А потому для этихъ лицъ необходимо наказательное заключеніе, приспособленное къ систематическому исправленію.

Однако и этого мало. Малолѣтніе и несовершеннолѣтніе преступники юнаго возраста не имѣютъ полнаго развитія ни физическаго, ни психическаго. Мѣшать имъ пріобрѣтенію его — жестоко и нелѣпно. Слѣдовательно, и наказательное заключеніе этихъ лицъ должно обезпечивать имъ возможность правильнаго физическаго и психическаго развитія.

Наконецъ, по выходѣ изъ заключенія на свободу, эти лица встрѣтятся съ суровой дѣйствительностью: съ нуждой, лишеніями и необходимостью постояннаго труда для пріобрѣтенія честныхъ средствъ къ жизни. А потому наказательное заключеніе, въ предупрежденіе новыхъ преступленій со стороны этихъ лицъ по выходѣ ихъ на свободу, должно пріучать ихъ къ простому, суровому образу жизни, къ постоянному труду и обучать такимъ ремесламъ и промысламъ, которые могли бы дать вѣрный, честный заработокъ на свободѣ.

Такимъ образомъ, для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста, обладающихъ болѣе или менѣе сильными дурными наклонностями, необходимо наказательное заключеніе, снабженное особымъ устройствомъ. Это устройство должно быть таково, чтобы наказательное заклю-

ченіе исправляло этихъ лицъ, обезпечивало бы имъ возможность правильного физическаго и психическаго развитія, приучало бы ихъ къ простому, суровому образу жизни, къ постоянному труду и обучало бы ремесламъ и промысламъ, способнымъ дать надежный, честный заработокъ на свободѣ.

Познакомившись въ самыхъ общихъ чертахъ съ желательнымъ устройствомъ особаго наказательнаго заключенія для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста, познакомимся теперь въ общихъ чертахъ съ желательнымъ устройствомъ специальныхъ заведеній, предназначенныхъ для наказательнаго заключенія этихъ лицъ. Эти заведенія можно назвать вкратцѣ наказательно-исправительными.

При устройствѣ наказательно-исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста должны быть строго соблюдены требованія гигиены. Эти заведенія должны быть устраиваемы только въ здоровыхъ мѣстностяхъ. Самыя помѣщенія для заключенныхъ должны быть сухи, достаточны теплы въ холодное время года, свѣтлы, достаточно просторны, снабжены чистымъ воздухомъ и чисты. Одежда, обувь, бѣлье, постель, пища и питье должны быть просты, достаточны для поддержки здоровья и правильного физическаго развитія заключенныхъ, никакой роскоши не должно допускаться. Она уменьшаетъ наказательный характеръ заключенія и приучаетъ заключенныхъ къ изнѣженности, крайне вредной для нихъ по выходѣ на свободу.

Больнымъ должна быть обезпечена правильная медицинская помощь.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ условий правильнаго устройства наказательно-исправительныхъ заведеній служить способъ размѣщенія заключенныхъ. Практика выработала нѣсколько способовъ: 1) поразрядный, 2) поразрядный, осложненный требованіемъ молчанія, 3) поразрядный, осложненный подраздѣленіемъ на отдѣленія, 4) одиночный, 5) поразрядный, осложненный разобценіемъ на ночь, 6) поразрядный, осложненный требованіемъ молчанія и ночнымъ разобценіемъ, 7) по-

слѣдовательное сочетаніе одиночнаго способа съ поразряднымъ, осложненнымъ посредствомъ подраздѣленія заключенныхъ на отдѣленія по степени испорченности, и 8) послѣдовательное сочетаніе одиночнаго способа съ поразряднымъ, осложненнымъ посредствомъ ночного разобщенія и подраздѣленія на отдѣленія по степени испорченности.

Поразрядный способъ размѣщенія заключенныхъ въ наказательно-исправительныхъ заведеніяхъ состоитъ въ томъ, что заключенныхъ дѣлятъ на два разряда по полу и лицъ мужскаго пола держатъ совмѣстно другъ съ другомъ, а лицъ женскаго пола совмѣстно другъ съ другомъ. Этотъ способъ отличается сравнительной дешевизной, но страдаетъ важнымъ недостаткомъ — не ставитъ никакого препятствія развращающему вліянію болѣе испорченныхъ лицъ на менѣе испорченныхъ.

Поразрядный способъ, осложненный требованіемъ молчанія, отличается отъ предшествующаго тѣмъ, что заключеннымъ запрещается, подлѣ страхомъ дисциплинарнаго наказанія, всякая передача мыслей другъ другу какимъ бы то ни было образомъ: словами, звуками, знаками, письменностью. Этотъ способъ — крайне не удовлетворителенъ. Юное поколѣніе, будучи не въ силахъ выдерживать молчанія, слишкомъ часто нарушаетъ его и слишкомъ часто подвергается дисциплинарнымъ наказаніямъ. А, при слишкомъ частомъ примѣненіи дисциплинарныхъ наказаній, у наказуемаго вырабатывается привычка къ нимъ, притушаются чувства стыда и страха и появляется огрубѣлость, жесткость сердца, что сильно затрудняетъ возможность исправленія этой личности. Слѣдуетъ запрещать лишь ночные разговоры и тѣ изъ дневныхъ, которые не совмѣстимы съ занятіями, или оскорбительны, или безнравственны. Приличныя же разговоры днемъ во время отдыха надо позволить.

Поразрядный способъ размѣщенія, осложненный подраздѣленіемъ заключенныхъ одного и того же разряда на отдѣленія, можетъ быть разнообразенъ, благодаря различію основаній

къ подраздѣленію. Наиболѣе разумнымъ основаніемъ служитъ разница въ степеняхъ испорченности заключенныхъ. Наибольшей цѣлесообразностью и практичностью отличается вообще подраздѣленіе заключенныхъ одного и того же пола на три отдѣленія. Первое — предназначено для менѣе испорченныхъ. Таковы — обыкновенно, новички преступленія. Во второмъ — нужно держать болѣе испорченныхъ. Таковы — обыкновенно, рецидивисты и виновники совокупности преступленій, не занимавшіеся преступленіемъ въ видѣ ремесла. Наконецъ, въ третьемъ — слѣдуетъ помѣщать наиболѣе испорченыхъ. Таковы — обыкновенно, преступники по ремеслу. Однако и этотъ способъ размѣщенія не вполне удовлетворителенъ, такъ какъ открываетъ возможность опаснаго развращающаго вліянія въ ночное время.

Одиночный способъ размѣщенія, какъ въ видѣ келейнаго заключенія, такъ и въ видѣ индивидуальнаго разобненія, не удовлетворителенъ по своему вредному вліянію на здоровье, а также на физическое и психическое развитіе малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ.

Поразрядный способъ, осложненный разобненіемъ на ночь, не вполне удовлетворителенъ, такъ какъ, устраняя возможность опаснаго деморализующаго вліянія въ ночное время, не достаточно ограничиваетъ ее днемъ.

Поразрядный способъ размѣщенія, осложненный требованіемъ молчанія и ночнымъ разобненіемъ, не удовлетворителенъ, благодаря требованію молчанія и недостаточному ограниченію развращающихъ вліяній въ дневное время.

При послѣдовательномъ сочетаніи одиночнаго способа съ поразряднымъ, осложненнымъ посредствомъ подраздѣленія заключенныхъ одного и того же разряда на отдѣленія, по степени испорченности, преступникъ помѣщается сначала въ одиночную келью на срокъ не болѣе трехъ недѣль. Въ это время ежедневно посѣщаютъ заключеннаго: кто-нибудь изъ членовъ тюремнаго начальства, врачъ, священникъ, учитель, а въ нѣкоторыхъ странахъ еще и члены посѣтитель-

паго общества. Это одиночество усиливаетъ наказательный характеръ заключенія и въ то же время даетъ возможность изучить степень испорченности субъекта, чтобъ помѣстить его въ послѣдствіи какъ разъ въ то отдѣленіе, которому соотвѣтствуетъ степень испорченности этого лица. По окончаніи одиночнаго заключенія субъектъ переводится въ поразрядное и поступаетъ въ отдѣленіе, соотвѣтствующее испорченности этого лица. Этотъ способъ размѣщенія имѣетъ только одинъ недостатокъ — не устраняетъ развращающаго вліянія болѣе испорченныхъ лицъ въ ночное время.

Вполнѣ удовлетворительнымъ оказывается только одинъ сложный способъ размѣщенія. Это — послѣдовательное сочетаніе одиночнаго способа съ поразряднымъ, осложненнымъ посредствомъ ночного разобщенія и подраздѣленія заключенныхъ на отдѣленія по степени испорченности.

Отъ способовъ размѣщенія переходимъ къ образованію. Малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ преступникамъ юнаго возраста слѣдуетъ давать образованіе: 1) религіозное, 2) элементарное и 3) техническое. Оно необходимо для психическаго развитія заключенныхъ и подготовки ихъ къ будущей свободной жизни.

Кромѣ образованія необходимо тщательное религіозное и нравственное воспитаніе. Оно служитъ главнымъ средствомъ къ исправленію, т. е. къ подавленію дурныхъ наклонностей и созиданію хорошихъ сдерживающихъ мотивовъ. Средствами религіознаго воспитанія служатъ: наставленія о любви къ Богу и ближнему, о милосердіи Божіемъ, о необходимости подавленія дурныхъ наклонностей во избѣжаніе грѣха, о необходимости раскаянія, о грѣховности озлобленія и отчаянія, приученіе къ молитвѣ, присутвію на богослуженіи, къ исполненію религіозныхъ обрядовъ и т. д. Средствами нравственнаго воспитанія служатъ: приученіе къ самообладанію путемъ приученія къ соблюденію

порядка, приученіе къ самоуваженію и уваженію ближнихъ, къ безпристрастію, къ скромности и т. д.

Необходимо также систематическое приученіе заключенныхъ къ труду. Трудъ долженъ быть обязательный, разумный, производительный, сообразный съ силами заключенныхъ, земледѣльческій или ремесленный или тотъ и другой. Устройство работъ лучше предоставлять начальству заведенія, чѣмъ подрядчикамъ, такъ какъ подрядчики заботятся только объ извлеченіи денежныхъ выгодъ изъ чужого труда, а не о пользѣ трудящихся. Въ поощреніе къ труду нужно давать нѣкоторое вознагражденіе труженику. Выдавать эти деньги на руки самому трудящемуся не слѣдуетъ. Лучше класть ихъ въ сберегательную кассу на имя труженика и, по выпускѣ послѣдняго на свободу, оказывать ему изъ нихъ надлежащія пособія, преимущественно — натурою, напр., одеждой, обувью, рабочими инструментами и пр.

Въ наказательно-исправительныхъ заведеніяхъ нужно ввести поощреніе заключенныхъ къ исправленію наградами за успѣхи. Эти награды могутъ быть разнообразны. Таковы — выраженіе одобренія со стороны начальства, записаніе имени на золотую доску, дача знаковъ отличія, напр., цвѣтныхъ нашивокъ на рукава одежды, увеличеніе вознагражденія за трудъ, переводъ изъ нисшаго отдѣленія въ ближайшее высшее, а главное — условный до срочный отпускъ. Подъ именемъ послѣдняго разумѣется выпускъ исправившагося заключеннаго на свободу прежде, чѣмъ истечетъ присужденный срокъ заключенія, но не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы выпущенный велъ себя на свободѣ хорошо. Въ случаѣ дурного поведенія, провинившійся арестуется и вновь препровождается въ заключеніе досиживать не отбытую часть присужденнаго срока.

Въ наказательно-исправительныхъ заведеніяхъ должно быть строгое и точное соблюденіе законнаго порядка какъ заключенными, такъ и ихъ начальствомъ. Начальство должно подавать примѣръ заключеннымъ. За нарушеніе законнаго

порядка заключеннымъ, виновный подвергается законному дисциплинарному наказанію. Дисциплинарныя наказанія должны быть чужды жестокости, безвредны для здоровья, нравственности и чувства чести. Этимъ условіямъ удовлетворяютъ слѣдующія кары: выговоръ, постановка въ уголъ, запрещеніе игры съ товарищами, лишеніе прогулки, лишеніе свиданія съ родными, записаніе на черную доску, заключеніе въ свѣтлый или темный карцеръ на срокъ не болѣе 2-хъ недѣль. Наказаніе лишеніемъ или ухудшеніемъ пищи не должны быть допускаемы, такъ какъ они вредны для здоровья дѣтей и подростковъ. Тѣлесныхъ наказаній также не слѣдуетъ допускать, такъ какъ они опозориваютъ наказуемаго и въ его собственныхъ глазахъ, и во мнѣніи товарищей, а кромѣ того совершенно не нужны. Въдь, умѣютъ же во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи, Швейцаріи, Италіи держать дѣтей и подростковъ въ повиновеніи, не прибѣгая ни къ какимъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

По освобожденіи заключеннаго изъ наказательно - исправительнаго заведенія, наступаетъ необходимость въ патронатѣ, покровительствѣ. Освобожденный долженъ пользоваться въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ обязательнымъ покровительствомъ со стороны пачальства этого заведенія или какого-нибудь покровительственнаго общества. Цѣль покровительства должна состоять въ поддержаніи освобожденнаго на честномъ пути и въ содѣйствіи къ пріобрѣтенію положенія въ обществѣ, свойственнаго обыкновеннымъ людямъ простаго званія.

Въ обезпеченіе успѣха наказательно - исправительныхъ заведеній необходимо чтобы пачальство этихъ заведеній имѣло теоретическую и практическую подготовку къ исполненію своихъ обязанностей.

Для поддержки наказательно - исправительныхъ заведеній на должной высотѣ весьма полезно одновременное существованіе какъ казенныхъ заведеній, такъ и частныхъ. Здѣсь устраняется монополія, открывается широкое поле для со-

ревнованія между заведеніями и полная возможность для правительства сравнивать ихъ успѣхи и указывать не удовлетворительно идущимъ заведеніямъ какъ ихъ промахи, такъ и средства къ усовершенствованію.

Заканчивая нашъ очеркъ, мы не можемъ не отмѣтить весьма важнаго и отраднаго явленія.

Въ нашемъ вѣкѣ, при совмѣстномъ заключеніи малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ юнаго возраста съ совершеннолѣтними, процентъ рецидивистовъ изъ этихъ дѣтей и подростковъ равнялся приблизительно 75. Въ настоящее же время процентъ рецидивистовъ среди выпущенныхъ изъ хорошихъ казенныхъ наказательно-исправительныхъ заведеній колеблется между 10 и 15, а среди выпущенныхъ изъ частныхъ заведеній колеблется около 10.

При такомъ громадномъ успѣхѣ, нельзя не отнестись къ наказательно - исправительнымъ заведеніямъ съ глубокимъ сочувствіемъ и отъ души пожелать имъ широкаго распространенія, дальнѣйшаго усовершенствованія и полного процвѣтанія.

3 ноября 1893 года.

ОТЧЕТЪ
О
ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ КЛИНИКИ
ПРИ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ ЮРЬЕВСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТѢ
ЗА АКАДЕМИЧЕСКІЙ 1893 ГОДЪ

Директора клиники
проф. С. М. ВАСИЛЬЕВА.

Продолженіе *).

*) См. № 2 Уч. Зап.

Изъ приложенной вѣдомости видно, что въ нашей клиникѣ система питанія, слѣдовательно, двоякаго рода : и госпитальная, и трактирная. Мы остановились въ клиникѣ почти исключительно на послѣдней. Первый способъ питанія—госпитальный, какъ видно изъ росписанія порцій, совершенно не выдерживаетъ критики, количество порцій не опредѣленно, такъ какъ онѣ измѣряются не вѣсомъ, а по объему. Мясо отпускается больнымъ такъ мало, что они получаютъ, въ варенномъ видѣ, не больше 60—80 грм. въ сутки. Такое ничтожное количество мяса въ настоящее время едва-ли можно встрѣтить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, не говоря уже о петербургскихъ городскихъ больницахъ и о военныхъ госпиталяхъ, въ которыхъ мяса дается не менѣе 1 фунта въ день. Такимъ образомъ, питаніе по госпитальному способу не только до крайности однообразно, какъ это видно изъ приложенной вѣдомости, но и главное прямо недостаточно и при всемъ томъ порція слишкомъ дорога. Даже обѣденная гонорационная порція, въ 25 коп., и та совершенно не выдерживаетъ критики со стороны предъявляемыхъ къ ней требованій, по отношенію къ питательности. Тарелка супу, всегда безъ мяса, на первое блюдо и жаркого $\frac{1}{2}$ фунта на второе — и вотъ весь обѣдъ. При этомъ экономъ ухитрился не подавать ни соли, ни хлѣба къ столу, а каковъ супъ и каково мясо, мы убѣдились не одинъ разъ во очію. Жаркое—это есть ничто иное, какъ вываренное мясо, только обжаренное или превращенное въ котлетку.

И такъ госпитальная система продовольствія была нами отвергнута и замѣнялась по возможности трактирной. Что касается этой послѣдней системы довольствія, то, какъ мы уже раньше замѣтили, о ней можно сказать одно, что она дорога. Слишкомъ высоки контрактныя цѣны, заключенныя съ экономомъ. Не слѣдуетъ забывать, что дрова и посуда казенныя, а не эконома. По мимо того послѣдній пользуется даровой квартирой при клиникѣ въ 5 комнатъ.

При той бѣдности средствъ, какія отпускаются на содержаніе клиники, этимъ способомъ трудно кормить больныхъ. Изъ счетовъ, предъявляемыхъ экономомъ въ Правленіе, видно, что наприм., въ 1892 году, экономъ получилъ за одно прокормленіе больныхъ больше 4000 р., т. е. штатной суммы не хватило на уплату даже за одно питаніе больныхъ. Въ силу этого въ высшей степени желательно поскорѣе перейти съ этой системы довольствія на хозяйственный способъ кормленія больныхъ, какъ это введено въ клиникѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, гдѣ средняя стоимость содержанія больного обходится не дороже 18—19 коп. въ сутки.

Удешевленіе прокормленія очень желательно и потому, что штатныя суммы должны идти на плату и на содержаніе низшаго служебнаго персонала, на постройку бѣлья для больныхъ и служащихъ, на освѣщеніе всей клиники, на приобрѣтеніе лекарствъ и т. д. и т. д., — словомъ на всѣ расходы по клиникѣ, кромѣ ремонта зданія и отопленія, производимаго на спеціальныя университетскія средства. Результатомъ такого невыгоднаго для клиники способа продовольствія больныхъ выходитъ то, что не только штатныя суммы, 4000 р., уходятъ всѣ цѣликомъ на плату за питаніе, но приходится еще заимствовать для покрытія этого расхода большую часть другихъ суммъ, т. е., вносимыхъ студентами за практическія занятія. Послѣднее обстоятельство, конечно, самымъ печальнымъ образомъ должно было отражаться на клиническомъ кабинетѣ и библіотекѣ. Не слѣдуетъ забывать и того, что плата, взимаемая съ больныхъ равнялась всего 35 коп. за сутки. При этомъ нужно имѣть

въ виду, что обычно $\frac{1}{4}$ больныхъ принимается бесплатно, въ виду клиническихъ цѣлей. Слѣдовательно годовой доходъ съ больныхъ едва покроетъ одни расходы по аптекѣ, а между тѣмъ въ клиникѣ масса и другихъ расходовъ.

Невыгоды указаннаго способа питанія отразились и въ другомъ отношеніи. Вслѣдствіе того, что штатныя суммы цѣликомъ уходили на плату за продовольствіе больныхъ, происходило то, что клиника не имѣла средствъ на покупку бѣлья для больныхъ и служащихъ, на обновленіе и приобрѣтеніе посуды и т. п. Достаточно, напр., сказать, что въ общихъ палатахъ совсѣмъ не было солонокъ, стакановъ, лишь нѣсколько тарелокъ, и одинъ ножъ съ вилокъ, и та съ однимъ, не больше 2-хъ зубцовъ, подавался на 3—4 больныхъ. Мы не говоримъ уже о недостаткѣ чайниковъ, молочниковъ, умывальной посуды и т. д., это уже роскошь была бы. Супницы, напр., были въ такомъ положеніи, что во время обѣда по лѣстницамъ, корридорамъ и палатамъ повсюду видны были слѣды содержимаго блюда. Понятно, что помимо непривлекательности подобной картины, обстоятельство это служило и причиной неопрятнаго содержанія самой клиники. Словомъ не только бѣдность поражала насъ во всемъ клиническомъ хозяйствѣ, но главное полный недостатокъ и плохое состояніе всего этого скарба.

Вотъ въ какомъ положеніи мы нашли хозяйственную часть клиники при вступленіи въ завѣдываніе ей. Насъ поражала именно та сторона своимъ упущеніемъ, которую мы меньше всего ожидали здѣсь встрѣтить, зная, что нѣмцы сльвуть за образцовыхъ хозяевъ.

Обо всемъ этомъ мы говоримъ здѣсь потому, что это обстоятельство не мало отражалось на нашихъ занятіяхъ, такъ какъ подобное печальное состояніе хозяйства ежеминутно отвлекало насъ отъ клиническихъ занятій и при томъ всегда приходилось считаться съ такимъ побочнымъ обстоятельствомъ при наборѣ больныхъ въ клинику.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію той части обстановки клиники, которая ближе всего касается цѣли преподаванія.

Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ обзаведеніемъ въ клиническомъ кабинетѣ, и клинической лабораторіи, а также съ состояніемъ клинической библіотеки. Уже изъ сказаннаго не трудно было предвидѣть, что мы найдемъ здѣсь. Къ сожалѣнію это предположеніе при ближайшемъ знакомствѣ не только дѣйствительно не оправдалось, но и поразило насъ бѣднотой запаса самыхъ необходимыхъ предметовъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность клиническаго преподаванія. Достаточно сказать, что въ клиническомъ кабинетѣ не было ни одного порядочнаго микроскопа и мы не нашли ни одной системы съ увеличеніемъ больше 350. Съ какимъ успѣхомъ этими микроскопами изслѣдовались бактеріи, не трудно сказать, но какимъ образомъ одинъ изъ нашихъ бывшихъ ассистентовъ старался найти съ подобнымъ микроскопомъ малярійныя плазмодіи, это для насъ было совершенною неожиданностью.

Конечно при настоящемъ положеніи клиническаго преподаванія, отсутствіе въ кабинетѣ микроскопа новѣйшей системы по меньшей мѣрѣ являлось анахронизмомъ. Страннѣе всего то, что при отсутствіи хорошаго микроскопа, въ кабинетѣ нашелся дорогой фотографическій аппаратъ, *хотя* и безъ приспособленія для съемки микрофотограммъ что, конечно, могло бы дѣлать аппаратъ дѣйствительно очень полезнымъ для клиническаго преподаванія.

Точно также мы не нашли въ кабинетѣ ни аппаратовъ *Вальденбурга*, ни *Баши*, ни приборовъ для анализа азота по способу *Кельдаль—Бородина*, ни вообще приборовъ для количественнаго анализа мочи и изверженіи. Изъ приборовъ для изслѣдованія крови мы нашли испорченный аппаратъ *Флейшеля* и счетчикъ для кровяныхъ шариковъ *Тома — Цейса*, хотя съ отломанными концами у смѣстителей. Даже для взвѣшиванія больныхъ мы получили въ достояніе десятичные вѣсы старой системы, т. е. съ гирями. Въ настоящее время, когда даже въ земскихъ больницахъ находятся прекрасные, приспособленные спеціально для взвѣшиванія больныхъ, вѣсы, пользоваться такими устарѣлыми вѣсами въ кабинетѣ, конечно,

непростительно, не говоря уже о томъ, что при этомъ взвѣшиваніи тратится масса времени, тогда какъ при новыхъ вѣсахъ требуется не больше одной минуты; самая точность взвѣшиванія при старыхъ вѣсахъ значительно уступаетъ новымъ. Кромѣ того необходимо имѣть въ виду быстроту взвѣшиванія по отношенію къ большимъ, особенно тяжелымъ, котормъ, конечно не все равно, быть-ли на вѣсахъ не больше 1 минуты или 10 минутъ.

Въ кабинетѣ оказалось на лицо нѣсколько электрическихъ машинъ, одна изъ нихъ, впрочемъ, для постоянного тока требуетъ такого ремонта, что нуждается въ отправкѣ въ Берлинъ, такъ какъ въ Юрьевѣ отказываются поправить ее. Въ порядкѣ оказались два центрофуга, одинъ изъ нихъ даже электрическій аппаратъ *Шанца* для микроскопическихкихъ срѣзовъ. При осмотрѣ кабинетныхъ шкафовъ, они оказались съ пустымъ содержимымъ и служили очевидно только мебелью, если не считать, конечно, старыхъ ящиковъ отъ микроскоповъ и не годныхъ къ употребленію термометровъ.

Такимъ образомъ, богатое по размѣрамъ и удобствамъ помѣщеніе клиническаго кабинета, очень мало было подготовлено для спеціальной своей цѣли и потому въ первое время чувствительно отзывалось вообще на работѣ въ клиникѣ, такъ какъ за необходимыми вещами постоянно приходилось обращаться въ Петербургъ. Но еще хуже стояло дѣло по части бактериологической. Въ то время когда клиническая бактеріологія въ русскихъ университетахъ и въ академіи завоевала себѣ видное мѣсто при занятіяхъ въ клиникахъ, здѣсь, очевидно, на нее обращалось очень мало вниманія. Поэтому въ клиническомъ кабинетѣ мы рѣшительно ничего не нашли необходимаго для изученія и ознакомленія съ этою важною отраслью клиническаго преподаванія. Въ виду этого при нашихъ изслѣдованіяхъ и занятіяхъ она совершенно отсутствовала, если, конечно, не считать отыскиванія чахоточныхъ бактерий въ мокротѣ, что производится теперь, чуть-ли не въ каждой деревенской больничкѣ.

Лабораторія также бѣдно снабжена необходимыми для спеціальныхъ работъ аппаратами. Въ ней мы нашли изъ наиболѣе важныхъ предметовъ: двое старыхъ химическихъ вѣсовъ, кимографъ *Людвига* и спектроскопъ. Но при работѣ въ ней 7 человекъ не хватаетъ даже простыхъ чугунныхъ штативовъ, бюретокъ, цилиндровъ и т. п. вещей, не говоря уже объ отсутствіи платиновыхъ тиглей, воздушнаго насоса и др. не менѣе важныхъ предметовъ, необходимыхъ при химическихъ изслѣдованіяхъ.

Что касается библіотеки, то въ ней, кромѣ старыхъ и самыхъ распространенныхъ нѣмецкихъ книгъ, мы нашли только нѣсколько старыхъ французскихъ и двѣ—три англійскихъ, — русскихъ же книгъ совершенно не было: ни клиническихъ лекцій проф. *Захарьина*, ни *Боткина*, — даже русской фармакопеи и той не нашлось въ библіотекѣ. Ни одного хорошаго справочнаго изданія въ ней не было: ни *Jahresbericht Virchow'a*, ни *Index medicus* и т. д.

Естественно, что при такой обстановкѣ учебно-вспомогательныхъ пособій трудно было ожидать и необходимаго запаса свѣдѣній о физиологической химіи, а тѣмъ болѣе по бактериологіи и у своихъ ближайшихъ помощниковъ. Предстояла не легкая задача начать такимъ образомъ и здѣсь прежде всего съ приведенія въ порядокъ учебно-вспомогательныхъ пособій и обученія своихъ помощниковъ, а потомъ уже и студентовъ. Необходимо указать и на то, что на 4 курсѣ въ теченіи прошлаго академическаго года ихъ было больше 500 человекъ, при чемъ приблизительно одна половина посѣщала клинику въ 1 семестрѣ, другая, нѣсколько большая, посѣщала клинику во 2 семестрѣ.

Считаю необходимымъ съ благодарностью упомянуть, что управляющій аптекою *Э. Ю. Ванъ деръ-Белленъ*, въ теченіи всего года, оказывалъ намъ существенную помощь, благодаря своему знакомству съ химіей, — вслѣдствіе чего ему и приходилось выполнять роль ассистента-лаборанта при химическихъ работахъ нашихъ ассистентовъ и субъ-ассистентовъ.

Кромѣ того мы имѣли въ своемъ распоряженіи одного штатнаго ассистента и одного сверхштатнаго, на которомъ къ тому же лежала вся отчетность по клинической бухгалтеріи.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самой существенной стороны нашего отчета, именно, какимъ образомъ велось клиническое преподаваніе. Въ чемъ же состояли наши клиническія занятія?

Во 1-хъ, изъ клиническихъ лекцій на стационарныхъ больныхъ, три раза въ недѣлю отъ 9 1/2 до 11 часовъ утра.

Во 2-хъ, изъ клиническихъ лекцій на амбулаторныхъ больныхъ, 2 раза въ недѣлю отъ 9 1/2 до 11 часовъ утра.

Во 3-хъ, въ веденіи амбулаторной клиники, два раза въ недѣлю отъ 12 до 2 часовъ дня.

Во 4-хъ, въ вечернихъ обходахъ клиники со студентами, три раза въ недѣлю отъ 5 до 8 и одинъ разъ съ 7 до 9 часовъ вечера.

Во 5-хъ, въ обходахъ клиники съ ассистентами и субъ-ассистентами, два — три раза въ недѣлю, отъ 11 до часа.

Во 6-хъ, въ руководствѣ занятіями при специальныхъ работахъ въ клиникѣ и въ лабораторіи, въ вечерніе часы послѣ обходовъ, а также въ другіе свободные часы дня.

Во 7-хъ, въ ознакомленіи работающихъ съ литературой и исправленіи и пересмотрѣ статей, предназначавшихся къ печати.

Посмотримъ теперь, какъ велись клиническія лекціи.

Прежде всего мы должны сказать, что при клиническихъ занятіяхъ мы, на основаніи причинъ, указанныхъ въ нашей вступительной лекціи, пользовались методомъ проф. *Г. А. Захарьина*. Остановливаясь подробнѣе на немъ, мы не считаемъ здѣсь возможнымъ, но замѣтимъ одно, что для студентовъ методъ этотъ положительно не замѣнимъ.

На клиническихъ лекціяхъ, во 1-хъ, было обращено особенное вниманіе при разборѣ больныхъ со студентами, на точное соблюденіе *метода* при изслѣдованіи и на *индивидуализированіе*, т. е. выяснялась этиологія даннаго случая, діагностика, прогнозъ,

самымъ подробнымъ образомъ разсматривались показанія къ терапіи и индивидуальная гигиена. При чемъ обычно послѣ собранія всѣхъ данныхъ для діагноза обращались къ аудиторіи съ вопросомъ, какая діагностика въ настоящемъ случаѣ? Тоже самое дѣлалось и при назначеніи терапіи. Далѣе въ виду того, что мы имѣли передъ собой слушателей, не проходившихъ курса частной паталогіи и терапіи, то, послѣ того какъ данный случай былъ разобранъ, мы останавливались болѣе подробно на этиологіи и патологической анатоміи даннаго заболѣванія. Такъ—какъ, само собою понятно, клиническая лекція происходила при участіи студентовъ-практикантовъ, то все важное для діагностики тутъ же передъ аудиторіей демонстрировалось или только провѣрялось нѣсколькими, если нельзя было видѣть и слышать или если дѣло касалось оцупыванія. Клиническіе способы изслѣдованія, какъ напр., съ желудочнымъ сокомъ и мочей, также демонстрировались во время самой лекціи, микроскопическія-же оставлялись до окончанія ея. При такомъ способѣ веденія клиническихъ лекцій мы держались того убѣжденія, что студентъ толково и обстоятельно, примѣнявая *методъ* хоть въ двухъ — трехъ случаяхъ, будетъ несомнѣнно въ выигрышѣ предъ тѣмъ, который видѣлъ и десятокъ больныхъ, но отнесся поверхностно къ нимъ, т. е. ни разу не примѣнялъ къ дѣлу *метода* изслѣдованія. Если студентъ усвоилъ методъ, а наглядные примѣры практическаго примѣненія его, онъ постоянно видитъ впродолженіе всего года, и на клиническихъ лекціяхъ, и въ амбулансѣ и при вечернихъ обходахъ, то двухъ — трехкратное, но самостоятельное, и обдуманное примѣненіе метода къ дѣлу даетъ ему такую увѣренность, что онъ и въ каждомъ новомъ случаѣ не потеряется и съумѣетъ отличить существенное и важное отъ второстепеннаго.

Въ этомъ усвоеніи *метода* студентами въ сущности и состоитъ задача клинициста, такъ какъ все остальное уже будетъ дѣломъ болѣе легкимъ. Безъ умѣнія-же пользоваться методомъ каждый новый больной для учащагося будетъ пред-

ставить загадку. Держась этого взгляда, мы не заботились поражать своих слушателей массой представляемых случаев, а дорожили разбором немногих больных из каждого отдела внутренних болезней, но проведенных возможно полнее со стороны метода исследования и индивидуализирования.

Чтобы съ большей пользой распределить время наших занятий и познакомить своих слушателей съ типичными случаями по всемъ отделамъ внутреннихъ болезней, мы держались при выборѣ больныхъ для клиническихъ лекцій слѣдующаго плана. Имѣя въ виду, что болезни брюшныхъ органовъ поразительно часто встрѣчаются, и знакомство съ ними обычно бываетъ ничтожное даже и у молодыхъ врачей, мы и въ этомъ отношеніи послѣдовали примѣру проф. *Г. А. Захарьина*.

Слѣдуетъ замѣтить, что на болезни брюшныхъ органовъ здѣсь къ тому же обращалось поразительно мало вниманія, какъ это можно убѣдиться и при разсмотрѣннн приложенной вѣдомости клинической аптеки, такъ какъ нашъ предшественникъ особенно интересовался нервными болезнями. На этомъ основаніи первый семестръ былъ посвященъ разбору болезней брюшной полости, т. е. обширному отѣлу болезнейъ желудочно-кишечнаго канала, печени, брюшины и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ первый же семестръ разсматривались и болѣе часто встрѣчающіяся болезни мочеполовыхъ органовъ — гоноррея, простаторрея, простититы, катарры мочеваго пузыря и почечный песокъ. Такъ какъ подагра и сифилисъ тѣсно связаны съ заболѣваніями органовъ брюшной полости, то и они разсматривались также въ первомъ семестрѣ. Острыя заразныя болезни — тифы, корь, скарлатина, малярія и т. д. разбирались въ первой половинѣ втораго семестра, а болезни органовъ дыханія и кровообращенія — во второй половинѣ. Общія разстройства питанія приходилось разсматривать въ обоихъ семестрахъ, точно также и болезни органовъ движенія, мышцъ, суставовъ, костей, периферическихъ нервовъ. На функциональныхъ нервныхъ разстройствахъ въ силу ихъ частоты съ заболѣваніями органовъ брюшной полости, прихо-

дилось останавливаться въ первой половинѣ академическаго года.

Изъ такого дѣленія содержанія клиники внутреннихъ болѣзней по семестрамъ слѣдовало и то, что ознакомленіе со спеціальной терапіей пріурочивалось къ характеру болѣзни. Такимъ образомъ, при разсмотрѣніи болѣзней брюшной полости, сообщались свѣдѣнія объ употребленіи минеральныхъ водъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, о діететическихъ методахъ леченія, о массажѣ и отчасти электротерапіи, о виноградномъ леченіи, о морскихъ купаніяхъ. При изложеніи болѣзней органовъ дыханія, разсматривались ингаляціонная и климатическая терапія, а также леченіе кумысомъ, о послѣднемъ средствѣ приходилось говорить и при болѣзняхъ желудочно-кишечнаго канала. При пораженіи органовъ движенія разбирались леченіе ваннами и грязями, а также и массажемъ. При заразныхъ болѣзняхъ подробно останавливались на дезинфекціи вообще и дезинфекціонныхъ средствахъ, а такъ на жаропонижающемъ методѣ леченія. Такимъ образомъ, въ теченіи года студенты, помимо клиники, познакомились и съ общей терапіей, усвоивъ главные методы леченія. Вотъ что было предметомъ нашихъ клиническихъ лекцій.

Какимъ же образомъ происходили занятія со студентами?

Имѣя въ виду съ одной стороны массу студентовъ, — 267 человекъ въ первомъ семестрѣ и около этого во второмъ, — а съ другой — небольшое число больныхъ, — клиника рассчитана на 54 кровати, — мы поэтому вели слѣдующій порядокъ веденія нашихъ занятій. Всѣ студенты раздѣлены была на 2 группы: въ одну группу отнесены были всѣ практиканты, соотвѣтствующіе кураторамъ 4-го курса другихъ русскихъ университетовъ, въ другую — аускультанты. Послѣдніе только что выдержали полукурсовое испытаніе; они только слушаютъ клиническія лекціи, но не принимаютъ никакого активнаго участія при разборѣ больныхъ на послѣдней, такъ какъ еще не знакомы ни съ физической діагностикой, ни съ частной паталогіей и терапіей. Въ другихъ русскихъ уни-

верситетахъ это студенты 5 и 6 семестра, которые изучаютъ клиническую пропедевтику, но не посѣщаютъ еще клиническихъ лекцій. Въ виду этого клиническій профессоръ здѣсь на нихъ и не обращалъ никакого вниманія, мы же не оставили и ихъ безъ дѣла, какъ мы это увидимъ ниже. Въ свою очередь первая группа снова была подраздѣлена на три подгруппы. Соотвѣтственно этому и весь семестръ дѣлился на три равныя части. По истеченіи срока занятій въ указанномъ ниже направленіи происходила перемѣна подгруппъ: первая вступала въ обязанности третьей, третья — въ обязанности второй, а вторая въ обязанности первой и т. д.

Въ чемъ же состояли занятія каждой подгруппы? Первая получала стационарныхъ больныхъ въ клиникѣ, вторая занималась въ амбулаторной клиникѣ, а третья получала больныхъ изъ стационарныхъ въ клиникѣ и разбираала ихъ во время вечернихъ обходовъ, но не наблюдала за ними, какъ это дѣлала первая подгруппа. Первая подгруппа обязана была присутствовать при разборѣ своихъ больныхъ на клиническихъ лекціяхъ, писать исторіи болѣзни и слѣдить за теченіемъ ея, т. е. училась и *наблюденію* больного въ условіяхъ клинической обстановки. Два раза въ недѣлю студенты этой подгруппы во время нашихъ вечернихъ обходовъ клиники давали отчетъ по поводу своихъ больныхъ, причемъ мы подробнѣе останавливались на разборѣ тѣхъ больныхъ, которые не были еще представлены на клиническихъ лекціяхъ. Во время этихъ обходовъ каждый студентъ долженъ былъ дать по возможности полную картину болѣзни своего пациента по принятому методу, но въ болѣе сжатомъ видѣ, чѣмъ это бываетъ при разборѣ въ аудиторіи, — установить діагностику и выработать показанія къ терапіи. При этомъ каждый студентъ тутъ же демонстрировалъ найденныя имъ патологическія измѣненія и тѣ способы, которыми онъ доказывалъ свою діагностику, т. е. ощупывалъ, перкутировалъ, аускультировалъ, изслѣдовалъ желудочный сокъ, мокроту, мочу, кровь и т. д. Словомъ, смотря по данному случаю, производилъ тѣ или другія для діагностическихъ цѣлей

физическія, химическія и микроскопическія манипуляціи. Такимъ образомъ, если больной у практиканта былъ желудочный, то студентъ могъ научиться примѣненію желудочнаго зонда, выкачиванію содержимаго желудка, промыванію его, химическому изслѣдованію желудочнаго сока, микроскопическому изслѣдованію пищевой смѣси и т. д. При чемъ при разборѣ, напр., желудочнаго больного выяснялось, когда и въ какихъ именно случаяхъ слѣдуетъ прибѣгать ко всѣмъ этимъ манипуляціямъ и какое онѣ имѣютъ дѣйствительное практическое значеніе. Если больной былъ легочный, то производилось микроскопическое и химическое изслѣдованіе мокроты, отыскиваніе эластическихъ волоконъ въ ней, гноя, пептоновъ и т. д., а также изслѣдованіе на бациллы, пневмококки и пр., смотря по роду болѣзни.

Слѣдуетъ замѣтить, что при этихъ кураторствахъ студентъ *первые* знакомился и съ изслѣдованіемъ мочи и опредѣленіемъ въ ней ненормальныхъ примѣсей, химическихъ и микроскопическихъ. Благодаря центрофугу моча могла быть микроскопически изслѣдована даже и у амбулаторныхъ больныхъ.

Вообще мы замѣтили, что свѣденія у нашихъ студентовъ по фізіологической химіи, при вступленіи ихъ въ клинику были крайне ничтожны и потому самыя простыя реакціи, какъ напр., даже опредѣленіе бѣлка въ мочѣ, очень многимъ изъ нихъ не было извѣстно.

Далѣе при наблюденіи за больнымъ студентъ также *первые* знакомился съ писаніемъ рецептовъ. По странному недоразумѣнію здѣсь искусство писать рецепты преподается непосредственно передъ окончательнымъ испытаніемъ. Въ виду этого, какъ мы убѣдились, оканчивающіе положительно не знаютъ ни фармакологическихъ препаратовъ, ни даже не умѣютъ написать самыхъ простыхъ рецептовъ. Мы рѣшительно по этому не понимаемъ, какимъ образомъ съ такими знаніями студенты могутъ заниматься самостоятельную практикою въ поликлиникѣ? Какимъ образомъ они тамъ пишутъ

рецепты? Мы не хотѣли вѣрить тому прискорбному явленію, будто студенты въ поликлиникѣ занимаются переписываніемъ рецептовъ изъ печатныхъ книжекъ. . . . Но горькая дѣйствительность убѣдила насъ въ томъ. Причемъ же тутъ *клиническое* преподаваніе съ его *методомъ* и индивидуализированіемъ? Не опасны ли подобныя рецептные книжки, не пріучаютъ ли онѣ студентовъ къ шаблонному отношенію и не идетъ ли это такимъ образомъ въ прямой разрѣзъ съ тѣмъ, чему учитъ клиника?

Въ то время, какъ практиканты разбирали своего больного, другіе не только слушали даваемое объясненіе первыми, но и сами принимали дѣятельное участіе, такъ какъ провѣряли все то, что докладывалось ихъ товарищами, т. е. осматривали, ощупывали, перкутировали, аускультировали и т. д.

Если докладчики не понимали или не знали чего либо, то, прежде чѣмъ дать объясненіе, мы обращались съ вопросомъ къ другимъ, не можетъ ли кто изъ нихъ дать отвѣта. Такимъ образомъ, вниманіе всѣхъ присутствующихъ было постоянно занято и самый разборъ принималъ характеръ клинической бесѣды. Исслѣдованія мочи, желудочнаго сока, мокроты обыкновенно откладывалось къ концу разбора. Тогда, перейдя изъ палаты, въ лабораторію, всѣ практиканты продѣлывали тѣ реакціи и исслѣдованія, которыя касались разбираемыхъ больныхъ. При такого рода занятіяхъ на вечернихъ обходахъ, студенты не только изучали, свыкались и усваивали *методъ*, но и пріучались оцѣнивать значеніе индивидуальности. Вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали навыкъ въ ощупываніи, аускультаци и перкуссіи, впервые знакомились съ исслѣдованіемъ экскретовъ и секретовъ и проч. Эти обходы пріобрѣли у студентовъ особенную симпатію, поэтому къ нимъ являются не только вызываемые студенты, но и другіе внѣ очереди. Вообще польза отъ такихъ обходовъ положительна.

На студентахъ первой группы лежала обязанность присутствовать и при аутопсіи труповъ, доставляемыхъ изъ нашей клиники и затѣмъ докладывать на клинической лекціи о найденныхъ при вскрытіи патолого-анатомическихъ измѣне-

ніяхъ. Этимъ путемъ практиканты не только могли провѣрять свои діагнозы, но и убѣждаться въ томъ, на сколько основательно была примѣнена терапія въ клиникѣ, а черезъ это въ нихъ вселялось довѣріе къ самой клиникѣ, методу, практикуемому въ ней и къ руководителю клиники. Нужно замѣтить, что вскрытіями мы очень дорожили, а потому аутопсії назначались заблаговременно, съ указаніемъ клиническаго діагноза, въ дни и часы, которые принадлежали нашимъ клиническимъ лекціямъ, вмѣсто послѣднихъ, и обычно сами присутствовали при вскрытіяхъ.

Вслѣдствіе такого порядка происходило то, что при вскрытіи присутствовала вся наша аудиторія. Понятно, что убѣжденіе въ вѣрности діагноза и терапіи провѣрилось не только вскрытіями, но и *клиническимъ наблюденіемъ*. При томъ существовавшемъ здѣсь до насъ скептическомъ отношеніи къ терапіи, мы напротивъ даже старались, какъ можно чаще, доказывать пользу и смыслъ терапіи именно на случаяхъ излѣчимыхъ. Такимъ отношеніемъ къ лѣченію мы дѣйствительно достигли того, что наши слушатели совѣмъ иначе теперь смотрятъ на терапію и вѣрятъ въ пользу практической медицины, т. е. въ возможность лечить и излечивать болѣзни.

Вторая подгруппа завѣдывала амбулаторной клиникой. Обязанность студентовъ этой группы состояла въ разборѣ больныхъ изъ амбулаторіи и представленіи ихъ на лекціи. Изслѣдованіе больнаго на лекціяхъ ничѣмъ не отличалось отъ обыкновенныхъ клиническихъ лекцій, съ тѣмъ же строгимъ обращеніемъ вниманія на соблюденіе *метода* и индивидуализированіе. Нѣкоторая разница, впрочемъ, въ изслѣдованіи заключалась въ томъ, что стационарные больные, какъ находившіеся подъ ежедневнымъ наблюденіемъ студентовъ, болѣе подробно и обстоятельно докладывались въ силу больнаго знакомства съ больнымъ и болѣе всесторонняго изученія его. Правда, нужно замѣтить, что изъ амбулаторной клиники чаще выбирались такіе случаи, которые не нуждались въ клини-

ческомъ леченіи, а потому и изслѣдованіе ихъ было на самомъ дѣлѣ проще, т. е. не требовалось примѣненія тѣхъ сложныхъ приѣмовъ изслѣдованія, которые могутъ быть приложены къ стаціонарнымъ больнымъ. Представленіе такого рода легкихъ болѣзненныхъ формъ, конечно, очень важно, такъ какъ съ ними то чаще всего и приходится имѣть дѣло въ практикѣ, а потому, какъ само собой понятно, и знакомство съ ними должно быть приобретаемо также въ клиникѣ, а не послѣ оставленія ея. Знакомство съ этими формами весьма интересно и съ терапевтической стороны, такъ какъ слушатели при этомъ знакомятся съ леченіемъ болѣзней не при клинической обстановкѣ, а при самыхъ разнообразныхъ бытовыхъ условіяхъ.

Кромѣ того эта-же подгруппа представляла намъ больныхъ отъ 12 до 2 часовъ и въ амбулаторіи. Здѣсь, очевидно, слушатели также учились *методу* и индивидуализированію, приобретали навыкъ въ *ощупываніи, перкуссіи, аускультациі*, — словомъ практически знакомились съ изслѣдованіемъ больного, упражнялись въ діагностикѣ, устанавливали терапію и обязательно сами писали рецепты. Многіе изъ студентовъ продолжали слѣдить за своими амбулаторными больными и въ городѣ до ихъ выздоровленія. Въ эту группу мы отдѣляли преимущественно тѣхъ студентовъ, которые уже практиковали одинъ семестръ въ клиникѣ и слѣдовательно до нѣкоторой степени уже ознакомившіеся съ принятымъ въ клиникѣ методомъ изслѣдованія больныхъ. Само собою понятно, что этой подгруппѣ менѣе приходилось практиковаться въ производствѣ химическихъ и микроскопическихъ манипуляцій, чѣмъ первой подгруппѣ, а съ другой стороны требовалось и болѣе быстрое производство этихъ послѣднихъ.

Третья подгруппа получала больныхъ изъ стаціонарныхъ и, разобравши ихъ, представляла намъ тутъ-же въ палатахъ во время вечерняго обхода. Все, что сообщалось одними практикантами, контролировалось другими присутствующими. И эти занятія приобретали характеръ клиническихъ бесѣдъ въ силу того, что постоянно приходилось обращаться за разъ-

ясненіемъ тѣхъ или другихъ вопросовъ не къ одному, а ко всемъ присутствующимъ, точно также и здѣсь на проведение *метода и индивидуализированіе* обращалось особенное вниманіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовалась также цѣль *практическаго* ознакомленія со всемъ тѣмъ, что требовалось и примѣнялось для установки діагностики, а также провѣрялись и контролировались всеми участниками обхода находимыя у больного тѣ или другія измѣненія. Следовательно и здѣсь преслѣдовалась та-же практическая цѣль, какъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ. Химическія и микроскопическія изслѣдованія продѣлывались обычно передъ представленіемъ больного, для того чтобы можно было устанавливать діагностику сразу во время разбора, а не откладывать ея до окончанія всѣхъ способъ изслѣдованія.

Изъ такихъ клиническихъ вечернихъ бесѣдъ мы убѣдились также въ томъ, какъ мало здѣсь студенты вообще читаютъ даже хорошія руководства, не говоря уже о полномъ незнакомствѣ съ тѣмъ, что сообщается въ періодической специальной прессѣ.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что при вечернихъ обходахъ совсѣмъ не обращалось вниманія на то, съ какими больными мы имѣли дѣло, т. е. отнесены-ли они были къ первому семестру или ко второму. То дѣленіе содержанія клиники внутреннихъ болѣзней, о которомъ мы раньше говорили, всецѣло относится къ клиническимъ лекціямъ. Хотя впрочемъ нужно замѣтить, что наборъ больныхъ въ клинику все таки зависѣлъ отъ того, о чемъ предполагалось вести рѣчь на клиническихъ лекціяхъ.

Такимъ образомъ контингентъ больныхъ въ первомъ семестрѣ состоялъ преимущественно изъ болѣзней брюшныхъ органовъ, функциональныхъ разстройствъ нервной системы, общихъ разстройствъ питанія и т. д., т. е. то, что и намѣчено было для перваго семестра по программѣ клиническихъ лекцій. Но во всякомъ случаѣ, какъ это само собой понятно, строгаго дѣленія больныхъ по семестрамъ не могло быть.

Кромѣ означенныхъ трехъ подгруппъ у насъ была еще группа аускультантовъ, т. е. студентовъ 5 семестра и, слѣдовательно, не успѣвшихъ прослушать ни теоретическаго курса физической діагностики, ни частной паталогіи и терапіи. Благодаря присутствію ихъ на клиническихъ лекціяхъ, мы, какъ уже раньше замѣтили, старались пополнять существующій у нихъ пробѣлъ по этимъ предметамъ тѣмъ, что подробнѣе излагали все касающееся послѣднихъ, чѣмъ это слѣдовало бы. вмѣстѣ съ этимъ, конечно, подробное отступленіе въ область физической діагностики и частной паталогіи и терапіи далеко было не лишнимъ и для практикантовъ. Но кромѣ того разъ въ недѣлю отъ 7 до 9 час. вечера мы знакомили ихъ практически у постели больныхъ съ клинической семіотикой болѣзней. Такъ, напр., выбравъ больныхъ съ водянокой, мы разбирали діагностику, виды водянокъ — асцитъ, аназарка, эдема и болѣзни, при которыхъ они встрѣчаются. Или, напр., отобравъ больныхъ съ ціанозомъ, указывали на значеніе этого симптома для діагноза болѣзней, предсказанія и т. д. Или, напр., подобравъ группу желудочно-кишечныхъ больныхъ, останавливались на аномаліяхъ кожи, которыя сопутствуютъ или возникаютъ на почвѣ указанныхъ заболѣваній — желтуха, уртикарія, акне, фурункулы и т. д. Или, напр., взявъ рядъ больныхъ съ наиболѣе выраженнымъ типическимъ габитусомъ, останавливались на этомъ симптомѣ съ точки зрѣнія діагностики, прогноза, а также объясняли, какое громадное значеніе, особенно въ воинскихъ присутствіяхъ, имѣютъ измѣренія роста, грудной клѣтки по отношенію къ опредѣленію физическаго здоровья. Или, напр., обративъ вниманіе на взвѣшиваніе больныхъ, объясняли значеніе колебаній вѣса для діагностики, прогноза, терапіи и т. д. Или, напр., выбирая лихорадочныхъ больныхъ, останавливались на измѣреніи у нихъ температуры и говорили о ея важномъ значеніи для діагноза инфекціонныхъ болѣзней, прогноза, терапіи и т. д.

Какъ только студенты освоились съ этими простыми, но крайне важными для клиники внѣшними признаками болѣзней,

мы переходили къ изслѣдованію внутреннихъ органовъ, т. е. опущиванію, особенно печени, селезенки, почекъ и т. д., а затѣмъ уже приступали къ перкуссіи и аускультаци. Къ сожалѣнію, не смотря на громадное практическое значеніе такихъ исключительно демонстрированныхъ занятій, мы не могли ихъ провести въ той степени, какъ это намъ было желательно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатка времени, удѣляемаго для нихъ, отчасти и значительной утомляемости. Нужно имѣть въ виду, что на эти демонстративныя занятія въ высшей степени охотно собирались студенты и высшихъ курсовъ, а потому при этихъ занятіяхъ время сильно затягивалось, а черезъ это, конечно, и силы руководителя утомлялись. Поручить же веденіе такихъ демонстративныхъ обходовъ своимъ ближайшимъ помощникамъ мы не могли, не зная, насколько они къ этому были подготовлены.

Кромѣ вышеуказанныхъ занятій со студентами, мы дѣлали два — три раза обходъ клиники отъ 11 до часа съ ассистентами и субъ-ассистентами. Считаемо необходимымъ оговориться, что въ штатъ субъ-ассистентовъ набираются лучшіе студенты 4 и 5 курсовъ или даже окончившіе врачи, особенно заграничные. Субъ-ассистенты берутся съ цѣлью быть помощниками ассистентамъ. Они собираютъ субъективный экзамень отъ больного, ведутъ исторіи болѣзни, дѣлаютъ необходимыя химическія и микроскопическія изслѣдованія и всѣ ихъ занятія контролируются ближайшимъ образомъ ассистентами, а затѣмъ нами. Во время нашихъ обходовъ клиники, они даютъ необходимыя дополнительныя свѣдѣнія при разборѣ больныхъ со студентами, если послѣдніе не имѣли таковыхъ, особенно если дѣло касалось, напр., изслѣдованія желудочнаго сока, мочи, испражнений и т. д.

Эти обходы имѣли цѣлью не только намъ самимъ доставить возможность ознакомиться съ наличностью матеріала для клиническихъ лекцій, но также служили намъ для провѣрки диагнозовъ, характера и полноты наблюденій и особенно для назначенія терапіи. Послѣднія, какъ мы уже выше указали,

была здѣсь въ большемъ пренебреженіи, а потому на терапіи и приходилось самымъ подробнымъ образомъ останавливаться во время этихъ обходовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же дѣлались различнаго рода указанія по поводу производства тѣхъ или другихъ дополнительныхъ изслѣдованій, которые вызывались даннымъ случаемъ. Въ то же время указывались больные, интересные въ какомъ либо отношеніи для занесенія ихъ въ литературу. Одновременно выбирались больные, подлежащіе специальному леченію минеральными водами, или фармацевтическими препаратами, съ которыми производились въ клиникѣ наблюденія. Во время обходовъ обращалось особенное вниманіе на то, чтобы ассистенты и субъ-ассистенты, какъ можно полнѣе и тщательнѣе выполняли принятый нами *методъ* изслѣдованія больныхъ и строже оцѣнивали значеніе индивидуальности при назначеніи терапіи. Субъ-ассистенты въ это время обычно демонстрировали намъ все то, что найдено было ненормальнаго у больнаго. Изъ такого рода отношенія субъ-ассистентовъ къ клиническимъ занятіямъ очевидно было, что они находились въ самыхъ лучшихъ условіяхъ, въ смыслѣ практическаго ознакомленія съ клиникой. Поэтому мы въ прошломъ году со втораго семестра широко открыли двери клиники для пріема субъ-ассистентовъ и какъ видно изъ ниже приложенныхъ рефератовъ ихъ статей, помѣщенныхъ въ нашей газетѣ „Медицина“, они съ громадною пользою провели для себя время въ клиникѣ не только въ смыслѣ клиническаго образованія, но даже и литературнаго. Если бы ассистенты были хорошо подготовлены къ исполненію своихъ обязанностей, то въ высшей степени желательно было бы даже и для успѣха клиники увеличивать штатъ субъ-ассистентовъ. Эта мѣра привлеченія студентовъ въ помощь ассистентамъ намъ кажется весьма симпатичной и мы горячо рекомендуемъ ее клиницистамъ и другихъ русскихъ университетовъ.

Дни свободные отъ вечернихъ обходовъ посвящались занятіямъ въ лабораторіи. Всѣ ассистенты и субъ-ассистенты обязательно знакомились съ качественными и количественными

ислѣдованіями мочи, микроскопическимъ изслѣдованіемъ осадковъ. Такимъ образомъ наши ближайшіе помощники въ короткое время ознакомились съ опредѣленіемъ азота по способу *Кельдаль—Бородина*, съ опредѣленіемъ экстрактивныхъ веществъ въ мочѣ, а также съ количественнымъ анализомъ мочевоы кислоты по способу *Гейкрафта*, удачно видоизмѣненному, въ смыслѣ сокращенія времени анализа, однимъ изъ нашихъ учениковъ, *Г. Смидовигель*. Въ это же время въ лабораторіи давались указанія, объясненія, совѣты и знакомили съ литературой тѣхъ лицъ, которыя производили спеціальныя работы.

Помимо нашихъ ближайшихъ помощниковъ по клиникѣ намъ приходилось дѣлать указанія по русской литературѣ и лицамъ работающимъ у другихъ профессоровъ.

Далѣе въ виду того, что наши ближайшіе помощники субъ-ассистенты плохо владѣли русскимъ языкомъ и главное совершенно не были знакомы съ литературными приѣмами, намъ приходилось не мало времени употреблять на исправленіе и дополненіе представлявшихся ими работъ къ печати. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіи каждаго семестра достаточно тратится времени на экзамены студентовъ выпускнаго курса. Съ половины же мая намъ прибавились новыя, не легкія занятія, соединенныя съ обязанностью декана медицинскаго факультета, на которомъ, кстати замѣтимъ, находится громадное большинство студентовъ нашего университета.

Время послѣ обѣда отъ 3 до 5 часовъ, передъ вечернимъ обходомъ, посвящалось приѣму больныхъ студентовъ, число которыхъ временами достигало весьма почтенной цифры — 30.

Больныхъ не студентовъ мы не принимали и городской практикой не занимались.

Перейдемъ теперь въ разсмотрѣнію клиническаго матеріала. Указать хоть вкратцѣ на характеристику послѣдняго мы считаемъ необходимымъ потому, что это обстоятельство, по нашему мнѣнію, можетъ объяснить намъ тѣ особенности, которыя мы подмѣтили у больныхъ нашей клиники. Больничныи матеріаль

нашъ составляли : эстонцы — наибольшій процентъ, затѣмъ евреи, нѣмцы, латыши и незначительное количество русскихъ

Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что съ каждымъ днемъ процентъ русскихъ возрастаетъ.

Что касается условія и образа жизни больныхъ, поступающихъ въ клинику, то прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что питаніе ихъ вообще крайне однообразно и слагается у эстонцевъ и латышей преимущественно изъ грубаго ржанаго хлѣба, щей, *картофеля*, селедки, нѣрѣдко молока, изрѣдка мяса; у евреевъ — преимущественно изъ хлѣба, картофеля, капусты, нѣрѣдко мяса и молока, наконецъ у русскихъ большей частью изъ хлѣба, щей изъ капусты, очень рѣдко молока и еще рѣже мяса. Изъ напитковъ чаще всего простая колодезная вода, гораздо рѣже чай. Пиво и квасъ нѣрѣдко употребляется, также какъ и водка, особенно въ праздничные дни. Такимъ образомъ вообще можно сказать пища нашихъ больныхъ была преимущественно растительная.

Другая особенность, свойственная здѣшной мѣстности, касается жилищъ нашихъ больныхъ. Дома по преимуществу деревянные, отапливаемые дровами, освѣщаются порядочно и содержатся довольно чисто и уютно. При каждомъ домѣ у эстонцевъ находится баня, которой они пользуются обязательно разъ въ недѣлю и даже два раза. Последнимъ обстоятельствомъ быть можетъ объясняется сравнительная нечастота кожныхъ заболѣваній.

Каждый домъ представляетъ собой отдѣльную усадьбу, на разстояніи полъ версты и больше отъ сосѣдняго.

Кругомъ каждаго жилища расположено поле, на которомъ здѣшніе крестьяне и проводятъ большую часть дня за исключеніемъ, конечно, зимняго времени.

Слѣдовательно, такой характеръ населенія рѣзко отличается отъ того, что мы привыкли видѣть въ остальныхъ губерніяхъ Россіи и отчасти можетъ служить намъ объясненіемъ того, что инфекціонныя болѣзни здѣсь не принимаютъ характера значительныхъ эпидемій, тѣмъ болѣе, какъ

мы выше сказали, что поселенцы каждой усадьбы пользуются своей собственной водой.

Вообще, слѣдуетъ отмѣтить, что земледѣльческій трудъ эстонца въ высшей степени тяжелъ. Не смотря на такое трудолюбіе и порядочные урожаи простой эстонецъ питается, какъ мы видѣли, очень однообразно и плохо. Зависитъ это обстоятельство отъ того, что арендная сумма за землю, взимаемая помѣщиками, необычайно велика, такъ что крестьянинъ едва-едва въ состояніи выработать арендную сумму, а на пропитаніе почти ничего не остается, а потому и приходится пользоваться предметами своего хозяйства, а не покупными. Евреи большою частью пріезжіе изъ сосѣднихъ губерній преимущественно составляли классъ мастеровыхъ. Русскіе, главнымъ образомъ изъ Псковской и Петербургской губерній, занимаются земледѣліемъ, рыбной ловлею, сплавомъ лѣса и различныхъ земледѣльческихъ продуктовъ въ города.

Число больныхъ, находившихся на пользованіи въ клиникѣ въ теченіи 1892/3 академическаго года, равнялось 317 человекъ. Изъ нихъ русскихъ 26. Если исключить изъ этого числа 46 нервныхъ больныхъ, отчасти оставшихся въ клиникѣ отъ предшествующаго года, то однихъ внутреннихъ больныхъ было 271 человекъ ¹⁾.

По роду болѣзней они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ :

1) Катарръ желудка и кишекъ	35
2) Чихотка легкихъ	33
3) Острыя инфекціонныя болѣзни	32
4) Болѣзнь сердца и сосудовъ	30
5) Болѣзнь почекъ	24
6) Накожныя болѣзни (лепра, сифились и др.) . . .	23

1) Нервныхъ больныхъ мы избѣгали принимать въ клинику вслѣдствіе того, что при нашемъ университетѣ существуетъ спеціальныя клиники для душевныхъ и нервныхъ болѣзней, куда и направлялись подобные больные.

7) Бронхитъ и другія болѣзни дыхательнаго аппарата	16
8) Ревматизмъ суставовъ	15
9) Болѣзни мочевыхъ путей (гоноррея, циститъ) . .	13
10) Болѣзни печени и желчныхъ путей	12
11) Язвы желудка	9
12) Болѣзни крови	8
13) Ракъ пищевода	6
14) Сахарное мочеизнуреніе	4
15) Ракъ желудка	4
16) Болѣзни селезенки	3
17) Болѣзни женскихъ половыхъ органовъ	3
18) Ракъ прямой кишки	1

Чтобы хоть отчасти исключить случайныя обстоятельства при сужденіи о характерѣ болѣзней, наблюдавшихся въ теченіи года, мы считаемъ необходимымъ параллельно привести свѣдѣнія о числѣ больныхъ и за предшествующій годъ.

За 1891-2 учебный годъ въ клиникѣ стационарныхъ больныхъ было 452. Русскихъ было 11. Изъ нихъ нервныхъ больныхъ было 216 человекъ. Остальные 236 приходились на внутреннія болѣзни.

Распредѣлялись они по роду болѣзни слѣдующимъ образомъ :

1) Чахотка легкихъ	46
2) Катартъ желудка и кишекъ	43
3) Острыя инфекціонныя болѣзни	29
4) Ревматизмъ суставовъ	23
5) Болѣзни сердца и сосудовъ	20
6) Язвы желудка	17
7) Бронхитъ и другія болѣзни дыхательнаго аппарата	15
8) Болѣзни почекъ	11
9) Ракъ желудка	9
10) Болѣзни печени и желчныхъ путей	9
11) Ракъ пищевода	4
12) Сахарное мочеизнуреніе	4
13) Болѣзни крови	3
14) Болѣзни мочевыхъ путей	3

Какія же особенности представляютъ наши больныя ?

Сравнивая объѣ таблицы мы можемъ отмѣтить слѣдующіе факты :

Во 1-хъ, чахотка легкихъ составляетъ здѣсь видимо весьма распространенное явленіе, что отчасти находитъ себѣ объясненіе въ неадекватности питанія, тѣспотѣ помѣщенія, а также быть можетъ и въ усиленномъ питаніи картофелемъ. Вслѣдствіе перваго обстоятельства въ организмъ создаются условія, облегчающія зараженіе туберкулезными бациллами, такъ какъ большая или меньшая устойчивость и сопротивляемость ткани противъ зараженія послѣдними играетъ весьма важную роль ; вслѣдствіе послѣдняго, какъ показываютъ новѣйшія экспериментальныя наблюденія, зараженіе туберкулезными бациллами совершается гораздо легче при питаніи организма углеводами, чѣмъ жиромъ и бѣлками. Въ подтвержденіе послѣдняго факта, мы можемъ указать на одно, вѣсѣмъ хорошо извѣстное обстоятельство, именно на необыкновенную частоту пораженія диабетичныхъ туберкулезомъ.

Во 2-хъ, поразительно часто встрѣчаются заболѣванія желудочно-кишечнаго канала, особенно, если принять во вниманіе и то, что большинство этихъ больныхъ лѣчится амбулаторно. Изъ группы болѣзней этого отдѣла намъ бросается въ глаза необыкновенная частота *ulcus ventriculi*, а также расширенія желудка, вслѣдствіе послѣдняго. Можно сказать, что въ клиникѣ не проходитъ дня въ теченіи всего года, чтобы мы не имѣли одинъ, два или даже три случая *ulcus ventriculi*.

Этотъ фактъ частоты здѣсь *ulcus ventriculi* насъ особенно поражалъ тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ Россіи, какъ намъ извѣстно, круглая язва желудка со всѣми ея послѣдствіями въ высшей степени рѣдка. Невольно это обстоятельство приходится ставить въ связь съ усиленнымъ питаніемъ здѣшняго населенія картофелемъ, такъ какъ никакой другой причины мы не могли найти для объясненія этого явленія : ни артеріосклерозъ, ни анемія, очевидно не играетъ здѣсь роли

въ качествѣ этиологическихъ моментовъ. Артеріосклерозъ, также какъ и анемія несомнѣнно, хотя встрѣчаются здѣсь и часто, но не совпадаютъ съ появленіемъ *ulcus ventriculi*: артеріосклерозъ встрѣчается въ болѣе пожиломъ возрастѣ, тогда какъ *ulcus ventriculi* чаще всего констатируется у самыхъ молодыхъ субъектовъ. Противъ анеміи, какъ этиологическаго момента для развитія *ulcus ventriculi* говоритъ необыкновенная частота этой болѣзни крови въ Петербургѣ, напр., при чрезвычайной рѣдкости тамъ круглой язвы желудка.

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить необыкновенную частоту зараженія здѣшняго населенія *bothrioccephalus latus* и перѣдкое появленіе тяжелой анеміи, вслѣдствіе послѣдняго. Кромѣ того, необходимо отмѣтить здѣсь довольно частое заболѣваніе различныхъ отдѣловъ желудочно-кишечнаго канала раковымъ процессомъ, къ чему вѣроятно предрасполагають столь частыя вообще заболѣванія пищеварительнаго тракта.

Изъ болѣзней желудочно-кишечнаго канала съ другой стороны рѣзко бросается въ глаза въ высшей степени рѣдкое заболѣваніе тифлитомъ, перитифлитомъ, запорами, геморроемъ и выпаденіемъ прямой кишки. Такой особый характеръ болѣзней желудочно-кишечнаго канала въ здѣшнемъ краѣ мы ближайшимъ образомъ можемъ разсматривать какъ послѣдствіе недостаточнаго и плохого питанія.

Въ 3-хъ, не смотря на то, что болѣзни желудка и кишекъ здѣсь наблюдаются необыкновенно часто, желчные камни, а также почечные, напротивъ, составляютъ въ высшей степени рѣдкое явленіе. Замѣчательно, что изслѣдованіе мочи у нашихъ больныхъ показываетъ также малое содержаніе мочевой кислоты въ ней. Это обстоятельство невольно наводитъ на ту мысль, что въ этиологіи образованія желчныхъ камней катарры пищеварительнаго тракта далеко не играютъ той роли, какую имъ хотять приписать многіе ученые. Очевидно, что качество желчи т. е. химическій составъ ея также не остается безъ вліянія на образованіе камней: чѣмъ гуще желчь, чѣмъ ближе реакція ея къ нейтральной или даже кислой, чѣмъ чаще и

дольше совершается застой ея въ желчномъ пузырьѣ, тѣмъ скорѣе можно ожидать при благопріятныхъ условіяхъ осажденія холестерина и желчныхъ пигментовъ. Есть полное основаніе допускать, что растительная пища далеко не способствуетъ появленію такихъ благопріятныхъ моментовъ къ содержанію въ желчи въ большомъ количествѣ холестерина и пигментовъ, какъ мясная пища. Подъ вліяніемъ растительной пищи мы, судя по изслѣдоваціямъ мочи, можемъ предполагать, что желчь представляетъ такіа-же измѣненія, какъ и моча. Малая кислотность мочи съ небольшимъ содержаніемъ въ ней мочевоы кислоты, представляетъ характерную особенность мочи нашихъ паціентовъ.

Нужно думать, что и желчь при этихъ условіяхъ питанія представляется не только болѣе жидкой, но и наиболѣе щелочной. Такимъ образомъ подобный составъ желчи, равно какъ и мочи при внѣдреніи въ желчные и мочевоы пути бактерій, обусловливающихъ появленіе кислаго броженія обѣихъ жидкостей, мало-способствуетъ возникновенію бродильныхъ процессовъ, а слѣдовательно и выпаденію мочевоы кислоты, холестерина и желчныхъ пигментовъ.

Съ другой стороны слѣдуетъ имѣть въ виду, что вода въ здѣшнемъ краѣ богата известью и это обстоятельство очевидно прямо противорѣчитъ тому предположенію ученыхъ, будто известь въ образованіи желчныхъ камней, равно какъ и почечныхъ играетъ роль въ качествѣ этиологическаго момента. Скорѣе можно согласиться съ тѣми, которые смотрятъ на известь, какъ на средство, мѣшающее образованію мочевоы кислотныхъ камней.

Тутъ же отмѣтимъ, что рядомъ съ рѣдкостью желчныхъ камней, мочевоы песка отсутствуетъ и подагра. Въ противоположность съ этимъ въ рѣзкомъ контрастѣ стоитъ сравнительно частое заболѣваніе сахарнымъ мочеизнуреніемъ, что отчасти можетъ быть связано съ усиленнымъ питаніемъ картофеля.

Въ 4-хъ. Болѣзни почекъ въ противоположность болѣз-

нямъ печени, встрѣчаются въ нашемъ краѣ далеко не рѣдко и въ этомъ отношеніи онѣ скорѣе приближаются по своей частотѣ къ болѣзнямъ сердца и ревматизму. Весьма интересно, что въ то время, какъ въ Петербургѣ подвижныя почки встрѣчаются на каждомъ шагу, здѣсь онѣ составляютъ далеко не частое явленіе.

Въ 5-хъ. Изъ болѣзней селезенки мы считаемъ необходимымъ отмѣтить три случая подвижности ея. Зависитъ ли такая частота подвижныхъ селезенокъ отъ простой случайности, или какой другой причины, мы по одному году клинической дѣятельности еще не можемъ объ этомъ дать прямого заключенія.

Въ 6-хъ. Весьма интересное явленіе представляютъ болѣзни сердца и сосудовъ. Какъ видно изъ приложенныхъ таблицъ, сердечные больные составляютъ большой контингентъ нашихъ пациентовъ. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что мы имѣли по преимуществу болѣзни двустворки — недостаточность или суженія ея, а чаще комбинацію обѣихъ. Пороки же клапановъ аорты встрѣчаются гораздо рѣже, точно также и ожирѣніе сердца составляетъ здѣсь весьма рѣдкое явленіе. Расширенія аневризматическія же аорты наблюдаются весьма не рѣдко. Склерозъ большихъ и мелкихъ сосудовъ составляетъ весьма частое явленіе. Въ высшей степени интересно, что, не смотря на поразительную частоту болѣзней сердца и сосудовъ, припадковъ стенокардіи мы ни разу не наблюдали въ теченіи цѣлаго года у нашихъ больныхъ.

Фактъ этотъ весьма важенъ съ точки зрѣнія объясненія припадковъ грудной жабы. Если припомнить вышесказанное объ отсутствіи почти почечныхъ камней изъ уратовъ, а также отсутствіи подагры и незначительный $\frac{0}{100}$ экстрактивныхъ веществъ въ мочѣ у изслѣдованныхъ нашихъ больныхъ, то невольно приходится склоняться на сторону тѣхъ ученыхъ, которые генезисъ припадковъ грудной жабы видятъ въ накопленіи въ организмѣ мочевоы кислоты, недоокисленныхъ продуктовъ азотистаго обмѣна и вообще экстрактивныхъ веществъ.

Мы не думаемъ, чтобы одно низкое умственное образованіе нашихъ пациентовъ было главной причиной отсутствія припадковъ грудной жабы у сердечныхъ нашихъ больныхъ.

Такое объясненіе припадковъ грудной жабы чрезвычайно интересно и съ терапевтической стороны, такъ какъ даетъ намъ наглядное объясненіе тому факту, почему мы при назначеніи подагрикамъ съ различными болѣзненными проявленіями въ сферѣ нервной системы растительной пищи и молочнаго леченія получаемъ блестящіе результаты.

Что касается объясненія частоты болѣзней сердца въ нашемъ краѣ, то, имѣя въ виду, что мы чаще всего имѣемъ болѣзни двусторонки, является предположеніе о томъ, не зависитъ ли это обстоятельство отъ частоты въ здѣшнемъ краѣ суставнаго ревматизма. Дѣйствительно, обращаясь къ нашимъ таблицамъ, мы невольно поражаемся сравнительной частотой заболѣваній ревматизмомъ.

Считаемъ нелишнимъ указать здѣсь на одно крайне интересное обстоятельство, которое намъ пришлось констатировать относительно ревматизма въ одномъ семействѣ. Известно, что до сего времени еще многіе врачи смотрятъ на ревматизмъ, какъ на простудное заболѣваніе, а не какъ на инфекціонную болѣзнь. Въ пользу послѣдняго обстоятельства мы именно и желаемъ здѣсь привести случай, такъ сказать, домашней эпидеміи ревматизма.

Въ одной семьѣ, состоящей изъ пяти человекъ, четверо почти одновременно захворали острымъ суставнымъ ревматизмомъ: мать, женщина среднихъ лѣтъ, старшая дочь 11 лѣтъ, вторая — 7 и третья — 3 лѣтъ. Такъ какъ при подробномъ изслѣдованіи условій и образа жизни больныхъ этого случая нельзя было приписать простудѣ, одновременно подѣйствовавшей на всю семью, то, по нашему мнѣнію, *этотъ фактъ заболѣванія четырехъ лицъ въ одной семьѣ несомнѣнно говоритъ въ пользу инфекціоннаго происхожденія ревматизма.*

Въ 7-хъ. Въ противоположность съ весьма частыми

случаями ревматизма въ нашей мѣстности слѣдуетъ поставить сравнительно рѣдкое заболѣваніе тифозными формами. Если брюшной тифъ и случается изрѣдка видѣть между нашими больными, то возвратный, можно сказать, положительно отсутствуетъ. Въ теченіи прошлаго года не случилось имѣть въ клиникѣ также ни одного больнаго и сыннымъ тифомъ. Не смотря на то, что мы повсюду ищемъ и старались достать для демонстраціи тифозныхъ больныхъ, тѣмъ не менѣе намъ не пришлось имѣть ихъ въ теченіи года больше пяти человѣкъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что, повидимому и другія инфекціонныя заболѣванія составляютъ здѣсь далеко не частое явленіе, такъ какъ въ теченіе всего года мы видѣли только по одному случаю дифтерита, скарлатины и даже кори.

За то можно указать на весьма часто - встрѣчающіеся случаи лепры. Лепрозные больные поступаютъ въ клинику не только изъ сосѣднихъ окрестностей, но и изъ самаго города Юрѣва, гдѣ даже одна лепрозная содержитъ пивную лавку, сестра же ея находится въ мѣстной лепрозоріи. Лепра представляется здѣсь въ трехъ формахъ: туберозной, макулѣзной и анестетической.

Благодаря обилію матеріала, легко убѣдиться, что всѣ эти три формы представляютъ одну и ту же болѣзнь, ибо на одномъ и томъ же больномъ весьма часто можно доказать существованіе всѣхъ трехъ формъ. Въ пользу этого говорить и тотъ открытый нами фактъ, что лепрозный процессъ, подъ какой-бы формой онъ не представлялся нашему наблюденію, во всѣхъ случаяхъ сохраняетъ одно и то же свойство, именно способность пораженныхъ участковъ окрашиваться метиленовой синькой, тогда какъ здоровыя ткани совершенно лишены этой способности.

Въ виду такого отношенія лепрозныхъ тканей къ этому реактиву, мы и ввели здѣсь особый способъ леченія лепры метиленовой синькой. Имѣя въ виду, что лепрозные участки содержатъ большее или мѣньшее количество лепрозныхъ бациллъ и, констатируя нерѣдко несомнѣнную послѣдователь-

ность въ заболѣваніи лепрой лицъ, находящихся въ близкихъ отношеніяхъ, особенно совмѣстное спанье на одной кровати, мы должны смотрѣть на лепру, какъ на болѣзнь заразную, способную передаваться отъ одного человѣка къ другому, а вслѣдствіе этого въ профилактическихъ видахъ, должно горячо привѣтствовать устройство лепрозорій, куда можно было-бы изолировать всѣхъ подобныхъ больныхъ. Такое устройство лепрозорій въ настоящее время особенно необходимо, въ виду того, что далеко не всѣ лепрозные больные отдѣлены отъ здороваго общества, вслѣдствіе чего послѣднему постоянно угрожаетъ опасность потерять большее или меньшее число своихъ членовъ отъ зараженія лепрой. А что частота лепры въ нашемъ краѣ несомнѣнно увеличивается, на это имѣются многія литературныя указанія. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашемъ краѣ насчитывалось всего нѣсколько десятковъ лепрозныхъ больныхъ, тогда какъ въ настоящее время мы имѣемъ ихъ нѣсколько сотенъ. Слѣдовательно, несомнѣнно государству угрожаетъ наводненіе лепрозными, и его обязанность, какъ можно скорѣе приступить къ изытію лепрозныхъ больныхъ изъ здороваго общества.

Мы имѣемъ основаніе думать, что лепра изъ нашего края подвигается на востокъ, такъ какъ случаи появленія лепры въ Петербургской губерніи, особенно въ Ямбургскомъ уѣздѣ, начинаютъ попадаться уже нерѣдко.

Что касается другой инфекціонной болѣзни, именно сифилиса, то также слѣдуетъ отмѣтить весьма частое проявленіе его среди мѣстнаго населенія. Интересно при этомъ отмѣтить, что проявленіе сифилиса въ громадномъ большинствѣ случаевъ представляется нашему наблюденію въ третичной формѣ. Случаи первичнаго склероза удается напротивъ видѣть чрезвычайно рѣдко.

Точно также поразительно рѣдко встрѣчается и *ulcus molle*. За то гоноррея съ ея послѣдствіями наблюдается чрезвычайно часто, что дало намъ возможность проконтроли-

ровать дѣйствіе различныхъ средствъ, употребляемыхъ при леченіи этой болѣзни и выработать до нѣкоторой степени самостоятельный взглядъ на леченіе этой болѣзни, какъ это будетъ видно изъ отдѣла о терапіи вообще. Вслѣдствіе такой частоты гонорреи естественно, что циститы, эпидидимиты, простатиты встрѣчаются здѣсь также очень часто, какъ и заболѣванія женской половой сферы бленорройнымъ процессомъ.

Въ 8-хъ. Вообще нужно отмѣтить, что кожные болѣзни встрѣчаются здѣсь далеко не часто, особенно бросается въ глаза рѣдкость случаевъ экземы, какъ извѣстно на каждомъ шагѣ попадающейся въ Петербургѣ, герпетическихъ заболѣваній и т. д.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію терапіи, проводившейся въ нашей клиникѣ, мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь полную вѣдомость клинической аптеки.

Списокъ

медикаментовъ, отпущенныхъ изъ клинической аптеки Императорскаго Юрьевскаго Университета для медицинской клиники въ продолженіи 1891/2 и 1892/3 учебныхъ годовъ.

	1891—92.	1892—93.
Acetum aromaticum		5960,0
Acidum aceticum 30 %	3430,0	2115,0
„ aceticum glaciale	555,0	3246,0
„ arsenicosum	0,96	3,28
„ benzoicum	16,6	47,6
„ boricum	1726,0	8298,7
„ butyricum	10,0	
„ carbolicum crudum	88900,0	5360,0
„ carbolicum purum	11927,0	8081,0
„ cholalicum		5,0

	1891—92.	1892—93.
Acidum choloidinicum		1,0
„ chromicum purum	1639,0	306,0
„ citricum	55,0	114,0
„ hydrochloricum crudum.		6840,0
„ hydrochloricum chem. pur.		950,0
„ hydrochloricum purum	16570,0	15870,0
„ hydrochloricum purum dilutum		2184,0
„ lacticum	20,3	120,0
„ nitricum fumans	2400,0	1269,0
„ nitricum purum (1,32)	4775,0	70340,0
„ oleinicum		100,0
„ osmicum	0,75	0,5
„ oxalicum	6,0	
„ phosphoricum purum	850,0	3050,0
„ pyrogallicum		14,0
„ salicylicum	83,0	267,5
„ silicicum		15,0
„ sulfanilicum		1,5
„ sulfuricum crudum	21420,0	9110,0
„ sulfuricum purum	6235,0	14805,0
„ tannicum	49,0	1422,5
„ tartaricum	45,0	1664,0
„ taurocholicum		5,0
„ trichloraceticum		90,0
„ phosphowolframicum		1150,0
„ picronitricum		25,0
„ uricum.		12,0
Adeps suillus	960,0	465,0
Aether aceticus	5,0	60,0
„ phosphoratus		4,0
„ sulfuricus	28180,0	17936,0
Agaricinum	0,35	0,18
Alcohol absolutus	36840,0	36640,0
Aloë Capensis	138,5	24,0
Alumina acetica soluta	400,0	5550,0
Alumen crudum	1155,0	885,0
„ ustum	5,0	
Ammonium bromatum	546,0	83,0

	1891—92.	1892—93.
Ammonium carbonicum	350,0	150,0
„ chloratum pulveratum	783,0	3595,0
„ jodatum		5,0
„ liquidum	2200,0	8778,0
„ oxalicum		65,0
„ rhodanatum		158,0
„ sulfoichthyolicum.	146,0	42,4
„ sulfuricum neutrale	2920,0	3278,0
Amygdalae dulces		144,0
Amylenhydratum	11,0	
Amylum Triticum	1595,0	5598,0
„ Oryzae		300,0
Anidinum purum		50,0
Antifebrinum	815,9	359,0
Antipyrinum	1319,0	818,0
Apomorphinum	0,45	18,27
Aqua Amygdalarum, amararum	11028,0	7285,0
„ Chamomillae 8 plex		40,0
„ Chlori		140,0
„ destillata.	360400,0	906255,0
„ Naphae		1052,0
„ Menthae piperitae		7160,0
„ Rosarum		2582,0
Argentum nitricum	237,86	258,48
Asa foetida	20,0	53,0
Atropinum sulfuricum	32,5	0,53
Aurum chloratum		3,0
Baccae Rubi Idaei		30,0
Balsamum Canadense	90,0	70,0
„ Copaivae	40,0	215,0
„ Peruvianum	1054,0	286,0
Barytha chlorata	416,0	698,0
„ hydrica	700,0	3511,0
„ nitrica		100,0
Benzinum	5220,0	1760,0
Benzolum	1470,0	300,0
Benzosolum		176,0
Bismuth. salicylicum	158,4	360,7

	1891—92.	1892—93.
Bismuth. subnitricum	1922,0	629,8
Bromoformium		18,6
Bromum	13,0	250,0
„ solidificatum		700,0
Buthyrum Cacao	89,0	1472,0
Calcaria carbonica	265,0	411,0
„ caustica		9080,0
„ hypochlorosa	8460,0	8973,0
„ phosphorica	10,0	15,0
„ sulfurica usta	1000,0	2100,0
Calcium chloratum	1535,0	65,0
Camphora	77,5	1915,5
„ bromata	1,0	22,2
Cantharidinum		0,06
Capsulae cum balsamo Copaivae à 2,0	12 шт.	100 шт.
„ „ Kreosoto Sommerbrodi .		356 шт.
„ „ oleo Ricini по 4,0 . .	91 шт.	201 шт.
„ „ oleo Santali по 0,3 . .		2806 шт.
„ „ oleo Terebinthinae по 0,3		20 шт.
„ „ Pyoctanino по 0,12 . .		20 шт.
„ operculatae	60 шт.	732 шт.
Carbo animalis	30,0	
„ ligni		155,0
Carboneum sulfuratum		30,0
Celloidinum	2 куска	3 1/2 куска
Cera alba	26,0	34,0
„ flava	9,0	54,0
Cetaceum	9,0	18,0
Charta sinapina	82 л.	126 л.
Chininum bromatum		15,0
„ muriaticum	5,0	146,6
„ sulfuricum	338,5	135,12
Chloralum hydratum	733,0	153,0
Chloroformium	9125,0	5769,0
Chrysarobinum	25,0	20,0
Cocainum muriaticum	23,6	109,08
Codeinum muriaticum	1,0	1,48
„ phosphoricum	3,0	3,76

	1891—92.	1892—93.
Codeinum purum	4,0	21,93
Coeruleamentum		720,0
Coffea tosta		40,0
Coffeinum citricum		74,0
„ natro-benzoicum	70,0	20,0
„ natro-salicylicum	70,0	49,0
„ purum	2,8	77,76
Cognac	3300,0	7770,0 + 1 бут.
Collodium	1215,0	555,0
Colophonium	30,0	
Cortex Cinnamomi	60,0	
„ Condurango	471,0	
„ Frangulae	40,0	40,0
„ Granatorum		160,0
„ Quercus		20,0
„ Quillajae		13,0
Cremortartari		360,0
Creolinum	50,0	
Cubebae pulveratae	8,0	
Cuprum sulfuricum	115,0	4435,0
„ „ tornatum съ ручкой		1 шт.
Curare	2,3	0,1
Decoctum Salep		1350,0
„ Zittmanni	8640,0	2000,0
Dermatolum		3,0
Diuretinum	290,0	100,72
Elixir pectoralis	2930,0	1608,0
„ Paregorici	15,0	10,0
Emplastrum adhaesivum extens	4 арш.	13 арш.
„ anglicanum	1 листъ	1 листъ
„ Cantharidum extensum		1158 с.т. □
„ Meliloti	30,0	
„ mercuriale		20,0
„ „ extensum	2 ³ / ₄ арш.	1 ¹ / ₂ арш.
„ Plumbi simpl	30,0	40,0
„ saponatum		30,0
„ „ extensum		600 □ с.т.

	1891—92.	1892—93.
Eserinum salicylic	0,5	
„ sulfuric		0,1
Exalginum	5,5	9,7
Extractum Aloës	33,0	2,0
„ Belladonnae	10,93	62,5
„ Cascarae sagradae fl.		500,0
„ Colocynthis	2,4	1,5
„ Condurango fl.	2,0	2597,0
„ Filicis maris aethereum	93,0	201,3
„ Gentianae	59,0	
„ Glycerrhizae	730,0	326,0
„ Hamamelis Virgin.		55,0
„ Nucum vomicarum	0,4	2,73
„ Opii aquosum	3,7	13,9
„ Rhei aquosum	40,0	8,0
„ „ compositum	1,4	9,0
„ Secalis cornuti	8,0	14,0
„ Syzygii Jambolani		136,0
„ Taraxaci		20,0
„ Trifolii fibrini		4,0
„ Uvae ursi		5,0
„ Valerianae	2,0	34,0
Farina Amygdalarum		2520,0
Fel Tauri spissatum		140,0
Ferrokaliameyanatum	493,0	690,0
Ferrum carbonicum saccharatum	10,0	15,0
„ dialysatum solutum		140,0
„ jodatum saccharatum	20,0	
„ lacticum	20,0	8,0
„ limatum	12,0	15,0
„ oxydatum saccharatum	60,0	
„ Hydrogenio reductum	323,0	32,0
„ sesquichloratum	312,0	100,0
„ „ solutum	625,0	590,0
„ sulfuricum crudum		3600,0
„ „ purum siccum	1022,0	182,0
„ „ oxydatum liquidum		634,0
Flores Chamomillae	1490,0	295,0

	1891—92.	1892—93.
Flores Pyrethri pulverati	1800,0	4000,0
„ Sambuci		210,0
„ Tiliae	60,0	1840,0
Folia Digitalis	45,0	56,65
„ Menthae piperitae	130,0	
„ Salviae	100,0	80,0
„ Sennae Alexandrinae	270,0	40,0
„ Uvae ursi	630,0	854,0
Glycerinum album	1475,0	6174,0
Gossypium hygroscopicum	18790,0	25750,0
Guajacolum	114,5	646,0
„ carbonicum		206,0
Gummi arabicum	412,0	616,2
Haemogallolum	2,0	881,40
Haemolum „Kobert“	5,0	10,6
Herba Adonidis vernalis		16,0
„ Ephedrae vulgaris		3490,0
Hirudines		18 int.
Hydrargyrum amidato-bichloratum	37,5	7,0
„ bichloratum corrosivum	460,0	492,6
„ chloratum laevigatum	49,4	72,15
„ „ vapore paratum	10,0	36,0
„ jodatum rubrum	2,0	18,0
„ nitricum oxydulatum		15,0
„ oxydatum flavum	113,6	1,7
„ „ rubrum		1,8
„ salicylicum	13,0	15,0
„ sulfuricum	875,0	410,0
„ tannicum	30,0	
„ vivum	250,0	230,0
Hyoscinum bromatum	0,07	
„ muriaticum	0,01	0,2
Infusum Sennae salinum	12580,0	3090,0
Jodoformium crystallisatum	335,0	227,0
Jodolum purum	550,0	30,0
Jodum purum	32,3	26,7
Kali causticum purum	1161,0	1966,0
Kalium aceticum purum	2560,0	634,0

	1891—92.	1892—93.
Kalium bichromicum crystallisatum	4155,0	3527,0
„ bromatum	1521,0	1156,0
„ carbonicum	127,0	87,0
„ chloricum crystallisatum	3425,0	5583,7
„ ferricyanatam		23,0
„ hypermanganicum	173,0	144,0
„ jodatum	5568,0	3597,0
„ oxalicum neutrale	2000,0	1000,0
„ sulfuratum	40,0	
„ sulfuricum		1030,0
Kamala	2,0	
Kreosotum	689,0	999,1
Lanolinum purum	405,0	373,0
Linimentum saponato-camphoratum	64035,0	31960,0
„ volatile	10760,0	10665,0
Liquor Ferri dialysati „Dragendorff“	30,0	485,0
„ Ammonii acetici	32,0	30,0
„ „ anisatus	1345,0	1713,0
„ Plumbi acetici bas.	770,0	956,25
Lithium bromatum		66,0
„ carbonicum	10,0	15,0
„ salicylicum		7,2
„ sulfuricum		15,0
Lupulinum		5,6
Magnesia carbonica	20,0	45,0
„ sulfurica	90,0	220,0
„ usta	1420,0	1516,0
Magnesium metallicum		180,0
Manganum hyperoxydatum		3620,0
Medulla ossium		200,0
Mel depuratum	70,0	90,0
„ „ rosatum		88,0
Mentholum Japonicum	22,5	49,2
Morphium aceticum		0,36
„ muriaticum	181,4	86,76
Moschus		2,5
Mouches de Milan		№ 3
Natrium aceticum	110,0	390,0

	1891—92.	1892—93.
Natrium benzoicum		2,0
” biboricum	194,0	875,0
” bicarbonicum	1831,5	12166,0
” bromatum	328,0	506,0
” carbonicum crudum	150,0	2160,0
” ” purum	405,0	2037,0
” causticum	770,0	6265,0
” chloratum crystallisat (Минераль)		10700,0
” chloratum depuratum	730,0	513,0
” ” purissimum	1450,0	1122,0
” glyceroboratum	5,0	1,2
” hyposulfurosum	6900,0	2435,0
” jodatum		337,0
” nitroprussicum	3,0	
” nitrosum		100,0
” phosphoricum	45,0	110,0
” salicylicum	3988,0	2721,2
” santonicum	67,0	30,0
” sozodolicum		59,0
” sulfoichthyolicum	146,0	2,0
” sulfuricum purum	435,0	386,0
” sulfurosum	1390,0	5,0
” wolframicum		2100,0
Natro-kalium tartaricum		112,0
Naphtalinum purum	50,0	747,18
Naphtolum α	0,5	
” β	5,0	400,5
Nigramentum	5120,0	1800,0
Oleum Amygdalarum dulcium	325,0	1052,0
” Aurantiorum corticum		40,0
” ” florum		15,9
” Bergamottae		81,05
” Belladonnae		740,0
” Cadinum	15,0	160,0
” Betulae	465,0	3650,0
” Cajeputi	300,0	1,0
” camphoratum	130,0	160,0

	1891—92.	1892—93.
Oleum Caryophyllorum		2,0
" Citri	10,0	80,0
" de Cedro	30,0	20,3
" Feniculi	1,5	1,5
" Hyoscyami	8,0	321,0
" Jecoris aselli	5880,0	11655,0
" Juniperi ligni		125,0
" Lini	1040,0	255,0
" Menthae piperitae	11,0	2318,8
" Olivarum Provinciale	9135,0	9768,0
" " viride	2515,0	50,0
" Origani vulgaris	90,0	
" pedum Tauri		150,0
" Ricini	5585,0	8753,0
" Rosarum		8,15
" Rosmarini		4,0
" Santali ligni		1224,0
" Terebinthinae Gallicum	2884,0	23534,0
" " Rossicum	1460,0	13270,0
Opium pulveratum	13,7	10,61
Orexinum muriaticum	77,5	
Oxygenium		10 подулл.
Paraffinum liquidum	125,0	82,0
Paraldehydum	5,0	
Pasta arsenicosa		5,0
" Zinci salicylici	990,0	1075,0
Pastilli Santonini	179 шт.	36 шт.
Pepsinum	85,5	4,0
Peptonum „Witte“		58,0
Phenacetinum „Bayer“	515,0	433,0
Phenolphthaleinum		30,3
Phenylhydracinum	10,0	
Phloroglucinum	9,2	7,5
Phosphor		0,27
Picrotoxinum	5,0	
Pilocarpinum muriaticum	0,3	0,66
Plumbum aceticum purum	1147,0	1957,25
Podophyllum	0,25	3,5

	1891—92.	1892—93.
Pulvis aerophorus		№ 8
„ dentifricius camphoratus	265,0	770,0
„ „ „Kobert“	1500,0	3625,0
„ Doveri	52,0	470,5
„ gummosus	10,0	
„ Liquiritiae compositus	850,0	5200,0
„ Magnesia cum Rheo	115,0	245,0
Pyoctaninum coeruleum	3,0	96,2
Radix Althaeae	90,0	3086,0
„ Ipecacuanhae	236,0	73,8
„ Jalappae pulverata	4,5	
„ Liquiritiae pulverata	45,0	5,0
„ Rhei pulverata	75,0	60,0
„ Sarsaparillae	864,0	200,0
„ Senegae	92,0	30,0
Resorcinum	168,0	
Rhizoma Filicis maris pulv.	90,0	160,0
„ Iridis Florentina		1760,0
„ Valerianae	90,0	116,0
Rubramentum	15,0	300,0
Saccharum album	1847,0	2616,0
„ lactis	398,0	138,0
Sal Botkini		50,0
„ Carolinense factum	12660,0	8030,0
„ marinum		22640,0
„ Kreuznachense		3600,0
Salipyrinum	389,0	32,0
Salolum	1150,0	779,3
Santoninum	2,0	6,34
Sapo domesticus		4 Ko.
„ Ichthyoli		360,0
„ Jalappinus	9,0	4,0
„ medicatus	36,5	14,5
„ Picis		360,0
„ viridis	10140,0	34297,0
Secale cornutum		119,0
Semen Anisi		120,0
Syrupus Aurantiorum corticum	720,0	980,0

	1891—92.	1892—93.
Syrupus Althaeae	545,0	405,0
" Citri	8210,0	2955,0
" emulsivus	50,0	
" Ferri iodati	1080,0	1730,0
" gummosus	1910,0	45,0
" Jaborandi		60,0
" Ipecacuanhae		535,0
" Liquiritiae	22,0	20,0
" Oxycocci	4870,0	7845,0
" Rubi Idaei	2820,0	13940,0
" Scillae	45,0	90,0
" Senegae	25,0	60,0
" simplex	33625,0	3666,0
Solutio arsenicalis Fowleri		135,0
Somnalum		20,0
Species pectoralis		210,0
" St. Germain	190,0	780,0
Spiritus aethereus	651,0	604,0
" camphoratus	5685,0	8775,0
" Formicarum		1230,0
" saponatus	5380,0	2420,0
" " Hebrae	560,0	1490,0
" Sinapis	1225,0	2125,0
" Vini 38 %		14890,0
" " 70 %	4175,0	29376,0
" " 90 %	63963,0	40755,0
" " 96 %	53060,0	56360,0
Strichninum nitricum	0,54	0,211
Styrax liquidus	1440,0	110,0
Succus Liquiritiae	3,0	295,0
" Oxycocci	8200,0	2910,0
Sulfonalum	156,0	64,0
Sulfur aurat. antimon.	0,6	2,24
" sublimatum	23,0	5250,0
" praecipitatum		25,0
Talcum	40,0	885,0
Terpinum hydratum		3,0
Terra Tripolitana		2800,0

	1891—92.	1892—93.
Thallinum sulfuricum		20,5
Thymolum		38,15
Tinctura Aloes		15,0
„ amara	4745,0	2685,0
„ Anisi		60,0
„ Arnicae	30,0	105,0
„ aromatica	1120,0	390,0
„ Asa foetidae	90,0	718,0
„ Aurantior corticum		4,0
„ Belladonnae		140,0
„ Benzoes	3,0	15,0
„ Castorei	15,0	34,0
„ Chinae compositae	14495,0	4885,0
„ Convallariae majalis	1196,0	1113,0
„ Coto		1075,0
„ Digitalis		68,0
„ Eucalypti		400,0
„ Ferri muriatici aetherea	600,0	75,0
„ „ pomata	1390,0	660,0
„ Gallarum	117,0	605,0
„ Gentianae	230,0	300,0
„ Guajaci	300,0	115,0
„ Jodi	952,0	3151,0
„ Laccae musicae		50,0
„ Menthae piperitae		93,0
„ Moschi	3,0	16,0
„ Myrrhae	125,0	15,0
„ Opii crocata	30,0	11,0
„ „ simplex	2536,0	2614,0
„ Pimpinellae		30,0
„ Quassiae	955,0	250,0
„ Ratanhiae	69,0	
„ Rhei aquosa		45,0
„ „ vinosa	175,0	15,0
„ Sabadillae		90,0
„ Stramonii	570,0	1398,0
„ Strophanti Rombé	205,0	96,0
„ Strychni	104,0	368,0

	1891—92.	1892—93.
Tinctura Valerianae aetherea	120,0	1410,0
” ” simplex	7590,0	1826,0
Tubera Jalappae	3,0	
” Salep	100,0	
Tuberculinum Kochi	6,8	
Unguentum Belladonnae		38,0
” Camphoratum		510,0
” Diachylon	26635,0	2770,0
” Hydrargyri	258,0	943,0
” ” praecip. albi	405,0	185,0
” Kalii jodati	100,0	635,0
” Lanolini	1582,0	1685,0
” leniens	194,0	322,0
” Plumbi tannici	1050,0	150,0
” simplex		310,0
” Wilkinsoni	1690,0	4930,0
” Zinci	295,0	1185,0
Vanilla		1,3
Vanillinum	6,5	9,0
Vaselinum	8797,0	11172,0
Vinum Ipecacuanhae	105,0	963,0
” Lusitanicum factum	126890,0	141545,0
” stibiatum	15,0	70,0
Vitella ovorum		№ 11
Xylolum	290,0	
Zincum aceticum	8,9	
” lacticum		61,02
” muriaticum	2,4	
” oxydatum	1191,0	477,8
” sulfo-carbolicum	2,0	14,25
” sulfuricum	201,0	184,0
” valerianicum		2,5
Zinkhaemol		14,4
Минеральные воды.		
Вильдунгенская		45 бут.
Виши		70 бут.
Карлсбадская		175 бут.

	1891—92.	1892—93.
Контрексевиль		15 бут.
Сельтерская	25 б.	280 бут.
Эмская „Kesselbrunn“		30 бут.
„ „Kranchen“		80 бут.
Яносъ		10 бут.
Пирофосфорнокислая желѣзная		90 бут.
Мышьяковистая желѣзная		40 бут.
Аптекарскія принадлежности.		
Кисточки	6 ш.	58 шт.
Ручки для ляписа		2 шт.
Зубныя щетки	5 ш.	19 шт.
Пишетки		7 шт.
Пробки резиновыя		2 фунта
Клеенка		1 метръ
Термометръ		1
Вульфовы стклянки		4 шт.
Спринцовка для триппера		1 шт.
Суспензоріи		4 шт.
Роговой шпатель		1
Иодоформенная марля		1 аршинъ
Indigo		30,0
Чернила для мѣтки	1220,0	
Лакъ для этикетовъ	1610,0	
Фуксинъ	12,0	37,0
Haematoxylinum	8,0	
Облатки	80 шт.	230 шт.
Пиоктанинъ желтый		9,44
Tropaeolinum	30,3	33,0
Бумага восковая	6 листовъ	
„ пергаментная	1 метръ	
„ реактивная красная	1 листъ	35 лист.
„ „ синяя		36 лист.
„ „ Конго	3 листа	5 лист.
„ цѣдильная	247 лист.	560 лист.
Анилиновая красная	13,0	2,0
Аураминъ	15,0	

	1891—92.	1892—93.
Метилловая синяя	3,0	78,7
” ” въ капсул. по 0,06		70 шт.
” ” ” ” ” 0,12		80 шт.
” ” водяная	10,5	2,0
” фиолетовая	207,0	53,88
Нигрозинъ	15,0	
Эозинъ	15,0	0,5

(Окончаніе слѣдуетъ.)

РЕФЕРАТЫ СТАТЕЙ

НАПИСАННЫХЪ ПОДЪ МОИМЪ РУКОВОДСТВОМЪ И НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ ГАЗЕТѢ
„МЕДИЦИНА“.

(Продолженіе.)

Къ распознаванію аневризмъ грудной аорты. И. М. Бичунскаго.

Въ виду трудности своевременнаго констатированія расширенія грудной аорты, особенно нисходящей ея части, вслѣдствіе полнаго отсутствія объективныхъ симптомовъ, — какъ пульсація опухоли, явленія двойнаго толчка, систолическіе и діастолическіе шумы на аортѣ, притупленіе при перкуссіи, — когда аневризма находится въ глубинѣ груднаго ящика и прикрыта легкими, — авторъ считаетъ необходимымъ считаться съ субъективными ощущеніями, каковы бываютъ боли въ груди и спинѣ, и явленія со стороны дыхательныхъ органовъ; послѣдніе симптомы болѣе постоянные и самые ранніе при названномъ заболѣваніи. — Многіе авторы, какъ Quincke, Да-Коста, М. Peter, Jaccoud и др., не придаютъ разстройству дыхательнаго аппарата подобающаго важнаго діагностическаго значенія при заболѣваніи аневризмой, междутѣмъ при внимательномъ разсмотрѣніи выраженности и упорства послѣднихъ симптомовъ можно убѣдиться въ противоположномъ. Въ доказательство же справедливости послѣдняго мнѣнія авторъ приводитъ случай, наблюдавшійся въ вѣтренной мнѣ клиникѣ.

1-го Дек. 1892 г. въ Юрьевскую медицинскую клинику поступилъ пациентъ, І. Е., 30 л. съ жалобами: на сильную одышку, кашель со свистами и боль въ груди, сердцебіеніе, головныя боли, отеки во всемъ тѣлѣ и общую слабость. Заболѣлъ пациентъ съ Іюня м., двѣ-же недѣли тому назадъ

кашель и одышка столь значительно усилились, что заставило больного обратиться за помощью въ клинику. —

Данныя, полученныя путемъ разспроса дали слѣдующее : больной живетъ въ сырой, болотистой мѣстности; одежда и питаніе неудовлетворительны. Ясныя диспептическія явленія со стороны желудка; учащенное мочеиспусканіе. Одышка, усиливающаяся при лежаніи на спинѣ, упорный кашель съ постояннымъ свистомъ въ груди при умѣренномъ выдѣленіи мокроты; сердцебиеніе, похуданіе, блѣдность и общая слабость; безпокойный сонъ вслѣдствіе кашля и одышки, головокруженіе при нагибаніи; боль въ поясницѣ; отеки во всемъ тѣлѣ и легкій зудъ. Изъ объективнаго изслѣдованія можно было констатировать припуханіе шейныхъ и ингвинальныхъ железъ; языкъ обложенъ; зубы каріозны. На всей передней и задней поверхности легкихъ свистящія и жужжащія хрипы; дыханіе ослабленное, мѣстами жесткое; въ боковыхъ частяхъ слышны среднепузырчатые хрипы; сердечный толчокъ смѣщенъ на 1 ст. кнаружи отъ маммилярной линіи, второй тонъ на аортѣ акцентуированъ; пульсъ малъ; небольшая пульсация въ *jugulum sterni*. Болѣзненность въ области праваго *hypo-chondrium'a* и въ области обѣихъ почекъ. Печень прощупывается, слегка подвижна и плотновата. Отеки ногъ. — Въ мочѣ бѣлокъ, гіалиновые и зернистые цилиндры. — На основаніи этихъ данныхъ у больного былъ поставленъ діагнозъ : **д и ф ф у з н ы й , х р о н и ч е с к і й н е ф р и т ъ .**

Но уже при приѣмѣ больного мною было обращено вниманіе на чрезвычайно сильную одышку, совершенно несоотвѣтствующую тому состоянію легкихъ и сердца, которое найдено при объективномъ изслѣдованіи. Принимая-же во вниманіе рѣзко выраженные свистящія хрипы, заставило меня подозрѣвать, нѣтъ-ли у больного расширенія грудной аорты. — Послѣднее предположеніе имѣло за себя — измѣненія со стороны сердца въ видѣ небольшого увеличенія лѣваго желудочка, акцентуация втораго аортальнаго тона на ряду съ низкой пульсовой волной, — засимъ незначи-

тельная пульсація въ *jugulum sterni*, равно и субъективныя жалобы. — Сдѣланныя-же наблюденія надъ азотистымъ обменомъ веществъ у даннаго пациента вполнѣ исключили уремическое происхожденіе указанныхъ легочныхъ симптомовъ. Въ виду всего этого и было больному назначено: абсолютное молочное леченіе и іодистый калий, послѣ каковаго режима болѣзненные симптомы почти исчезли, за исключеніемъ одышки и сухихъ шумовъ, упорнодержавшихся безъ перемѣны. —

Химическое изслѣдованіе мочи дало 3,5—4,5 % бѣлка. Въ крови оказалось Hb—54 %, красныхъ кровяныхъ тѣлецъ 4.200.000 и бѣлыхъ 9780, — вслѣдствіе чего больному назначенъ былъ *Haemogallol Kobert'a*. —

Состояніе больнаго, такимъ образомъ, колебалось безъ особенно рѣзкихъ измѣненій до 19 IV. 93 г., когда силы пациента стали съ каждымъ днемъ падать. 24. IV. 93 г. замѣтныя выпаденія въ пульсѣ и анурия, а 26. IV. послѣдоваль *exitus letalis*. Вскрытіе было произведено проф. *Thoma* и анатомическій діагнозъ былъ: *Nephritis parenchymatosa et amyloidea*. Амилоидъ селезенки и печени. Гипертрофія лѣваго желудочка сердца и паренхиматозная его дегенерация. Отекъ легкихъ. Веретенообразное расширеніе грудной аорты. —

Сравнивая прижизненныя явленія съ данными анатомическаго вскрытія, мною было обращено вниманіе на жировое перерожденіе паренхимы печени и почекъ, напоминавшее картину начальнаго стадія фосфорнаго отравленія, приводимую въ связь съ употребленіемъ *Haemogallol'a*, — почему и выясненіе вопроса о дѣйствіи пирогаллола на паренхиматозные органы было-бы весьма желательнымъ; очень возможно, что болѣзненное состояніе почекъ будетъ служить противопоказаніемъ къ назначенію *Haemogallol'a*, продукта редуцированія Hb посредствомъ пирогаллола. Засимъ весьма важно прижизненное распознаваніе аневризмъ грудной аорты на основаніи субъективныхъ жалобъ и только нѣкоторыхъ косвенныхъ симптомовъ.

**Пониженіе температуры, какъ клинической симптомъ
распада опухолей. И. И. Енеса.**

Очень часто замѣчается, что вслѣдствіе всасыванія продуктовъ распада различныхъ опухолей можетъ произойти при извѣстныхъ условіяхъ сильное пониженіе температуры тѣла, что приводится въ связь съ отравленіями организма продуктами интоксикаціи вслѣдствіе распада вещества самихъ опухолей и всасыванія ихъ въ кровь. Въ виду важности отличительнаго свойства пониженія t^0 при пораженіи внутреннихъ органовъ злокачественными опухолями въ періодъ ихъ распада и не разъясненности этого вопроса, авторъ приводитъ случай, наблюдавшійся имъ въ медицинской клиникѣ.

15 марта 1893 г. въ Юрьевскую медицинскую клинику поступилъ крестьянинъ, М. К., 40 л. съ жалобами на вздутіе живота и сильныя боли въ области желудка, спустя часъ послѣ принятія пищи. Боли эти распространялись въ грудь, плечи и спину. Кромѣ того пациентъ жаловался на общую слабость, сильное исхуданіе, головныя боли, одышку и почти полную потерю аппетита. Болѣзнь началась въ Октябрѣ прошлаго года. —

Изъ данныхъ, полученныхъ путемъ разспроса и объективнаго изслѣдованія, видно, что пациентъ небольшого роста, слабо тѣлосложенія, съ слабо-развитой мускулатурой и жировой клѣтчаткой и съ блѣдной, вялой кожей. Жалобы на тошноту, слюнотеченіе, изжогу, сильныя боли въ области желудка вскорѣ послѣ ѣды. — Языкъ обложенъ, слизистая оболочка рта суха и повышенная жажда. Животъ вздутъ, урчаніе, боли подъ ложечкой и въ подреберьяхъ. Желудокъ расширенъ. Умѣренные запоры, смѣняющіеся поносами. Со стороны легкихъ констатируется одышка, припадки кашля съ небольшимъ выдѣленіемъ мокроты. Лѣвая сторона грудной клѣтки расширена и дышетъ менѣе энергично, чѣмъ правая. Въ нижнихъ частяхъ легкихъ абсолютное притупленіе; жизненная емкость легкихъ 1700 ссм. Сердце смѣщено направо, пульсъ правильный, но слабый

и мягкой. Незначительный артериосклерозъ периферическихъ сосудовъ. Лѣвый крипторхизмъ и паховая грыжа на лѣвой сторонѣ. Моча мутная, суточное количество 1000—1600 см. съ удѣльнымъ вѣсомъ въ 1017. Химическое изслѣдование желудочнаго сока соляной кислоты не дало, но много молочной; подъ микроскопомъ видны бродильные грибки и бѣлые кровяные шарики. Количество бѣлка 6,75 pro mille. Отъ 16/III до 19/III t^0 колебалась между 37,0 и 36,4 0 . 20/III сдѣланъ пробный проколъ на лѣвой сторонѣ груди, при чемъ былъ полученъ серозно-фибринозный экссудатъ. 21 III пункціей выпущено до 1500 см. желтоватой прозрачной жидкости. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ былъ поставленъ діагнозъ: nephritis, pleuritis и gastroenteritis.

28/III бѣлку было 7,75 pro mille; t^0 -же все время держалась на уровнѣ 36 0 —35,7 0 до 11/IV, когда послѣдовалъ exitus letalis. Вскрытіе было произведено проф. Thoma съ анатомическимъ діагнозомъ: Pleuritis tuberculosa chron. Lymphadenitis tuberc. mediastinalis et lumbalis. Mediastinitis fibrosa. Pericarditis caseosa et fibrosa; obliteratio pericardii, atrophia cordis. Pleuritis sero fibrinosa sinistra recens. Catarrhus gastr. et intestin. atque atrophia intestinalis. Degeneratio circumscripta amyloidea lienis. Nephritis diffusa atque parenchymatosa atque amyloidea. Arteriosclerosis.

Обращая вниманіе на прижизненные симптомы на ряду съ измѣненіями, найденными при патолого-анатомическомъ вскрытіи, авторъ полагаетъ, что слѣдовало-бы, повидимому, скорѣе ожидать повышенія t^0 , но наблюденіями Богоявленскаго и Стольникова констатируется, что при комбинаціи острыхъ или воспалительныхъ процессовъ съ почечными страданіями лихорадка можетъ совершенно отсутствовать; въ данномъ-же случаѣ авторъ отмѣчаетъ субъ-нормальную t^0 , по крайней мѣрѣ, за послѣдніе 7 дней, и по моему это является слѣдствіемъ всасыванія патологическихъ, пока неизвѣстныхъ, продуктовъ распада опухолевыхъ массъ, поразившихъ внутренніе органы.

Другой причины субъ-нормальной t^0 трудно признать, такъ — какъ остальные процессы у даннаго больнаго могли лишь вызвать повышеиіе температуры.

Къ вопросу о количественномъ опредѣленіи мочевоі кислоты. Магистра Э. Ю. Ванъ-деръ-Беллена.

Обладаніе точнымъ методомъ для сужденія о выдѣленіи мочевоі кислоты изъ организма при разнообразныхъ условіяхъ весьма важно, почему мною и было предложено провѣрить и, по возможности, разработать вопросъ объ опредѣленіи мочевоі кислоты помощью мѣдныхъ солей. Обращаясь къ небогатой литературѣ по этому вопросу, авторъ останавливается на изслѣдованіяхъ Worm-Müller'a, Arthaud и Butte, которые нашли, что сѣрноватисто-кислая мѣдь количественно осаждаетъ мочевою кислоту. Этотъ методъ, улучшенный Dusing'омъ, былъ въ свое время испробованъ, но всегда получались слишкомъ большіе результаты, и увеличеніе доходило до $\frac{1}{3}$ всего объема. По мнѣнію Dusing'a мочевоі кислота должна находиться въ мочѣ въ сложномъ органическомъ соединеніи, на что мною неоднократно указывалось на клиническихъ лекціяхъ, — при чемъ соединеніе бываетъ, главнымъ образомъ, съ красящими веществами мочи. При кислотомъ броженіи это соединеніе распадается такъ, что изъ красящаго вещества образуется, частью, молочная кислота, а освободавшаяся мочевоі кислота выпадаетъ въ видѣ осадка. Эта-то тѣсная связь мочевоі кислоты съ красящими веществами мочи и служитъ причиной трудности ея выдѣленія изъ мочи даже такими кислотами, какъ соляная. — Въ виду неполноты и неточности упомянутаго метода Dusing'a, авторъ рѣшилъ испробовать соль окиси мѣди на способность осаждать мочевою кислоту.

Для этого былъ приготоуленъ нейтральный или слабо щелочной растворъ мочевоі кислоты (1 mg. на 1 к. с.) При прибавленіи къ нему разведеннаго раствора сѣрно-

кислой мѣди наступаетъ въ смѣси помутненіе, понемногу усиливающееся. При нагрѣваніи жидкости до t^0 кипѣнія образуются бѣлыя хлопья, и мочева я кислота, разъ взята мѣдь въ избыткѣ, количественно осаждаются. Для опредѣленія избытка сѣрно-кислой мѣди помощью титра, авторъ останавливается на методѣ de Наен'а, улучшенномъ М. Наврт'омъ изъ Varel'я. Къ раствору соли окиси мѣди прибавляютъ іодистый калий, при чемъ іодоват. мѣдь осаждаются, а половина іода освобождается и въ избыткѣ остается въ растворѣ. Изъ выдѣленія іода можно судить о количествѣ мѣди. Самымъ удобнымъ титромъ для опредѣленія іода авторъ считаетъ сѣрноватистокислый натръ. Анализируя, брали 20 к. с. мочево я кислоты, 10 к. с. раствора сѣрно-кислой мѣди. Нагрѣвая смѣсь до t^0 кипѣнія и засимъ охлаждая его, прибавляютъ 5 к. с. 10% раствора іод. кал. — Индикаторомъ титра берутъ 1 к. с. раствора крахмала съ іодистымъ цинкомъ. 1 к. с. этого раствора соотвѣтствуетъ 1 к. с. сѣрно-кислой мѣди. Теоретически счисленіе сведено къ тому, что 1 к. с. раствора сѣрно-кислой мѣди = 0,00336 гр. мочево я кислоты. Но при всѣхъ опытахъ опредѣлялась только $\frac{1}{2}$ всего количества мочево я кислоты, отсюда авторъ заключаетъ, что 1 к. с. $\frac{1}{50}$ норм. раствора мѣди = 0,00672 гр. моч. кислоты.

Гваяколь и креозотъ, какъ жаропонижающія средства. О. М. Майбаума.

Авторъ, основываясь на наблюденіяхъ д-ра Sciolla, сталъ съ Авг. мѣс. примѣнять guajacol, какъ жаропонижающее средство и не только подкожно, но и въ видѣ ингалляцій и черезъ прямую кишку. Параллельно съ guajacol'омъ употреблялся kreosot и нѣкоторыя эфирныя масла. Приводя цѣлый рядъ наблюденій съ положительными результатами, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ названныхъ средствахъ мы имѣемъ весьма важный и дѣйствительный агентъ для борьбы съ высокими температурами.

Предметомъ наблюденій служили чахоточные больные, равно и пациенты съ другими острыми инфекціонными болѣзнями, при чемъ брали pro dos. 1,0—2,0 gr. Мѣсто смазываній безразлично, — эффектъ бывалъ одинъ и тотъ-же, — быстрое паденіе температуры. Въ большинствѣ наблюденій пониженіе слѣдовало въ продолженіи 2 1/2—3 ч. на 3—4°. У больныхъ выступаетъ послѣ примѣненія гуајасол'а или креозота сильный потъ, а иногда замѣчалась дрожь. Дыханіе и пульсъ замедляются. Самочувствіе больныхъ становилось лучше, при чемъ никогда не замѣчалось измѣненія дѣятельности сердца. Послѣ смазыванія соответствующая часть тепло прикрывалась, что имѣло вліяніе на интенсивность пониженія температуры, изъ чего авторъ заключаетъ, что названныя средства дѣйствуютъ не только черезъ дыхательные органы, но и черезъ нервную систему, и приписываетъ вліянію периферической нервной системы даже выдающуюся роль въ пониженіи температуры.

Точное объясненіе затронутаго вопроса и должное его освѣщеніе могутъ дать только дальнѣйшія изслѣдованія по этому пути.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Zwei Actenstücke

zur

Geschichte der russisch-schwedischen Beziehungen

i. d. Jahren 1592 und 1593.

Mitgetheilt

von

B. Cordt.

Das schwedischerseits während der russisch-schwedischen Friedensverhandlungen von 1592 und 1595 zusammengetragene Actenmaterial, welches unter dem Titel „Die Verhandlungen des Waffenstillstandes von Teusina, 1593“ ¹⁾ nach einer Handschrift der hiesigen Universitätsbibliothek von mir zum Abdruck gebracht ist, lässt sich in willkommener Weise durch zwei im königl. Reichsarchiv zu Stockholm vorhandene Documente ergänzen. Es finden sich nämlich daselbst zwei Schreiben der schwedischen Commissaire, von denen das eine (d. d. Narva 1592 Dec. 9) an den König Johann, das andere (d. d. Narva 1593 Jan. 24) an den Herzog Carl von Södermanland gerichtet ist. Der Liebenswürdigkeit des Herrn Dr. Per Sondén, Archivar im kgl. Reichsarchiv zu Stockholm, verdanke ich eine Copie dieser Briefe, welche hier zur Vervollständigung der oben erwähnten „Verhandlungen etc.“ mitgetheilt seien.

Die russisch-schwedischen Friedensverhandlungen des Jahres 1592 beginnen, wie bekannt, im August auf dem Platze des zerstörten Dorfes Teusina bei Iwangorod. Hier haben die russischen Gesandten ihr Standquartier bezogen, während die schwedischen Commissaire sich in dem benach-

1) In den Verhandlungen der gel. estn. Ges. zu Dorpat Bd. XVI. Heft 2. 1892.

barten Narva niedergelassen haben. Als Friedenscommissaire sind von schwedischer Seite, unter C. Flemings Oberleitung, erschienen: C. G. Stenbock, Göran Nilsson Boije, Arvid Ericsson Stålarms und Gerhard Dönhoff, indess als russische Gesandte M. G. Ssaltykow - Morosow und D. J. Tscheremissinow mit dem Djak Possnik Dmitrijew auftreten. Monatelang ziehen sich die Verhandlungen resultatlos hin, da russischerseits die Abtretung Estlands und Kareliens gefordert wird, die Vertreter Schwedens aber nicht nur auf diese Gebiete, sondern auch auf das bereits von Russland zurückgewonnene: auf Jama, Koporje und Iwangorod Anspruch erheben ¹⁾. Am 28. October wird auf Wunsch der russischen Gesandten mit Brief und Siegel ein Waffenstillstand bis zum 20. November geschlossen. Innerhalb dieser Zeit gehen Fleming und Stenbock nach Finland und kehren zu den Verhandlungen überhaupt nicht mehr zurück. In ihrer Abwesenheit haben dann nach Ablauf des Stillstandvertrages Boije, Stålarms und Dönhoff die Arbeiten mit den Bevollmächtigten Russlands wieder aufgenommen und zu Ende geführt. Zwar droht anfänglich das Zustandekommen der Verhandlungen überhaupt zu scheitern: angesichts des Umstandes, dass Fleming und Stenbock nach Narva nicht zurückgekehrt sind und zu den Conferenzen nicht erscheinen, weigern sich die russischen Gesandten die Verhandlungen zu erneuern. Die schwedischen Commissaire wiederum sehen darin, dass, in Widerspruch mit der den Gesandten nur eine Bedeckung von 200 Mann gewährenden Verabredung, grössere russische Truppentheile in der Nähe Iwangorods eintreffen, einen Grund

1) *Dalim* III: II: 207.

auch ihrerseits eine drohende Haltung anzunehmen. Boije und Dönhoff eilen dem entsprechend nach Wesenberg, um daselbst die schwedischen Truppen zusammenzuziehen. Erst nach ernstem Briefwechsel zwischen beiden Theilen kommt endlich am 8. December zu Teusina eine unterredung zwischen den beiderseitigen Friedenscommissairen zu Stande, welche aber bald mit grosser ungesteumigkeit abgebrochen wird, da Ssaltykow - Morosow und Tscheremissinow erklären, ohne Carelen abzustehende konten sie nicht handeln und muchte Gott dem sterckesten helfen ¹⁾. Seitens der Schweden ergeht darauf am nächsten Tage, dem 9. December, der Vorschlag, einen vierwöchigen Stillstand einzuhalten: diesz aber offenbaren wir euch entlich und zum letztsten, theilen sie, in Begründung ihrer Proposition, den russischen Gesandten mit, das wir den 25. novembris ahn unsren groszmechtigsten könig eine post mit unsren briefen abgefertigt umb eine entliche erklerung wegen Kexholms. Weiln aber wegen des weit abgelegenen wegcs und auch winterzeit wir vor 5 oder 4 wochen keine andtwordt von unsrem groszmechtigsten könige erlangen können, alsz begeren wir, damit keine gute hendele vordorben werden, das ihr so lang mit allen fyentlichen uberfall und eintrangk stille halten sollet ²⁾.

Der Waffenstillstand ist beobachtet worden, war aber wohl kaum aus dem von den schwedischen Commissairen hier angegebenen Grunde beantragt. In ihrem im Stockholmer Archiv befindlichen, vom 9. Dec. datirten Schreiben an König Johann, geschieht eines am 25. November hinsichtlich Kareliens an den König abgesandten Briefes nicht

1) *Verhandlungen des Waffenstillstandes zu Teusina, pag. 128.*

2) *Ibid. pag. 130.*

Erwähnung, sondern wird nur einer Relation vom 1. December über den beschwerlichen zustandt und . . . gefhär des feijndes gedacht. Es geht vielmehr aus den Mittheilungen der Commissaire an den König hervor, dass die den Russen gemachte Meldung von einer wegen Kareliens an den König gerichteten Anfrage und zu erwartenden Antwort, nur als unschedliches mittel gebraucht war, um die Russen aufzuhalten und Zeit zu gewinnen Narva zu versorgen und die Truppen zusammenzuziehen. Denn, schreiben die Commissaire weiter in ihrem Briefe an den König, sie hätten nie auch nur daran gedacht, dass ihre Instruction hinsichtlich Kareliens eine Aenderung erfahren könnte.

Dieses Schreiben der schwedischen Commissaire vom 9. Dec. 1592 ist, wie aus der Notiz auf der Adresse ersichtlich, erst am 29. Jan. 1593 in Stockholm eingetroffen, also nach dem Tode des Königs und nach Abschluss des zweijährigen Waffenstillstandes von Teusina. Noch vor Ablauf der verabredeten vier- resp. fünfwöchigen Frist, nämlich am 1. Januar 1593 werden, wohl auf Andrängen der russischen Gesandten, die Verhandlungen wieder aufgenommen, am 3. Januar fortgesetzt, worauf dann am 20. Jan. der zweijährige Waffenstillstand zu Stande kommt. Eine Abtretung von Territorien erfolgt von keiner Seite. Dafür sollen am 1. October 1593 schwedische und russische Commissaire wiederum in Teusina zusammentreten zu redende umb die heuser, um welche man in den soeben abgelaufenen Verhandlungen beredung gehapt und um am Abschluss eines „ewigen“ Friedens zu arbeiten.

In dem Schreiben an Carl von Södermanland, vom 24. Jan. 1593, geben Boije, Stålarms und Dönhoff dem

Herzog Nachricht über die näheren Umstände, unter denen der Stillstandsvertrag zu Stande gekommen; es ist das gewissermassen ein Commentar, ein Begleitwort zu dem Vertragsinstrument, dessen Copie dem Briefe beigelegt war. Die Commissaire halten es aber dabei vor Allem für angezeigt, sich wegen des gegen ihren Willen in den Vertrag aufgenommenen Wortes heuser zu entschuldigen. Nach ihrer Ansicht und Forderung hätte es hausz lauten müssen, da sie den Russen das Recht absprachen in der in Aussicht genommenen Friedenshandlung auf ein anderes „Haus“ als Karelien Anspruch zu erheben. Da auch sie sich aber gezwungen sahen, wie allezeit die schwedischen Gesandten, dem stilo ihrer russischen Collegen zu folgen, so griffen sie zu einem Auswege, indem sie erklärten das weiln das wordt heusere nicht aus der vorschreibung soll gelassen werden, das diesz sowol auf unserer als auf des Muszcowiters seiten sol verstanden werden und das wir umb die heuser, so der groszfurst besitzt, auch nichtes weiniger davon zu handeln und zu unsrem nutz und in unsere gewalt zu bringende, kunftigk darumb zu handeln macht haben wollen ¹⁾, d. h. sie beanspruchen ihrerseits das Recht, auf dem nächsten Congress zu Gunsten Schwedens auf die im Besitz des Zaren befindlichen Häuser Iwangorod, Jama und Koporje Praetensionen geltend zu machen. — Die weiter in diesem Briefe enthaltene Schilderung des schlimmen Zustandes der in Estland stehenden schwedischen Truppen verdient ebenfalls volles Interesse.

Wir geben nunmehr die beiden Documente in extenso wieder.

1) *Verhandlungen des Waffenstillstandes v. Tausina pag. 150, 151.*

I.

1592 December 9. Narva. Die schwedischen Friedenscommissaire G. Boije, A. Stålarb und G. Dönhoff an König Johann von Schweden: berichten über den Gang der Verhandlungen mit den russischen Gesandten, sowie über den Abschluss eines vier- bis fünfwöchigen Stillstandes.

Stockholm, Reichsarchiv. Livonica B. 96. Or.

Auf der Adresse die Notiz: Ankommit ifra Narfuen den 29. Januarj ähr 1593.

Durchlauchtigster grossmechtigster hochgeborner furst, allergenedigster könig und herr; negst unserer pflichteschuldigen, getreuwen, gehorsamben und underthenigster dienstertietunge zweifelen wir nicht, eur. kön. maytt: werden unser underthenigstes schreiben, zu Wesenberge den ersten decembris datiret, in genaden empfangen haben, darauss eur. kön. maytt: izigen beschwerlichen zustandt und die hinferner besorgliche und vormuthliche gefhär des feyndes genedigst vernommen haben, und sollen hiermit eur kön. maytt: underthenigst ferner nicht uneröffnet lassen, das wir den 8. itz laufenden monats midt den Muschowiterschen gesanten zusammengewesen umb einen stillestand zu handlende. Und wiewol, unserm besten vermügen und einfaldt nach, wir bequeme

mittel zum stillestande dem feynde vorgeschlagen, so hadt ehr doch kurzumb midt grosser ungesteumigkeidt alles aussgeschlagen, midt vormeldunge, das sie diesen entlichen bofelich hetten, soferne sie Kecksholm nicht erlangten, midt uns durchauss nicht einigen stillestandt zu machende. Und ist diess ihr lezster vorschlagk gewesen: soferne wir uns vorschreiben wolten, das sie auf den sommer Kexholm wiederhaben sollten, als wolten sie einen stillestandt machen. Weiln uns vormüge unserer eyde und pflicht nicht gepuret hadt ohne eur. kön. maytt: genedigsten bofelich uns im geringsten auf solche unleidliche conditiones mit ihnen einzulassende, seind wir also feyndlicher mit grosser ungesteumigkeit unfruchtbar von einanden gescheiden.

Nachdem aber, wie ¹⁾ hart mahnt das volck auss ihren burgcklageren aufgemahnet und sie zum eilenden anzuge erfördert, hadt man doch sie, wegen des vorgangnen herbestes erlittenen schadens und aussmattung, noch bis auf heutigen dag nicht aufbringen können. Und dan auch diese vestunge Narven ganz übel versorget, unahngesehen wir alle muegliche vorsorge in dieser eil gehabt.

Der feyndt aber ist midt seinem kriegsvolck ihn bo-reidtschaft und hat sein lager negst hierbey der vestunge, jedoch noch zur zeidt auf seinem lande.

Auss diesen ursachen haben wir der høgsten gefhar halber diess lezste mittel gesuchett, ahn den feyndt geschrieben, das wir ahn eur. kön. maytt: umb weiter bo-scheid und vollmacht wegen Kexholms underthenigst geschrieben und eine post abgefertiget. Und auf die erklerunge von eur. kön. maytt: haben wir ein ftünf oder

1) *Handschr.* wir

vier wochen auf beiden theilen stille zu haltende begeret, auf das alle dinge midt vorsorge müge dieser festunge und auch vorsamblunge unsers kriegsvolcks, so viell desto besser und gewisser, ahngeordnet werden konte.

Wir aber vor unsere persone habens niemalen in unseren syn oder gedancken genommen, das wir einige erklerunge von e. kön. maytt: wegen Kexholms anders wie nun erlangen sollten, allein das wir durch diess eur. kön. maytt: unschedliche mittel den feyndt zu unserm vorthail aufhalten muchten, underthenigst pittende, eur kön. maytt: diess auch nicht anders, als es von uns gemeinet, und zu allen königlichen genaden vormercken wollten. Was aber der feyndt hierein vorhengen oder zulassen wirdt, das seindt wir noch zur zeidt ungewisse. Hadt diess also enr. kön. maytt: underthenigst zu vormeldende uns gepüren sollen. Thuen hiermidt eur. kön. maytt:, unsere genedigste königin und dero leibeserben dem allerhögsten schutz Christi zu aller heilsamen und geluckseligen königlicher regirunge und leibesfristunge getreulichen allerunderthenigst entpfelen. Datum auf Narven den 9. decembris anno 1592.

Eur kön. maytt:

underthenige und gehorsambe diener und underthanen

Järenn

Arffedh

Gerhard

Båye

Erichsson

Dönnhoff.

II.

1593 Januar 24. Narva. G. Boije, A. Stålarin und G. Dönhoff an Herzog Carl von Södermanland: übersenden dem Herzog eine Copie des mit Russland am 20. Jan. abgeschlossenen zweijährigen Stillstandsvertrages nebst erläuterndem Bericht über ihre Thätigkeit bei den Verhandlungen, sowie Nachrichten über den Zustand der schwedischen Truppen in Estland.

Stockholm, Reichsarchiv, Livonica 96. Or.

Cf. Rydberg, Sverges traktater V, 75.

Durchlauchtigster hochgeborner fürst, genedigster herr.

Eur furstlichen durchlauchtigkeiten seindt unsere bereitwillige und ganz gefissne dienste in underthenigkeit zuvor ahn. Genedigster furst und herr, hiermit sollen e. f. durchl. wir unterthenigst nicht vorhalten, das wir nach langwiriger handlung und vieler gehapter muehe und arpeit, mit den Muschowiterschen gesandten einen stillestandt auf zwe jar den 20. january getroffen. Und auf was conditiones der handel gerichtet, das haben e. f. durchl. aus hierbey vorwarter warhafter copei der aufgerichten briefe, die dan beide, unser allswol des Muschowiters, gleichlautens sein, genedigst zu ersehende. Wir haben wol heftigk darauf gedrungen, das eine andere form und arth in sazunge der wörter im schreiben hetten sollen gesezet werden, sonderlichen wegen dessen das man auf ahnstehenden kunftigen termin umb die heussere reden und einen beschluss machen solte. Es hat aber bey den groben Muschowitern nicht anders sein können, wie sie dan allezeit unsere gesanten das gethän, alls das wir ihrem uns vor-

geschriebnen stilo folgen müssen, allein das wir mit schwerer disputation und wider ihren willen ezliche weinick wörte, zu vortretunge der königlichen und krön Schweden hoheit und reputation, darinnen vorendert haben. Weiln auch das wort heusser in der verschreibung stehet, haben wir ausdruchlichen mundtlichen im beschluss des handelss uns vorbehalten, das das worth heusser zu beiden parten vorteil gemeinet sein sollte, und wollen wir uns hiermit das jus und die zusprachen wegen der krön Sweden ahn die heussern und lande Iwannagroth, Jamme und Coporie mit nichten bogeben, besondern vorbehalten haben darumb wir so frey auf der zusammenkunft, gleich also sie umb Kexholm, zu redende. Darauf sie geantwortet: das muchten wir thuen. Wie boschwerlichen aber und mit wass gröser muehe dieser handel tractiret, das ist hierauss zu vornhemen, das nun fast fünf monat der handel gewheret, und wir in den zelten mit den Muschowiterschen gesanten dreizehen mhal zusammengewesen, die zelte sieben mhal nidergerissen und fiendtlichen gescheiten seindt. Es ist uns auch nicht weinige boschwerlichen gewessen, das wir gar keine nachrichtunge von den vorigen handelen und acten, wie es in den vorigen friedshandlungen mit dem Muschowiter ergangen, im geringsten nicht gehabt, wie dan auch wir gar keinen secretarium oder einigen canzelynvorwanten, derer mehr sich in dieser hochboschwerlichen handlungen wichtiger wechselbriefen und der aufgerichteten vorschreibungen hette geprauchen können, bey uns gehabt. Dan obwol von den königlich. maytt: , hochlöblicher, mild und seligster gedechtnusse, Johan Berendtsson ¹⁾ mit zu dieser

1) Ist wol identisch mit Johan Berendes (in den Quellen auch Berends, Berendz, Berndes, Berns, Bärnds geschrieben), dem Secretair des Königs Johann,

handlung verordnet gewesen, so hat ehr doch niemalse sich darbey finden lassen, die ursachen aber worumb ehre nicht gethän, wissen wir nicht, besondern stellen das zu seiner vorantwortung. Solte derwegen etwas vorsehen sein, als wir nicht hoffen, weiln wir nach unserm besten und getrewen fleisse, ohne rumb zu meldende, nach unserm geringen einfalt alles sorgkfeltigk, so viel wir verstanden, gehandelt, wie wir dan auch diessmhaln nicht bessere conditiones erhalten können, pitten wir underthenig e. f. d. solchens nicht unserm unfleiss und unachtsambkeit, besondern vielmher der gantz hochbeschwerliche ungelegenheit in genaden beyzumessende und sich unsere geringe person in allen furstlichen geneden bey sich entpfolen sein lassen wolten. Dan obwol wir den handel mit dem fiende gerne lenger disputiret und aufgehalten haben wollten, damit wir etwan leidlicher conditiones, als nun, hetten erlangen mugen, so ist es uns doch unmueglichen gewesen, wegen der grossen ahrmuth und ungelegenheit dieser festunge und der kriegsleute, das wir das kriegsfolck lenger beysamen aufenthalten können, dan sie nicht alleine mit gelde und kleidunge nicht vorsehen gewesen, besondern dasselbige gelt das sie noch haben, liege ganz danieder und kan nicht ein stuck bröts oder trunck biers davor gekauft werden. So ist auch diess jhär von der stadt Reval, inner und ausserhalb unserer grenzen, von keinem orte den kriegsleuten die allergeringste zufhuren geschehen, ja auch kein stuck brodes. Im gleichen seindt auch die kriegsleute bey haufen mit krankheit bofallen

welcher bei den schwedisch-russischen Stillstandsverträgen von 1583 und 1585 als Secretair thätig ist. Anrep ättartaflor I, XXXVI, 155. Handlingar rör. skand. hist. 310, 311, 314, 315, 339.

und viele, sonderlichen die knechte, jemmerlichen hingestorben, das zwar also die gröste nöth und ungelegenheit bey uns vorhanden gewesen, derwegen wir nottdrencklichen zum beschluss des handels schreiten und den endigen müssen.

So wirdt auch von nöten sein, das e. f. durchl. zeiten auf die mittele und wege in genaden gedenken, wie diese vorstehende zusammenkunft böstellen und ahngeordnet werden muge. Auf kunftigen frölingk, godthelfenden, wollen wir alle acta und schreiben dieser handlungen selbst in die cantzley einbringen und liefern.

Wie hoch auch, genediger furst und herr, die arme, der krön Sweden unterthanen, adel, burger und paurschaft des lieben friedens sich erfrewen, also viel desto mher seind sie zum allerhögsten bokummert und botreubet, das gleichwol die last des kriegs nicht abgeschaffen, sondern sie dennoch mit den kriegsleuten, Swedischen, Deutschen und Schotten, boschwerth werden müssen, und ist fast bey jedermhan, insonderheit bey der ahrmen paurschaft, eine heftige weheklage wegen ihrer grossen beschwerungen und das sie des getroffnen stillstandes sich zum wenigsten nicht zu getrösten haben mügen, sintemhalln sie der reutere beraubunge und tiranney nicht entlediget werden können und alle ihrer wolfart vorlustigck sein müssen. Und seindt zwär auch nhummer weinigck pauern bey den koniglichen emptren mher vorhanden, wirdt deswegen högst von nöten sein, das auf andere mittele gedacht und der ahrmen pauren unleidliche last, die sie dan nicht mher erdragen können, gelindert werden müge, soferne die heussere im lande erhalten und die krön Sweden dieses landes etwass zu geniessende haben soll. Dies wir

erheischender notturft halber e. f. d. alles zu genediger nachrichtunge underthenigst nicht vorhalten sollen. Thuen hiermidt e. f. d. dem hochsten schutz Christi zu aller gelucklichen fridesamber regirunge und langer furstlicher leibesfristung ganz getreulichen und uns derselben zu genaden underthenigst entpfelen.

Datum auf Narven den 24. january an. 1593.

E. f. d.

underthenige

Jörenn

Arffedh

Gerhardh

Båye

Erichsson

Dönnhoff

mp.

mp.

mp.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

проектъ отъ генерала-прокурора Ягужинскаго есть; того ради повелѣно оный для разсмотрѣнія взять въ В. Т. Совѣтъ; при томъ говорено о заказныхъ городахъ по доношеніямъ Вотчинной коллегіи“; наконецъ, Совѣтъ выслушалъ двѣ челобитныя о выдачѣ заслуженнаго жалованья (ib., LV, стр. 217 сл.). Такъ проходитъ цѣлое засѣданіе въ слушаніи текущихъ дѣлъ, разсужденіи объ нихъ, „крѣпленіи“ протоколовъ, содержащихъ въ себѣ указы Совѣта по дѣламъ разрѣшеннымъ въ предшествующія засѣданія, чтеніи челобитій; — одно засѣданіе, по ходу занятій, похоже на другое, мѣняются лишь предметы обсужденій сегодня или завтра, разсматривается то ббльшее, то меньшее число вопросовъ, выдвинутыхъ на разрѣшеніе Совѣта движеніемъ административнаго механизма. Такъ, напр., возьмемъ другой примѣръ. Въ журналѣ 15 Юня того-же года послѣдовательно, хотя и довольно безсистемно, записано, что члены Совѣта „имѣли разсужденіе“ о назначеніи бар. Гизена совѣтникомъ въ Военную коллегію, объявили Ѳ. Наумову о назначеніи его сенаторомъ, выслушали челобитье Фика „о пожалованіи ему къ прежнимъ мызамъ въ прибавокъ еще“, выслушали цѣлый рядъ другихъ докладовъ по внѣшнимъ и внутреннимъ ¹¹³⁾ дѣламъ и сдѣлали по нѣкоторымъ изъ нихъ по-

113) Приведемъ изъ этихъ послѣднихъ 12-ти докладовъ, для характеристики, только нѣкоторые: „докладовано по внутреннимъ дѣламъ, а именно . . . 3) по представленію свѣтлѣйшаго князя, послать въ Сенатъ указъ, чтобъ изъ акцизной каморы и изъ таможи отдавали ефимки на денежные дворы немедленно; 4) свѣтлѣйшій князь представлялъ въ разсужденіе о Меерѣ, который ставитъ на денежные дворы серебро, а нынѣ - де онъ Мееръ у корреспондентовъ своихъ кредиту не имѣетъ и серебра ставить не можетъ; понеже корреспондентамъ его разглашено, что онъ ужъ не въ состояніи и такожь будто опасеніе имѣютъ тамошніе купцы, за вступленіемъ аглинскаго флота въ Балтійское море, конфискаціи товаровъ; чего ради нынѣ товаровъ къ здѣшнему порту не привозятъ; 5) по челобитной графа Дюкера, о дачѣ ему жалованной грамоты на пожалованныя въ Лифляндіи маестности, повелѣно, доложить Ея В. . .“; 9) „такожъ разсуждали, что въ сибирскихъ городѣхъ вино и табакъ продаютъ дорогою цѣною, о томъ справиться,

становленія ; наконецъ, призвали въ засѣданіе иноземца Фика для объясненій, а секретаря одной изъ коллегій — для отдачи ему „формуляровъ“ указовъ и т. д. (ib., стр. 361 сл.).

Какъ изъ приведенныхъ примѣровъ, такъ и изъ множества другихъ, при обзорѣ дѣятельности Совѣта въ сферѣ верховнаго управленія, прежде всего бросается въ глаза особенность, что Совѣтъ отвѣчаетъ въ своей дѣятельности, главнымъ образомъ, нуждамъ данной минуты, занимается тѣми дѣлами, какія требуютъ немедленнаго рѣшенія. Это съ одной стороны придаетъ дѣятельности Совѣта очень живой и разнообразный характеръ, а съ другой — заставляеть его идти по теченію административной жизни и отдавать большую часть своего времени разрѣшенію мелкихъ и обыкновенныхъ дѣлъ управленія. Несомнѣнно, что часть этихъ дѣлъ, еслибъ Совѣтъ не относился слишкомъ ревниво къ расширенію своей компетенціи, безъ всякаго ущерба для интересовъ страны, могла быть предоставлена вѣденію другихъ учреждений, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ послѣднихъ, какъ Сенатъ, Синодъ и др., въ предъидущее царствованіе уже получили большой навыкъ къ ихъ разрѣшенію, почему эти дѣла, безъ нарушенія верховенства Совѣта, могли-бы оставаться по прежнему въ кругѣ ихъ вѣдомства. Почему, напр., нужно было утруждать Совѣтъ

почему (т. е. по какой цѣнѣ) оно въ продажѣ бывало въ старыя времена, и почему-жъ въ нынѣшніе годы и есть-ли въ томъ какая въ цѣнахъ отмѣна и для чего ; 10) рассуждали о прошеніяхъ совѣтника Фика, что онъ бьетъ челомъ о прибавкѣ ему въ Лифляндіи еще мызъ къ тѣмъ, которыя даны въ вѣчное ему и потомкамъ его владѣніе двадцать гаковъ ; и повелѣли въ томъ ему отказать, объявля, чтобъ онъ былъ доволенъ тѣмъ, что ему пожаловано прежде, и о томъ ему, Фику, тогожъ числа отъ д. с. с. Василья Степанова объявлено ; 11) докладывано о духовныхъ персонахъ, которыя выѣхали съ царемъ грузинскимъ, что о пропитаніи ихъ опредѣленіе уже и учинено, а именно велѣно Синоду опредѣлить въ знатные монастыри. Токмо того, что въ Синодѣ учинено, Сенатъ вѣдомости не имѣеть ; повелѣно о томъ въ В. Т. Совѣтъ взять вѣдомость изъ Синода и для того призвать оберъ-прокурора или оберъ-секретаря и объявить, чтобъ ту вѣдомость подали немедленно. . .“

ки. Меншикову или Сенату заявлениями о дѣлахъ рѣшенныхъ уже ранѣе Совѣтомъ (п. 3 и 11 послѣдняго примѣчанія)? Отчего-бы самимъ учрежденіямъ, о коихъ идетъ здѣсь рѣчь, не снестись между собою? Или, почему ки. Меншиковъ докладываетъ Совѣту о Меерѣ (п. 4)? Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ: Совѣтъ хочетъ держать въ своихъ рукахъ всѣ нити административнаго управленія, почему здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, охотно жертвуетъ своимъ временемъ на обсужденіе и разрѣшеніе подобныхъ мелкихъ дѣлъ. Этимъ, конечно, и объясняется также, что въ каждомъ почти засѣданіи Совѣта докладывается масса дѣлъ самого разнороднаго содержанія, какъ это легко замѣтить, изучая подлинныя журналы Совѣта.

Какъ Комитетъ министровъ, хотя и своеобразно устроенный, Совѣтъ, естественно, касался всѣхъ дѣлъ верховнаго управленія. Поэтому, онъ то разсуждаетъ о дѣланіи монеты „новымъ штемпелемъ“ (ib., LXXIX, стр. 87) или о принятіи „въ рентерею“ отписныхъ у Меншикова денегъ (ib.); то приказываетъ „Вознесенскаго монастыря церковь крыть, а на ту кровлю деньги выдать изъ казны, взаменъ тѣхъ, которыя съ вотчинъ собираются“ (ib., стр. 257); то обсуждаетъ вопросъ, „быть-ли 7 Мая (день вступленія на престолъ Петра II) какой предикъ“ (ib., 321 стр.), наградить-ли генерала Левашева за службу орденъ и деревнями (ib., 468 стр.); то рѣшаетъ вопросъ о школахъ (VII, № 4975), или о назначеніи на службу или въ отставку тѣхъ или иныхъ военныхъ или штатскихъ чиновъ, то, наконецъ, приказываетъ окончить постройку или вновь построить ту или иную крѣпость (VIII, № 5237, 5309), или закупить „морской провіантъ“ (VII, № 4881) и т. д. Передать въ полномѣ все разнообразіе этой широкой правительственной дѣятельности Совѣта нѣтъ никакой возможности; возможно, однако, попытаться уложить ее въ нѣсколько общихъ группъ, по отдѣльнымъ сферамъ верховнаго управленія,

уже тогда достаточно ясно обозначеннымъ въ тѣхъ особыхъ учрежденіяхъ, которыя ихъ вѣдали и которыя всѣ теперь представляли свои „доношенія“ Совѣту, какъ учрежденію верховному.

Извѣстно, что уже при Петрѣ В., въ самой организаціи коллегій, ясно сказалось преобладающее значеніе для тогдашняго государства военныхъ, финансовыхъ и торгово-промышленныхъ интересовъ — ихъ защитой и постепеннымъ развитіемъ, въ томъ или направленіи, должно было заниматься большинство только-что созданныхъ коллегій; самъ Сенатъ, этотъ могущественный и чрезвычайно-дѣятельный органъ верховнаго управленія при Петрѣ В., отдавалъ указаннымъ интересамъ едва-ли не болѣшую часть своего времени и энергіи. Совѣтъ не только принялъ на себя эту задачу своего предшественника, но, въ качествѣ учрежденія, стремившагося олицетворить въ себѣ верховную власть страны, развилъ ее еще болѣе; какъ указано выше, онъ законодательствовалъ въ данной области весьма энергично, но и помимо этого, оставалось широкое поприще для его правительственной дѣятельности. Что касается прежде всего до ея развитія въ сферѣ финансоваго управленія, то Совѣтъ, какъ верховное учрежденіе надъ финансовыми коллегіями и Сенатомъ, по скольку послѣдній вѣдалъ дѣла этого рода, касался всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ приходомъ и расходомъ государственной казны — составленіе штатовъ, допущеніе сверхсметныхъ кредитовъ, выдача жалованья и т. п.; наконецъ, ревизія финансовыхъ и иныхъ учреждений, вѣдавшихъ государственные приходы и расходы — вотъ въ краткихъ чертахъ изображеніе круга правительственной дѣятельности Совѣта въ данной области. Неудивительно поэтому, если мы встрѣчаемъ въ журналахъ Совѣта свѣдѣнія о томъ, что его члены рассуждаютъ о прибавкѣ лошадей въ станы, при проѣздѣ Государя изъ Петербурга въ Москву (Сб. И. Общ., LXIX, стр. 873), о выдачѣ заслуженнаго жалованья (ib., 744 стр.), о починкѣ въ Москвѣ

конюшенныхъ дворовъ и о покупкѣ лошадей (ib., 794 стр.), о штатѣ галернаго флота (ib., стр. 637 сл.), „о взятѣ изъ коллегій и канцелярій вѣдомостей, сколько по письмамъ Меншикова въ 1725—1727 гг. денежной казны отпущено“ (ib., стр. 577), „о прибавочномъ въ полки мундирѣ“ (ib., стр. 405), о сборѣ „доимокъ“, отсрочкѣ въ ихъ взысканіи или о ихъ сложеніи (ib., стр. 823, 281, 225, 93 и др.). Интересно отмѣтить при этомъ, что, давая отсрочки въ уплатѣ податей (напр., подушной), Совѣтъ въ то-же время приказывалъ принимать самыя серьезныя мѣры ко взысканію доимокъ, такъ какъ находилъ, что неплатежъ послѣднихъ крестьянами — вина прикащиковъ и старостъ¹¹⁴⁾, съ коихъ и должно взыскивать доимки. Вообще Совѣту неразъ приходилось принимать тѣ или инныя мѣры по взысканію податей и недоимокъ по нимъ, равно какъ и наблюдать внимательно за расходываніемъ государственной казны, почему до насъ и дошло много распоряженій Совѣта по этимъ вопросамъ¹¹⁵⁾; въ царствованіе Екатерины, при существованіи Кабинета, сложеніе недоимокъ дѣлалось, впрочемъ, нерѣдко по указамъ послѣдняго въ Камеръ-коллегію¹¹⁶⁾. Особенно чрезвычайныя расходы обращали на себя вниманіе Совѣта, почему всякій, даже незначительный, расходъ этого рода обсуждался и разрѣшался самимъ Совѣ-

114) „А платить тѣ доимки самимъ помѣщикамъ за крестьянъ, а въ небытность ихъ въ деревняхъ — прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ, и править на нихъ, а не на крестьянѣхъ, понеже о томъ всѣмъ извѣстно, что въ небытность помѣщиковъ въ деревняхъ, прикащики ихъ, что хотятъ, дѣлаютъ, то и доимокъ причиною они-же“ (Сб. отд. р. яз. и сл. Академіи Наукъ, т. IX, стр. 80 сл.).

115) Опись Сен. Арх., №№ 2024, 2065, 2337; 2043, 2053, 2076, 2106, 2434, 2616, 2801, 2881, 2915, 2962 и др.; 1843, 2014, 2687 и др. Наблюденіе за собираніемъ и расходываніемъ государственной казны имѣло своимъ послѣдствіемъ сосредоточіе въ Совѣтѣ свѣдѣній о состояніи сборовъ въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ — см., напр., Сб. И. Общ., LXXXIV, стр. 47, сл.; LXIII, стр. 448 сл.

116) ib., Опись, №№ 2199, 2194, 2184, 2183 и др.

томъ. Напр., Совѣтъ рѣшилъ „колодника Протопова послать ради смотрѣнія и находу клада въ Курскъ, а потомъ рудъ въ Сибири . . . а по дѣлу его въ Бергъ-коллегіи розыскивать и дать ему денегъ и въ баню париться отпустить“ (ib., LXXIX, стр. 406); еще раньше Совѣтъ рѣшилъ давать ему „кормовыхъ по гривнѣ въ день“ (стр. 397); такъ, далѣе, онъ разрѣшаетъ выдать прогоны на перевозку людей ссылаемаго Меншикова, добавляя при этомъ, что „буде кто (изъ нихъ) можетъ, ѣхаль-бы на своихъ“ (ib., 318); или — выдать, по челобитью смоленскаго архимандрита, 100 пудовъ желѣза и двѣсти тысячъ кирпичей“ (ib., 257 стр.), или — прибавить царевнѣ Екатеринѣ Иоанновнѣ по 2 т. въ годъ „на содержаніе дочери ея“ (ib., 419 стр.). Такъ, большіе и малые, но чрезвычайные, расходы равно доводились до свѣдѣнія Совѣта и разрѣшались имъ ¹¹⁷⁾.

Въ связи съ этою дѣятельностью по приходу и расходу государственной казны стояла дѣятельность по развитію торговли и промышленности. Совѣтъ обсуждаетъ вопросъ объ отдачѣ въ аренду фабрикъ, мельницъ, облегчаетъ платежъ пошлинъ, требуетъ къ себѣ на разсмотрѣніе контракты, заключенные съ иностранными купцами по заграничному вывозу русскихъ товаровъ (ib., LXIX, стр. 552, 549, 602); приказываетъ отвести землю для устройства заводовъ по разработкѣ найденныхъ рудъ, отдаетъ поставку серебра на денежные дворы „въ вольный торгъ“, разсылаетъ мастеровъ по заводамъ и т. д. ¹¹⁸⁾. Обозрѣвая правительственную дѣятельность Совѣта въ данной области, нельзя не придти къ заключенію, что, въ общемъ, здѣсь, хотя, можетъ быть недостаточно энергично, но все-же поддерживается про-

117) Совѣтомъ-же, обыкновенно, разрѣшались т. наз. „секретные“ расходы — ib., №№ 1904, 1952, 2068, 2165 и др.

118) ib., №№ 1980, 1992, 2429 и др.

грамма Петра В.; дѣятели, работавшіе на этомъ поприщѣ при Петрѣ В., продолжаютъ частію свой трудъ и при его преемникахъ (Геннингъ, Татицевъ, Минихъ и др.).

Нечего говорить также, что Совѣту приходилось отдавать много времени работамъ о войскѣ. Обсужденіе условій производства рекрутскихъ наборовъ, поимки бѣглыхъ рекрутъ и матросовъ, размѣщеніе войска, выдача ему жалованья и заготовка провіанта, постройка крѣпостей и укрѣпленіе линій, назначеніе и смѣщеніе командующихъ отдѣльными частями войскъ, составляли постоянно, какъ и рядъ другихъ подобныхъ вопросовъ, предметъ усиленныхъ занятій Совѣта¹¹⁹⁾, при чемъ въ царствованіе Петра II, когда Военная коллегія, послѣ паденія Меншикова, оставалась безъ президента, Совѣтъ является по военнымъ дѣламъ верховнымъ учрежденіемъ, непосредственно сносящимся съ императорскою властію. Наряду съ заботою о внѣшней безопасности государства, Совѣтъ принимаетъ мѣры къ безопасности внутренней, заботясь о прекращеніи разбоевъ, о поимкѣ воровъ, устройствѣ карантинновъ на случай появленія заразительныхъ болѣзней и т. п.¹²⁰⁾

Какъ ясно уже изъ всего вышеприведеннаго обзора дѣятельности Совѣта, послѣдній постепенно сосредоточивалъ въ себѣ, преимущественно, всѣ тѣ дѣла верховнаго управленія, въ коихъ, при обычномъ порядкѣ вещей — когда возлѣ монарха не стоитъ учрежденія, подобнаго Совѣту — „власть монарха дѣйствуетъ непосредственно“, какъ выражаются наши основные законы. Таково прежде всего ея „дѣйствіе“ во внѣшнихъ сношеніяхъ, затѣмъ въ верховномъ финансовомъ управленіи, заботѣ о войскѣ и пр. Но ограничительныя тенденціи Со-

119) Сб. И. Общ., LV, стр. 100 сл.; 142 сл.; 174 сл.; LVI, стр. 108 сл.; LXIII, стр. 356; LXXXIV, стр. 147 и др.

120) *ib.*, LXIX, стр. 434 сл.; VIII, № 5290; VII, № 4972; Опись Сен. Арх., №№ 2841, 2842; VIII, № 5247 и др.; Сб. И. Общ., LXXXIV, стр. 38 сл.; LXXIX, стр. 284 сл.; 294 сл.; 304 сл. и многія другія.

вѣта, его стремленіе захватить въ свои руки „власть управленія во всемъ ея пространствѣ“, находить себѣ весьма яркое выраженіе еще въ длинномъ рядѣ дѣлъ, сосредоточенныхъ въ Совѣтѣ. Таковы дѣла по назначенію на высшія государственныя должности, а равно и по увольненію съ нихъ; таковы дѣла по пожалованіямъ чинами, орденами, имѣніями и пр. Разсмотримъ, хотя кратко, относящіяся сюда распоряженія Совѣта.

Что касается вопроса о назначеніи на высшія государственныя должности, то мы уже имѣли случай отмѣтить, какъ ставился въ оба царствованія вопросъ о назначеніи на епископскія кафедры. По отношенію къ другимъ высшимъ должностямъ, — какъ, напр., сенаторовъ, губернаторовъ, президентовъ коллегій и т. д., — Совѣтъ въ царствованіе Екатерины, обыкновенно, представлялъ на утвержденіе Императрицы своихъ кандидатовъ, изъ числа коихъ и дѣлались соотвѣтствующія назначенія. Такъ, напр., въ журналѣ 11 Марта 1726 г. читаемъ, что каб.-секр. Макарову отдана выписка изъ протокола В. Т. Совѣта „о назначенныхъ въ Сенатъ прибавочныхъ 3-хъ человѣкахъ и о опредѣленіи въ Мануфактуръ - коллегію прокурора Бибикова вице-президентомъ“ и отдана эта выписка „ради доношенія Ея В. и требованія на то Ея всемилостивѣйшей резолюціи“ ; послѣдняя и послѣдовала 23 Марта, при чемъ Императрица, изъ представленныхъ 3 кандидатовъ (кн. М. Голицына, Ю. Нелединскаго и В. Новосильцева), назначила въ сенаторы двухъ послѣднихъ, согласившись на утвержденіе Бибикова вице-президентомъ (Сб. И. Общ., LV, стр. 46, 90, 134). Были случаи, когда Совѣтъ представлялъ кандидатовъ по соглашенію съ сенаторами и президентами коллегій, какъ это надо, напр., отмѣтить при назначеніи 31-го воеводы въ провинціи, которое послѣдовало 14 Марта 1727 г. (ib., LXIII, стр. 182, 185, 240, 244 сл.). Были случаи, когда на высшія должности (напр., губернаторовъ и др.), назначеніе слѣдовало прямо по именному указу Екатерины. Такъ, напр., въ засѣданіи 21 Дек. 1727 г.,

кн. Меншиковъ объявилъ „Ея В. указъ о бытіи губернаторомъ въ Ригѣ кригсъ-коммиссару Чернышеву“ (ib., LVI, стр. 568, 581); такъ, напр., по именному указу былъ назначенъ почтъ - директоромъ Апшъ (Опись Сен. Арх., № 1656)¹²¹⁾ и т. д. Послѣдніе случаи, впрочемъ, были довольно рѣдки, и Императрица довольствовалась, обыкновенно, лишь тѣмъ, что на ея утверждение представлялись кандидаты, выбранные Совѣтомъ¹²²⁾. При Петрѣ II, еще рѣже могло проявляться вмѣшательство Императора въ назначенія на должности; ему, конечно, также должны были представляться кандидаты для утверждения, но это было во 1-хъ простою формальностію, а во 2-хъ не всегда могло и соблюдаться за отсутствіемъ Императора изъ столицы. Такъ, напр., 1 Мая 1727 г., Совѣтъ назначилъ „главнымъ командиромъ“, при корпусѣ войскъ на царицынской линіи генерала Чекина; „чтобъ не опустить времени“, указъ объ этомъ былъ посланъ уже 3 Мая и посланъ по обычной формулѣ („Его И. В. указалъ . . . быть командиромъ генлейт. Чекину“), хотя изъ журналовъ Совѣта ясно видно, что Петра II въ это время не было въ Москвѣ, а потому, въ дѣйствительности, назначеніе послѣдовало безъ представленія ему назначеннаго лица, какъ кандидата. Именно, въ журналѣ 2-го Мая читаемъ, что „на общее разсужденіе донесено: быть-ли Мая 7, — т. е., когда Государь Императоръ изволилъ вступить на престолъ, — какой предикъ. На то Его Превосходительство (Остерманъ) объявилъ, что онъ о томъ будетъ писать къ Его И. Величеству и не соизволитъ - ли къ тому числу въ Москву возвратиться“ (LXXIX, стр. 319, 321 сл.). Ко-

121) Въ журналѣ 16 Апр. 1726 г. читаемъ также, что кн. Меншиковъ объявилъ Совѣту объ отозваніи изъ Польши кн. Долгорукова и назначеніи на его мѣсто, „въ характерѣ чрезвычайнаго посланника, М. Вестужева“ — Сб. И. Общ., LV, стр. 207 сл., и т. д.

122) См., напр., еще ib., стр. 321, 323, 369, 405, 407 и др.

нечно, когда можно было ждать съ назначеніями, Совѣтъ ждалъ, какъ это видно, напр., изъ дѣла о Тараканова ¹²³), но, однако, это не всегда могло быть удобнымъ. Затѣмъ, какъ мы уже говорили, и въ тѣхъ случаяхъ, когда представленія дѣлались лично Петру II, это было лишь внѣшнимъ, чисто формальнымъ, соблюденіемъ верховенства императора: нами указывался уже выше случай, что Остерманъ требовалъ, чтобъ представленія дѣлались въ формѣ, которая не могла-бы затруднить Императора ¹²⁴). Далѣе, самый тонъ журнальныхъ записей о выборѣ кандидатовъ на должности, взгляды окружающихъ на этотъ выборъ, а равно и порядокъ поднесенія ихъ къ докладу (обычно, черезъ Остермана, котораго раньше всегда старательно опрашивалъ Совѣтъ о его мнѣніи относительно того или другаго кандидата и только послѣ его согласія на данное назначеніе, представлялъ объ этомъ на утвержденіе Государя ¹²⁵) — ясно показываютъ, что, въ сущности, въ царствованіе Петра II, все дѣло о назначеніи на высшія должности сводилось къ рѣшенію самого Совѣта или отдѣльныхъ его членовъ. Напр., въ записи отъ 13 Мая 1727 г. читаемъ, что въ Совѣтѣ „разсужденіе имѣли о прибавкѣ сенаторовъ“ ;

123) Именно 14 Мая того-же года Совѣтъ рѣшилъ: „на мѣсто Тараканова опредѣлить (на Донъ) иного изъ полковниковъ или подполковниковъ ; а буде Его И. Величество изволитъ вскорѣ возвратиться, обождать ; а ежели изволитъ умедлить, тогда послать доношеніе (Государю) о возвращеніи отъ него (Тараканова) инструкціи или его самого“ — *ib.*, LXXIX, стр. 337.

124) См., выше, стр. 52 и сл. ; ср. LXXIX, стр. 351, гдѣ Остерманъ требуетъ, чтобы въ докладахъ Государю „точное рѣшеніе учинить“, „доложить съ яснымъ показаніемъ“ и т. д.

125) Въ журналахъ Совѣта сохранилось много записей, изъ коихъ видно, что, по всѣмъ дѣламъ требовавшимъ доклада Государю (въ томъ числѣ и по дѣламъ о назначеніяхъ), Совѣтъ предварительно выслушивалъ мнѣніе Остермана и затѣмъ, когда онъ соглашался съ мнѣніемъ Совѣта или Совѣтъ принималъ его мнѣнія, дѣла докладывались Императору — *ib.*, LXXIX, стр. 240 и сл. ; 335 и сл. ; 342 ; 351 и сл. ; LXXXIV, стр. 122 сл. ; 239 ; 430 ; 575 и мн. др.

затѣмъ написали кандидатовъ и положили совѣщаться о нихъ на другой день; въ записи-же Совѣта, приложенной къ журналу 14 Мая, сказано, что „было положено при общемъ собраніи разсуждать“, между прочимъ, „о прибавкѣ въ Сенатъ членовъ по росписи“; рѣшено „быть по росписи всѣмъ и доложить о томъ Его И. Величеству“ (LXXIX, стр. 331, 337); „докладные пункты“ Совѣта объ этомъ назначеніи были затѣмъ „Высочайше утверждены“ (Опись Сен. Арх., № 2965). Или, напр., 6 Сент. 1728 г., „отъ всѣхъ присутствующихъ подписанъ протоколъ о посылкѣ въ Польшу на приходящій Гродненскій сеймъ, для предостереженія на ономъ Его И. В. интересовъ, камергера, кн. Голицына, въ характерѣ полномочнаго министра и о дачѣ ему для той посылки на экипажъ и денегъ“; 9 Сентября „разсудили“, вслѣдствіе отсрочки сейма, „отправленіемъ въ Польшу кн. С. Долгорукова обождать еще нѣкоторое время“ (LXXXIV, стр. 521, 525, 527). Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Совѣтъ рѣшаетъ назначеніе, даже недокладывая Государю¹²⁶⁾. Неудивительно поэтому, что когда, напр., въ засѣданіи 1 Мая того-же года, къ кн. М. М. Голицыну, было послано извѣщеніе, что Совѣтъ „назначилъ“, при корпусѣ войскъ на царицынской линіи, „быть главнымъ командиромъ ген.-лейтенанту Чекину, а на его мѣстѣ — кн. А. Шаховскому“, при чемъ „велѣно требовать у него, генерала-фельдмаршала, мнѣнія, оному быть-ли?“ — то „его сіятельство сказалъ, что въ томъ воля ихъ, господъ министровъ“ (ib., стр. 319). Такъ смотрѣли на назначенія Совѣта даже

126) Ср. еще, напр., LXXIX, стр. 259 и др. Надо вообще замѣтить, что журналы Совѣта вездѣ старательно отмѣчаютъ, за оба царствованія, всѣ тѣ случаи совѣтскихъ постановленій, о коихъ дѣлался „докладъ“ носителямъ верховной власти; отсюда надо заключить, что тамъ, гдѣ этихъ отмѣтокъ нѣтъ, — а такихъ случаевъ для царствованія Петра II можно указать весьма много — такого доклада, въ дѣйствительности, и не было дѣлаемо.

высшіе сановники, какъ генераль-фельдмаршалъ М. М. Голицынъ, который уже по своему рангу имѣлъ право голоса въ назначеніяхъ на военныя должности.

Перейдемъ теперь къ вопросу о пожалованіяхъ. Мы уже имѣли случай касаться кратко этого вопроса выше ¹²⁷⁾, причемъ отмѣтили важнѣйшія различія въ его постановкѣ въ оба царствованія. Къ этому необходимо, для ббльшей полноты и ясности, добавить слѣдующее. Въ царствованіе Екатерины I, Совѣтъ въ данномъ вопросѣ дѣйствуетъ рядомъ съ Императрицею, хотя при этомъ дѣла о пожалованіяхъ недвижимостями Императрица сосредоточиваетъ преимущественно въ своемъ вѣденіи ¹²⁸⁾, дѣла-же о пожалованіяхъ чинами — частію въ своемъ, а частію въ вѣденіи Совѣта ¹²⁹⁾, поскольку, впрочемъ, здѣсь Совѣтъ не встрѣчался съ Военною и Адмиралтейскою коллегіями, до паденія Меншикова дѣйствовавшими помимо Совѣта. Объясненіе этого лежитъ въ томъ, что пожалованія недвижимостями могли вовсе не идти черезъ Совѣтъ (Опись Сен. Арх., №№ 1674, 1644, 1857 и др.), а, напр., черезъ Кабинетъ, который завѣдывалъ дворцовыми вотчинами (VЦ, № 4966); пожалованія-же высшими чинами, какъ и назначенія на высшія должности, сосредоточивались въ Совѣтѣ, какъ верховномъ учрежденіи и Екатерина I здѣсь, какъ и въ другихъ вопросахъ, охотно соглашалась на политическое руководство Совѣта, вмѣшиваясь въ рѣшенія дѣлъ лишь тогда, когда находила это почему-либо нужнымъ. Что касается царствованія Петра II, то Совѣтъ, — особенно послѣ паденія Меншикова, когда вышеназваннымъ коллегіямъ запрещено производство въ высшіе чины (въ арміи выше полковника, во флотѣ — капи-

127) См., выше, стр. 61 сл.; стр. 64 сл.

128) Опись Сен. Арх., №№ 1754, 1759, 1789, 1790, 1859, 1857 и др.; ср., выше, стр. 97 сл., пр. 113, п. 5 и 10; LV, стр. 81, 135 сл.

129) LVI, стр. 56 сл.; 544; LXIII, стр. 195; LXIX, стр. 412; Опись Сен. Арх., № 1720, 1963.

тана) „безъ указу“ Совѣта, когда затѣмъ былъ уничтоженъ Кабинетъ, когда, наконецъ, Императоръ такъ мало вообще проявлялъ вниманія къ дѣламъ правленія — сталъ и въ этомъ вопросѣ, какъ и другихъ, исполнѣ господиномъ положенія, сосредоточившимъ въ своемъ верховномъ вѣденіи всѣ дѣла о пожалованіяхъ¹³⁰). Достаточно привести нѣсколько журнальнымъ записей за это время, чтобы воочию убѣдиться, чѣмъ былъ Совѣтъ въ это время. Напр., въ засѣданіи Совѣта отъ 18 Юля 1727 г. читаемъ, что „б. Остерманъ объявилъ, что голштинскій министръ, гр. Басевичъ, проситъ, чтобы ему у Его И. В. имѣть чинъ тайнаго совѣтника, на что свѣт. князь, А. Д. Меншиковъ, согласуется, и по имѣвшемся совѣтѣ, приказалъ о томъ протоколъ написать къ закрѣпѣ“ (LXIX, стр. 98), что и было сдѣлано, безъ доклада Императору (ib., 105, 122, 124). Или, напр., въ засѣданіи 12 Юня 1728 г., ген.-фельдмаршалъ, кн. В. Вл. Долгорукій, сдѣлалъ, между прочимъ, очень лестную оцѣнку служебной дѣятельности ген.-лейтенанта Левашева, указавъ, что „награжденія ему, противъ другихъ, дачею деревень или честию кавалеріи Св. Александра Невскаго не учинено“; Совѣтъ, соглашаясь съ мнѣніемъ В. Вл. Долгорукаго, тотчасъ рѣшаетъ: „послать къ нему кавалерію Св. Александра и сверхъ того дать деревень, дворовъ триста. И о кавалеріи приказали въ протоколъ внести, а о деревняхъ впредь хотѣли на мѣрѣ наставить“ (LXXIX, стр. 486); 14 Юня „кавалерія“ была уже послана (ib., стр. 492) и послана „безъ доклада“ Императору, конечно, такъ какъ нигдѣ въ журналахъ этого не отмѣчено: поспѣшность посылки (вызванная отчасти тѣмъ, что въ это время въ армію къ Левашеву отиравался нарочный съ инструкцію Совѣта) ясно показываетъ, что Совѣтъ не находилъ нужнымъ ждать этого доклада. Такой случай не былъ, конечно, единственнымъ:

130) ib., LXXIX, стр. 3, 15, 16, 20 и др.

въ журналѣ 15 Юля того-же года читаемъ, напр., „что С. Семеновъ (протоколистъ Коллегіи иностр. дѣлъ) объявилъ Совѣту „приказъ б. Андрея Ивановича (т. е. Остермана), чтобъ министрамъ представить, чтобъ по челобитной Петра Шафирова изволили дать чинъ дѣйств. статскаго совѣтника, также и дворъ петербургскій каменный“; 22 числа это челобитье удовлетворено, безъ представленія Государю (LXXXIV, стр. 56, 170), такъ какъ, рядомъ съ указомъ о пожалованіи Шафирова, въ протоколахъ помѣщено два другихъ пожалованія — бригадира Еропкина и полковника Тараканова въ генералъ-майоры, при чемъ о каждомъ отмѣчено, что „сей Его И. В. указъ въ В. Т. Совѣтѣ объявилъ вице-канцлеръ б. Остерманъ“ (ib., 169, 172) и т. д. Такъ, Совѣтъ то представляя¹³¹⁾, то не представляя на утвержденіе верховной власти, производилъ въ высшіе чины и раздавалъ ордена, сосредоточивая, во всякомъ случаѣ, всѣ дѣла о этихъ производствахъ въ своемъ вѣденіи¹³²⁾. Характерно при этомъ отмѣтить, что, вѣдая чинопроизводство, Совѣтъ не упустилъ случая создать и для себя въ этой области извѣстныя преимущества. А именно 26 Февраля 1728 г. въ Совѣтѣ состоялся именной указъ „о первенствѣ по жизни свою“ тѣмъ „дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ передъ полными генералами“, которые „нынѣ присутствуютъ въ нашемъ В. Т. Совѣтѣ“, соблюдая

131) Ср. еще, ib., LXXXIV, 237 сл. и др.

132) Опись Сен. Арх., №№ 2203, 2218, 2221, 2227, 2230, 2299, 2430, 2432, 2553 и мн. др. Интересно, что эти пожалованія дѣлались иногда сразу для многихъ лицъ, при чемъ Совѣтъ велъ себя здѣсь, какъ все-сильный господинъ положенія. Напр., въ журналѣ 23 Февраля 1728 г. читаемъ, что „реестръ слушанъ, дѣланный у барона Андрея Ивановича, о повышеніи чиновъ, и отмѣчивано его рукою“ (кого и какъ повысить); Совѣтъ, рассмотрѣвъ и утвердивъ реестръ о 16-ти лицахъ, которые повышались въ чины, не ниже статскаго совѣтника и бригадира, объ остальныхъ воинскихъ чинахъ постановляетъ „рассмотрѣніе учинить“ въ Военной коллегіи „по мнѣнію своему, и по регуламъ, и по уставамъ“ (LXXXIX, стр. 163); ср. Опись Сен. Арх., № 2887.

во всѣхъ прочихъ случаяхъ „старшинство со времени вступленія каждаго въ чинъ“ ; указъ, такимъ образомъ, выдѣляетъ лишь членовъ Совѣта изъ числа другихъ лицъ, одинаковыхъ съ нимъ чиновъ (VIII, № 5245), что наглядно и живо рисуетъ стремленіе верховниковъ даже къ внѣшнему обособленію себя изъ среды всѣхъ остальныхъ сановниковъ государства. Обособленіе это, при воцареніи Императрицы Анны, какъ извѣстно, очень дорого обошлось Совѣту. . .

То-же самое, что отмѣчено выше о наградахъ и повышеніяхъ, надо сказать и о пожалованіяхъ недвижимостями, о подтвержденіи прежде-данныхъ на нихъ жалованныхъ грамотъ, возвращеніи конфискованныхъ имѣній и другихъ подобныхъ дѣлахъ, рассмотрѣніемъ и разрѣшеніемъ коихъ, по частнымъ челобитнымъ, постоянно былъ занятъ Совѣтъ. Всѣ эти дѣла сосредоточиваются въ Совѣтѣ и создаютъ изъ него могущественное учрежденіе, къ которому всѣ обращаются за милостіями, всѣ ждуть себѣ помощи. Въ журналахъ постоянно поѣтому отмѣчаются такіе случаи : „чтена челобитная Лопухиныхъ о возвращеніи имъ ихъ деревень“ ; „по челобитной Ростовскаго архіерея изъ земель, лежащихъ отъ рѣки Невы по рѣкѣ Тоснѣ, дать мѣсто подъ поселеніе крестьянъ“ ; „канцлеръ гр. Головкинъ подалъ челобитную о дачѣ ему данной на пожалованный ему островъ Каменный ; повелѣно данную ту ему дать и о томъ написать указъ“ и т. п. (LXIX, стр. 576 и мн. др.). Иногда, напр., читаемъ, что Совѣтъ, на основаніи челобитья постановилъ : „Левашеву изъ Меншикова деревень пріискать до 200 дворовъ“, или „Геннингу деревню его, которая отдана Колтовскому, отдать ему“ (LXXXIV, стр. 57) ; или въ Совѣтѣ „разсуждали, „чтобъ Лопухинымъ, за загородный дворъ, дать деньги по тогдашней оцѣнкѣ, или, вмѣсто того, дать другой дворъ и о томъ говорить съ ними“ (ib., стр. 241) ; или „разсуждено о мурзинскихъ деревняхъ (прежде ихъ раздачи) справиться, нѣтъ-ли челобитчиковъ — родственни-

ковъ ихъ, которые крестились“ и которымъ должно поѣтому отдать земли некрещенныхъ мурзъ (ib., стр. 644) и т. д. Иногда эти прошенія о пожалованіяхъ ставили Совѣтъ въ большое затрудненіе и тогда онъ обращался за разъясненіями къ Императору ¹³³); къ нему-же, конечно, должны были идти доклады о пожалованіяхъ недвижимостями и т. п., но журналы, однако, не всегда отмѣчаютъ это ¹³⁴), такъ что можно предположить, что и здѣсь Совѣтъ нерѣдко обходился безъ доклада Государю; необходимо также отмѣтить, что пожалованія недвижимостями или подтвержденія грамотъ на прежнія „дачи“ и т. п. дѣлаются, по преимуществу, указами Совѣта ¹³⁵), а не именными указами, какъ это, обычно, бывало при Екатеринѣ I.

Таковъ краткій очеркъ административной дѣятельности Совѣта. Перейдемъ теперь къ обзору его дѣятельности въ области с у д е б н о й.

Какъ это само собою понятно, Совѣтъ уже при самомъ

133) „О тѣхъ которые бьютъ челомъ о деревняхъ и лавкахъ, бывшихъ Меншикова и Писарева, что безъ доклада Его И. Величеству отдать не можно, для того: Писареву давы были изъ вотчинъ Троицкаго монастыря, которыя по челобитью того монастыря возвращены имъ по прежнему; Гуслицкая волость отдана въ конюшенный приказъ, и притомъ разсужденіе свое чистою совѣстью представляютъ, чтобы нынѣ такими раздачами обождать; а ежели, сверхъ того, на то воля Его В. будетъ, дабы изволилъ указы о томъ давать мимо В. Т. Совѣта за собственною своею рукою; и о томъ намѣрены подать Его В. письменное доношеніе, дабы впредь того на нихъ не было взыскано“ (LXXIX, стр. 337 сл.).

134) Укажемъ слѣдующія отмѣтки: „барону представлено (Совѣтомъ) о дачѣ деревень Неплюеву, на что представилъ, чтобъ ему дать о томъ записку для справки съ дворцомъ и для доклада Его И. В.“ (LXXXIV, стр. 123); по приказу Совѣта, объявленъ кн. Д. М. Голицыну „написанный докладъ Его И. В. о возвращеніи деревень тѣмъ, у которыхъ (онѣ) описаны по дѣлу 718 г. и которыхъ надлежитъ, вмѣсто взятыхъ у нихъ деревень, награждать другими . . .“ (ib., стр. 231); ср. еще, LXIX, стр. 708 и др.

135) Опись Сен. Арх., №№ 2271, 2278, 2279, 2289, 2297, 2303, 2323, 2330, 2331, 2336, 2356, 2379 и мн. др. (указы В. Т. Совѣта); №№ 2280, 2295, 2377 и др. (именные указы).

своёмъ основаніи долженъ былъ опредѣлить свою роль въ государствѣ, какъ верховнаго судебного учрежденія; сдѣлано это было уже въ извѣстномъ намъ „мнѣніи не въ указъ“, но сдѣлано весьма неполно, хотя въ то-же время достаточно ясно для выраженія общей тенденціи учрежденія, стремившагося стать сосредоточіемъ политической жизни страны. Такъ, въ этомъ „мнѣніи не въ указъ“ (п. 12-ый) было устанавлено, что „апелляціи“ на Сенатъ и первыя 3 коллегіи должны подаваться Императрицѣ и Совѣту, „къ вящему разсмотрѣнію и разсужденію“ о нихъ въ послѣднемъ¹³⁶⁾. Конечно, этимъ опредѣленіемъ совершенно не обозначался объемъ судебной власти Совѣта; но на первыхъ порахъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ. Совѣтъ и не пытался вполне точно и всесторонне установить, на что, въ какой мѣрѣ и когда должно было простираться его властвованіе; многое должно было здѣсь опредѣлиться потомъ, подъ вліяніемъ текущихъ нуждъ администраціи и развитія самого учрежденія. Но въ указанномъ пунктѣ „мнѣнія“, во всякомъ случаѣ, достаточно ясно отмѣчена подчиненность Совѣту Сената и 3 первыхъ коллегій; въ дѣй-

136) Приведемъ здѣсь этотъ 12-ый пунктъ „мнѣнія не въ указъ“ цѣликомъ: „апелляціи на Сенатъ или прочихъ первѣйшихъ 3-хъ коллегій (т. е. „на прочія пер. 3 коллегіи“) всемѣрно къ Ея И. Величеству учинить позволено быть имѣть и въ Т. Совѣтъ къ вящему разсмотрѣнію и разсужденію подавать, однакожь, съ такимъ изъятіемъ, ежели кто будетъ чинить апелляцію съ продерзостью: 1) о какихъ дѣлѣхъ ординарныхъ за обиду какую, или за земли, или другія подобному, и тѣхъ штрафовать денежнымъ штрафомъ, платить ему безчестье тѣмъ судьямъ; также и на судьяхъ, которые неправо рѣшатъ, править безчестье и убытки того челобитчика; 2) ежели-же челобитчикъ продерзостью напишетъ на котораго судью съ злаго своего умысла, приличествуя къ какимъ смертнымъ винамъ, а тотъ того не учинилъ, то за то будетъ повиненъ смерти. А ежели судья въ томъ повиненъ будетъ, то съ тѣмъ судьею тожь учинить, дабы ни Ея И. В., или Тайный Ея Совѣтъ продерзостными апелляціями утруждены не были“ (LV, стр. 95 сл.).

ствительности, эта подчиненность распространялась и на другія коллегии и канцеляріи.

Какъ указано выше, Совѣтъ не былъ только высшею апелляціонною инстанціею ¹³⁷⁾; объемъ его судебной власти былъ гораздо шире. Такъ, одно время онъ долженъ былъ взять на себя ревизію приговоровъ разныхъ учрежденій по преступленіямъ, которыя влекли за собою смертную казнь и т. наз. „политическую смерть“ ¹³⁸⁾; затѣмъ Совѣтъ являлся (послѣ уничтоженія Преображенской канцеляріи) первою инстанціею по дѣламъ политическимъ, нѣкоторымъ преступленіямъ по должности и т. п.; онъ разрѣшалъ вопросы о подсудности, переносѣ дѣла изъ одного суда въ другой и вообще всѣ вопросы о недоразумѣніяхъ, возникавшихъ при производствѣ слѣдствія или суда; далѣе, Совѣтъ, въ качествѣ верховнаго учрежденія, развивалъ широко надзоръ за дѣйствіями судовъ и т. д.; къ нему, наконецъ, поступали челобитья о помилованіи, смягченіи наказаній и т. п. Вся эта обширная власть Совѣта въ области суда частію, естественно, перешла къ нему отъ Сената ¹³⁹⁾, мѣсто котораго онъ занялъ теперь; частію развивалась въ силу того положенія, которое постепенно получалъ Совѣтъ, то дѣйствуя рядомъ съ верховною властію, то олицетворяя ее въ самомъ себѣ. Не касаясь всѣхъ подробностей развитія судебной власти Совѣта, остановимся на нѣкоторыхъ данныхъ, важныхъ вообще для характеристики судебного значенія учрежденія.

Что касается прежде всего вопроса объ утвержденіи

137) Мы коснемся вопроса о Совѣтѣ, какъ апелляціонной инстанціи позднѣе, когда будетъ изучать исторію Сената въ эпоху правленія Совѣта.

138) О политической смерти см. въ моемъ изслѣдованіи „О наказаніи“ и пр., стр. 367 сл.

139) О Сенатѣ, какъ судебномъ учрежденіи, см. у С. А. Петровскаго, *ib.*, стр. 246 сл.

Совѣтомъ приговоровъ по преступленіямъ, которыя влекли за собою смертную казнь или политическую смерть, то указомъ 8 Октября 1726 г. повелѣно „о винахъ“ присужденныхъ къ такимъ наказаніямъ, не чиня экзекуціи, подавать для доклада „Ея И. Величеству въ В. Т. Совѣтъ краткіе экстракты“ (VII, № 4964). Вопросъ объ этихъ приговорахъ возникъ вскорѣ послѣ учрежденія Совѣта, а именно уже въ началѣ Іюня того-же года, по слѣдующему очень характерному поводу: 10 Іюня Екатерина узнала, что въ этотъ день назначено казнить черезъ сожженіе нѣкоего Бѣляева и потребовала отъ Юстиць-коллегіи „точного извѣстія“ — „какъ оный осужденъ и за что“; затѣмъ Императрица, выслушавъ доношеніе прокурора коллегіи по этому дѣлу, спросила: „для чего, въ присутствіи ея въ резиденціи, такую казню, которая не всегда случается, человѣка хотятъ отъ коллегіи сжечь, необъявля“ ей, при чемъ высказала, что „хотя-бы кому надлежало и политическую смерть учинить“, а именно, „вырѣзавъ поздри, сослать въ вѣчную каторжную работу“, — то „и о такихъ надлежитъ, прежде экзекуціи, докладывать“ ей, конечно, тогда, когда государыня „изволитъ быть въ резиденціи“. Послѣ этого Юстиць-коллегія обратилась къ Сенату за разъясненіемъ „гдѣ и черезъ кого“ докладывать ей Императрицѣ о подобныхъ дѣлахъ; Сенатъ, въ свою очередь, вошелъ „съ доношеніемъ“ въ Совѣтъ, въ результатъ чего и явился вышеприведенный указъ (LVI, стр. 123 сл.). При Екатеринѣ, Совѣтъ, дѣйствительно, послѣ этого указа, и представлялъ на утвержденіе Императрицы приговоры о смертной казни (см., напр., ib, стр. 569). Надо думать, однако, что, издавая этотъ указъ, Совѣтъ лишь повиновался ясно выраженной волѣ Императрицы, а самъ вовсе не находилъ нужнымъ вообще брать на себя ревизію приговоровъ, хотя и по многочисленнымъ, но во всякомъ случаѣ, обыкновеннымъ преступленіямъ, которыя влекли за собою тогда смертную казнь, и въ особенности — политическую смерть. Этимъ и

объясняется, вѣроятно, что уже въ слѣдующемъ году, въ царствованіе Петра II, онъ отмѣняетъ свое постановленіе и отсылаетъ въ Сенатъ всѣ полученные имъ изъ коллегій и канцелярій экстракты о колодникахъ, приговоренныхъ къ этимъ наказаніямъ, повелѣвая Сенату разсмотрѣть ихъ „немедленно, а разсмотря, учинить по государственнымъ правамъ“; затѣмъ, приказываетъ „впредь изъ коллегій и канцелярій о такихъ колодникахъ краткія выписки для разсмотрѣнія подавать въ Сенатъ, а въ губерніяхъ такіа дѣла разсматривать губернаторамъ съ товарищи“ (VII, № 5218; ср. LXIX, стр. 60). Здѣсь Совѣтъ оставляетъ такимъ образомъ прежній порядокъ утвержденія приговоровъ Сенатомъ, находя, вѣроятно, что съ одной стороны право апелляціи на Сенатъ Совѣту достаточно гарантируетъ интересы осужденныхъ, а съ другой, что этотъ порядокъ ничѣмъ не умаляетъ судебного значенія самого Совѣта, на утвержденіе котораго идутъ всѣ приговоры по дѣламъ важнымъ. Затѣмъ Совѣтъ счелъ нужнымъ, въ началѣ слѣдующаго 1728 г. (а именно указомъ 5 Января), — когда Сенатъ представилъ ему на утвержденіе списокъ нѣсколькихъ лицъ, приговоренныхъ къ политической смерти и другимъ наказаніямъ, — вновь подтвердить, что „впредь о такихъ колодникахъ, которые являются будутъ не въ важныхъ дѣлахъ, чинить рѣшеніе по указамъ Сената; а о важныхъ, со мнѣніемъ, докладывать“ Совѣту (VIII, № 5224). Это насъ приводитъ къ вопросу о томъ, какія дѣла назывались тогда „важными“ и какъ относились къ нимъ Совѣтъ, въ качествѣ верховнаго судебного учрежденія.

Что касается перваго вопроса, то, какъ это видно изъ одного указа 24 Мая 1727 г., къ дѣламъ „важнымъ“ относились дѣла по такъ называемымъ „первымъ 3-мъ пунктамъ“. Указъ этотъ, опредѣляя порядокъ доношенія по дѣламъ „новымъ и важнымъ“, къ послѣднимъ относитъ дѣла „о первыхъ 3-хъ пунктахъ, т. е. первое, ежели кто за

къмъ злое умышленіе на здоровье Его И. Величества, второе объ измѣнѣ, третье о возмущеніи или бунтѣ“ (VIII, № 5078) ¹⁴⁰). Дѣла по этимъ 3-мъ (или 2-мъ) пунктамъ, — которыя въ это время начинались обычно, сказываніемъ „государева слова и дѣла“, — являлись ничѣмъ инымъ, какъ дѣлами политическими, при чемъ на практикѣ подъ нихъ подводились самыя разнообразныя дѣянія ¹⁴¹), хотя еще при Петрѣ, указомъ 1713 г., было разъяснено, что „слово и дѣло“ могло относиться лишь къ дѣламъ „о ихъ, государевомъ, здоровьѣ и высокомонаршей чести, о бунтѣ и измѣнѣ“, почему указъ запрещаетъ кому-либо сказывать „слово и дѣло“ — „кромѣ помянутыхъ причинъ“, угрожая, что виновные въ этомъ будутъ „въ великомъ наказаніи и развореніи и сосланы будутъ на каторгу“ (V, № 2755). Но этотъ, какъ и другіе указы, направленные противъ нелѣпныхъ доносовъ (которые тогда, частію подъ влияніемъ обѣщаній, со стороны правительства, большихъ наградъ доносителямъ, особенно умножились), не могли стѣснять ни при Петрѣ В., ни послѣ него самихъ учреждений, вѣдавшихъ политическія дѣла. Совѣтъ, впрочемъ (подобно петровскому Сенату), въ царствованіе Екатерины I, — когда существовала Преображенская канцелярія, — занимался политическими дѣлами лишь въ очень рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Наоборотъ, при Петрѣ II, Совѣтъ сталъ посвящать этимъ дѣламъ много вниманія, то являясь

140) Ср. ст. 1, 2 и 3, гл. II, Уложенія Царя Алексѣя Михайловича.

141) См. примѣры этого въ соч. Г. В. Есипова „Люди стараго вѣка“ (С.-Пб. 1880), стр. 63; М. М. Семейскаго „Слово и дѣло“ (С.-Пб. 1885). Замѣтимъ при этомъ, что „первые 3 пункта“ указа 24 Мая 1727 г., обыкновенно, въ петровскихъ указахъ сливаются въ „два первыхъ пункта“, подъ которыми и разумѣются дѣла политическія, или сказываніе „слова и дѣла“ (V, № 2877); тоже самое, впрочемъ, надо сказать и о позднѣйшихъ указахъ царствованія Петра II: въ указѣ объ упраздненіи Преображенской канцеляріи, 4 Апр. 1729 г., подъ „важными“ дѣлами разумѣются дѣла по первымъ 2-мъ пунктамъ (VIII, № 5397).

первою инстанцію по наиболее важнымъ изъ нихъ (дѣламъ первыхъ двухъ или трехъ пунктовъ), то вышею, назначающею предварительное слѣдствіе, или - же ревизиющею приговоръ Сената или другаго суда, коему было поручено разсмотрѣніе дѣла по существу ¹⁴²⁾. Общее выраженіе въ законѣ этотъ установившійся *de facto* порядокъ нашелъ, однако, лишь въ указѣ 4 Апрѣля 1729 г., коимъ уничтожалась Преображенская канцелярія. Въ этомъ указѣ повелѣвалось во 1-ыхъ, чтобъ въ случаѣ, если, при закрытіи учрежденія, окажутся „такія дѣла, что они ни малаго времени терпѣть не могутъ, о тѣхъ той канцеляріи секретарямъ докладывать немедленно“ Совѣту. Совѣтъ, такимъ образомъ, временно, принимаетъ на себя рѣшеніе текущихъ и нетерпящихъ отлагательства дѣлъ закрываемаго учрежденія. Что-же касается до тѣхъ дѣлъ, „которыя вновь приходятъ будутъ“, то, если они будутъ „состоять въ

142) Въ журналахъ Совѣта за царствованіе Петра II, читаемъ по-этому такія записи: „чтено подметное письмо, которое привезъ баронъ А. И.; разсуждено того подметчика сыскивать изъ Сената“; „по доношенію сенатскому, раздьякону Ив. Иванову, который сказалъ за собою государево слово, а въ разпросѣ показалъ . . . учинить наказаніе“; или „объявлено 2 письма“ и представлено 2 колодника, которые „спрашиваны отъ министровъ самихъ“; или „Осипа Скорога, по прежнему указу, въ Сибирь посылать; а буде еще станеть сказывать слово, то не вѣрить, а высѣчь еще“; „изъ двухъ посадскихъ . . ., изъ которыхъ (одинъ) называлъ бурмистра бунтовщикомъ, а не доказалъ, учинить наказаніе — бить кнутомъ, а о другомъ — быть по опредѣленію сенатскому; или, въ одномъ изъ журналовъ читаемъ, что „допущены были сенаторы (2) и спрашиваны, что учинено въ Сенатѣ по дѣлу гренадера и доносили, что тотъ гренадеръ пыталъ четырежды и прежнія рѣчи отмѣнилъ, а именно сперва говорилъ, что убить, а нынѣ говорить, что побить. И оный гренадеръ представляень былъ предъ господъ министровъ, и спрашиванъ отъ самихъ; потомъ представлень и посадскій человекъ, на котораго онъ доносилъ и спрашиванъ отъ гг. министровъ самихъ“ (LXXXIV, стр. 123, 570, 578 сл., 662 сл.); или читаемъ: „доносителей свободить и дать имъ по 20 р. и послать на Воронежъ въ капралы“; „Бестужевъ былъ впущень и спрашиванъ словесно отъ самихъ (министровъ) по его письмамъ; письма принять въ В. Т. Совѣтъ и разобрать, а ему, Б., сказано отъ гг. министровъ, чтобъ онъ съ своего двора до указу не съѣзжалъ“ (LXXIX, стр. 414, 544 сл.).

первыхъ 2-хъ пунктахъ“, о нихъ должно было немедленно „докладывать“ въ Совѣтъ, а „о прочихъ, которыя меньше важности“ — въ Сенатѣ. При этомъ для однихъ Совѣтъ является первою инстанціею, для другихъ-же лишь ревизующею приговоръ: „а впредь о касающихся дѣлахъ по первымъ двумъ пунктамъ колодниковъ и дѣла присылать въ нашъ В. Т. Совѣтъ; а о прочихъ, въ которыхъ меныне важности, въ Сенатъ“ (VIII, № 5397). Что по дѣламъ послѣдняго рода приговоръ поступалъ на ревизію Совѣта, это видно не только изъ указанныхъ выше выписей изъ журналовъ (прим. 142), но и изъ приведеннаго уже нами указа 5 Января 1728 г. (ib., № 5224). Намъ еще придется коснуться этихъ дѣлъ, когда мы будемъ изучать судебную функцію Сената; поэтому остановимся пока лишь на тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ Совѣтъ, по уничтоженіи Преображенской канцеляріи, являлся первою инстанціею. Это было прежде всего, тогда, когда дѣло шло о преступленіяхъ по первымъ 2-мъ или 3-мъ (что все равно) пунктамъ. Надо замѣтить, что и при существованіи Преображенской канцеляріи, Совѣтъ постановлялъ рѣшенія по дѣламъ, которыя разсматривались въ канцеляріи (повидимому, впрочемъ, лишь въ болѣе важныхъ случаяхъ), а равно и бралъ, по разнымъ поводамъ, ея дѣла къ своему разслѣдованію¹⁴³). Мало этого: нѣкоторые политическія

143) „крѣплены протоколы объ учиненіи, содержащимся въ Москвѣ, въ Преображенскомъ Приказѣ, колодникамъ наказанія и о ссылкѣ въ Сибирь“ (LXIX, стр. 242); или: „слушаны дѣла и рѣшены о колодникахъ Преображенской канцеляріи, о чемъ велѣно сочинить протоколъ . . . ; а о прежде слушанныхъ дѣлахъ протоколъ закрѣпленъ“; „по доношенію д. т. с. кн. Ромодановскаго (начальника канцеляріи) послать указъ, чтобъ онъ тѣмъ дѣламъ, на которыя требовалъ рѣшенія, прислалъ краткія выписки“ (ib., LXIII, стр. 778 и др.); „начата слушать выписка изъ Преображенской канцеляріи о іеромонахѣ Маркелѣ, разсуждено выправить; буде оное дѣло не подлежитъ суду гражданскому, то отослать въ Синодъ“ (ib., LXIX, стр. 60); „взятое дѣло изъ Преображенскаго при-

дѣла прямо поступали въ Совѣтъ и если были несложны, то быстро имъ разсматривались, а затѣмъ и рѣшались; при бѣльшей ихъ сложности, назначалось, конечно, слѣдствіе. Что касается перваго рода дѣлъ, то въ журналахъ можно найти въ высшей степени характерныя записи о судѣ Совѣта. Такъ, напр. 7 Августа 1728 г. записано, что изъ Сената пришелъ т. с. Плещеевъ и донесъ, что „подметчикъ письма, которое прибито было у дворца, сысканъ“ и, какъ ранѣе было приказано, приведенъ въ Совѣтъ; затѣмъ, онъ былъ „спрашиванъ отъ министровъ самихъ . . . и за подметъ приказано учинить (ему) наказаніе и сослать въ работу, въ Рогервикъ, а о дѣлахъ, о которыхъ онъ показываетъ, слѣдовать, о которыхъ можно . . .“ Въ томъ-же засѣданіи „представленъ былъ“ Совѣту, присланный б. Остерманомъ, посадскій человекъ Ив. Пушниковъ, который донесъ, что „солдаты били его кнутомъ извончицимъ, поднявъ на суднѣ на мачту. А приведенный - же (въ Совѣтъ) вахмистръ и драгунъ сказали, что оный П. пойманъ съ краденнымъ платьемъ и битъ отъ всего народа, потому взятъ на судно драгунами и сказалъ за собою „слово и дѣло“, а на мачту его не подымали. Разсуждено: вахмистра и драгуна свободить, а П. высѣчь батогами за кражу и за сказываніе

каза объ аранскомъ архимандритѣ отдано по прежнему въ тотъ приказъ“; „слушана вѣдомость изъ Преображенскаго приказа о Погребовѣ и учиненный прежній протоколъ. Разсуждено по оному его, Погребова, взять, и спрашиванъ отъ гг. министровъ самихъ и разсуждено послать его въ Сибирь“ (LXXXIV, стр. 568, 57, 390). Какъ эти, такъ и другія подобныя записи, не отличаются ясностью; изъ нихъ, однако, видно, что Совѣтъ являлся иногда первою инстанціею и для этихъ дѣлъ. Въ одномъ изъ журналовъ Совѣта (отъ 3 Марта 1727 г.) находимъ указаніе, что дѣла „о государевомъ словѣ и дѣлѣ“ должны рѣшаться на мѣстѣ; а „ежели-же на которое дѣло точныхъ указовъ къ рѣшенію не същется, о томъ писать въ В. Т. Совѣтъ“ (LXIII, стр. 198). Можетъ быть, частію, этимъ-же мотивомъ объясняется переносъ дѣлъ изъ Преображенской канцеляріи въ Совѣтъ, хотя могли дѣйствовать и другія соображенія: интересъ къ данному дѣлу со стороны Совѣта, связь его съ дѣлами Совѣта и т. п.

„слова“ и освободить (LXXXIV, стр. 252 сл.). При этомъ бывали, напр., такіе случаи, какъ записанный въ журналѣ 30 Октября 1727 г.: „въ Совѣтъ былъ призванъ сенаторъ, Григорій Юсуповъ; и велѣно ему привести мужика Никиту Федцова, который сказалъ за собою слово, а никому не объявляетъ, который былъ приведенъ и спрашиванъ; но понеже сказалъ не самаважное, опредѣлено то дѣло отдать къ комиссіи генералъ-лейтенанта Салтыкова, и то доношеніе хотѣлъ отдать и самъ объявить баронъ Андрей Ивановичъ ему, Салтыкову . . .“ (LXIX, стр. 600). Еще чаще, конечно, дѣло не могло быть рѣшено такъ быстро, какъ это мы видѣли выше, почему Совѣтъ, принявъ предварительныя мѣры, постановлялъ свое рѣшеніе лишь позднѣе. Напр., Совѣту 5 Юля 1728 г. былъ представленъ нѣкій чернецъ Подвинскій; по обыкновенію, его „спрашивали министры сами“; затѣмъ „допросъ“ его былъ записанъ, „а по запискѣ велѣно держать его, Подвинскаго, въ В. Т. Совѣтъ подъ крѣпкимъ карауломъ и никого къ нему не пускать, а давать ему кормовыя деньги и вина по чарки“; затѣмъ 8 Юля „допросъ“ этотъ былъ заслушанъ Совѣтомъ и велѣно взять въ Совѣтъ изъ Преображенской канцеляріи дѣло архимандрита Аранскаго монастыря, которое имѣло какую-то связь съ показаніями Подвинскаго. Затѣмъ уже въ журналѣ 26 Юля читаемъ, что рѣшено его „послать въ Сибирь, сообща прежде барону“; позднѣе, въ журналѣ 21 Августа, записано, что приговоръ измѣненъ и Подвинскій ссылался въ Каменный монастырь „въ братство“ (LXXXIV, стр. 46, 218, 390). Какъ ни кратки эти записи и какъ ни мало онѣ даютъ объясненій по вопросамъ о винѣ подсудимыхъ, мотивахъ рѣшеній и пр., онѣ во всякомъ случаѣ показываютъ, что Совѣтъ являлся въ нѣкоторыхъ дѣлахъ первою и единственною судебною инстанціею, беря на себя при этомъ роль, и слѣдователя, и судьи; иногда, впрочемъ, Совѣтъ передавалъ слѣдствіе и судъ въ

другія руки ¹⁴⁴⁾, оставляя себѣ лишь ревизію приговоровъ.

Указанные примѣры касались весьма простыхъ и несложныхъ политическихъ дѣлъ, которыя быстро могли разрѣшаться Совѣтомъ. Но Совѣту приходилось, въ той или иной мѣрѣ, принимать участіе въ нѣсколькихъ обширныхъ и важныхъ процессахъ. Какъ учрежденіе не-юридическое, Совѣтъ не руководился здѣсь какими-либо строго-установленными и одинаково ко всѣмъ обвиняемымъ примѣняемыми формами; частію, это объяснялось различіемъ личностей подсудимыхъ и ихъ дѣяній: кн. Меншиковъ и гр. Девіэръ, смоленскій шляхтичъ Лярскій и генераль - фискаль Мякининъ, дѣла коихъ велись или самимъ Совѣтомъ, или при его участіи, были люди столь непохожіе другъ на друга,—какъ по своему положенію и значенію въ обществѣ, такъ и по взводимыхъ на нихъ обвиненіямъ и пр., — что, конечно, сами процессы о нихъ принимали совершенно различное теченіе и разрѣшеніе. Надъ Меншиковымъ, напр., вовсе не рѣшились производить слѣдствія и суда: 8 Сентября 1727 г. объявленъ „арестъ“ Меншикову; 9 числа Петру II доложена „записка руки вице-канцлера, б. Остермана, о Меншиковѣ и другихъ, которая сочинена была передъ прихо-

144) См., напр., журналъ 24 Октября 1727 г., въ которомъ записано, что сенаторъ Новосильцевъ „подалъ доношеніе Астраханскому полку о гренадерѣ Алексѣевѣ, который доноситъ того-жъ полка на офицера Писарева, въ непристойныхъ словахъ, и то доношеніе чтено, и приказано ему того гренадера изъ подлинныхъ рѣчей пытаться; и то доношеніе отдано ему назадъ“ (LXIX, стр. 560); или, напр., записано: „по доношенію лицъ учрежденнаго суда о доносителѣ Ильинѣ, который доносилъ о важныхъ непристойныхъ словахъ, повелѣно: быть по мнѣнію помянутаго суда . . .“ (ib., стр. 608); или, напр., читаемъ, что оберъ-секретарь Сената Вибиковъ подалъ сенатское доношеніе Совѣту „о дякоу, содержащимся въ непристойныхъ словахъ. Оное доношеніе отдано ему, г. В., по прежнему, и притомъ приказано, чтобъ о томъ велѣли розыскивать и слѣдовать въ Москвѣ сенатскому члену, гр. Мусину-Пушкину“ (LVI, стр. 78); или „чтена выписка о фискалѣ Зуевѣ“; постановлено: „розыскивать въ Москвѣ въ Преображенскомъ Приказѣ . . .“ (ib., 69).

домъ Его Величества (въ засѣданіе) по общему совѣту всего В. Т. Совѣта, и Его Величество потому (т. е. по рѣшенію Совѣта) чинить и указы свои приготовить и посылать указалъ . . . ; а по выходѣ Его В., указъ о лишеніи чиновъ кн. Меншикова написанъ, который Его В. въ покояхъ своихъ подписать изволилъ“ при чемъ Меншиковъ ссылакъ въ Ораніенбаумъ (LXIX, стр. 271 сл.). Такъ просто рѣшена была участь Меншикова и лишь позднѣе, когда Меншиковъ былъ уже въ ссылкѣ, нашли возможнымъ сдѣлать ему допросъ по обстоятельствамъ, выяснявшимся изъ розыска, который велся надъ близкими къ нему, въ томъ или иномъ отношеніи, людьми ¹⁴⁵). Но если допросъ этого, еще недавно „полудержавнаго властелина“, могъ быть произведенъ лишь тогда, когда онъ, уже осужденный и безсильный, находился въ ссылкѣ, то съ тѣмъ бѣльшимъ усердіемъ и вниманіемъ принялись за розыскъ надъ людьми ему близкими, а главное — за конфискацію его громадныхъ богатствъ : въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Совѣтъ занимался дѣломъ Меншикова (LXIX, стр. 270—927), то разбирая его указы и переписку и производя по нимъ разслѣдованіе ¹⁴⁶), то отыскивая его дви-

145) Именно, въ журналѣ 17 Ноября 1727 г. записано, что „въ бытность Его И. Величества высокою особою въ В. Т. Совѣтѣ, между иными дѣлами, положено послать къ князю Меншикову какую нарочную особу, который бы могъ о всемъ, такожъ и о взятіи денегъ, его допросить и съ принужденіемъ и угрозами, что ежели онъ подлинно о томъ о всемъ, какъ у него происходило, не объявитъ, то съ нимъ и на чѣе поступлено будетъ, да-бы онъ толь скорѣе и подлиннѣе о томъ объявленіе учинилъ ; такожъ положено, чтобъ его все имѣніе и письма, которыя при немъ имѣются, запечатать и потомъ переписать подробно и пересмотрѣть, а и здѣсь обрѣтающіяся его, князя Меншикова, какія есть письма, потому-жъ пересмотрѣть, не явятся-ли въ нихъ какихъ черныхъ отпусковъ“ (LXIX, стр. 767. „Допросные пункты“ Меншикову, составленные Совѣтомъ -- *ib.*, стр. 843 сл.).

146) См., напр., запись отъ 20 Сентября того-же года, гдѣ сказано, что „чтенъ экстрактъ изъ писемъ князя Меншикова, о чемъ которыя, куда посланы и о чемъ, велѣно справитъ ся ; ставлены крыжи ру-

жимое и недвижимое имущество, на которое являлась уже масса претендентов; то, наконец, постановляя приговоры о лицахъ, причастныхъ къ дѣяніямъ сверженнаго временщика: суда здѣсь не было, а былъ лишь розыскъ, пристрастный и мало-доказательный. Осуждая, напр., одного изъ близкихъ людей къ Меншикову — Алексѣя Волкова, Совѣтъ плохо мотивируетъ это осужденіе ¹⁴⁷⁾, приводя лишь противъ Волкова одно показаніе Военной коллегіи, которое говоритъ больше противъ Меншикова, чѣмъ противъ самого Волкова. Конечно, все дѣло это, по особому, совершенно исключительному, положенію Меншикова, не можетъ быть названо типичнымъ для уясненія вообще роли Совѣта въ политическихъ процессахъ, но оно во всякомъ случаѣ очень важно для характеристики учрежденія, въ основѣ коего лежали не столько правовыя начала, сколько олигархическо-политическія тенденціи. . .

Дѣло Меншикова, которому Совѣтъ посвятилъ такъ много вниманія, было, впрочемъ, едва-ли не единственнымъ большимъ политическимъ дѣломъ, гдѣ Совѣтъ самъ являлся и слѣдователемъ и судьей; обычно, какъ первая инстанція, Совѣтъ велъ лишь дѣла небольшія и несложныя,

кою барона Андрея Ивановича Остермана: а о нѣкоторыхъ приказано именно“; „у секретаря, бывшаго при князѣ Меншиковѣ, взять сказку, подъ смертною казнью, всѣ-ли письма въ книгу записаны у него-жь: также у Виста и у прочихъ, которые у него, кн. Меншикова, письма посылали“ (ib., стр. 394 сл.).

147) Указъ объ осужденіи Волкова гласитъ слѣдующее: „1727 г. Ноября въ 6 день, Его И. Величество указалъ: попеже Алексѣй Волковъ, бывъ при князѣ Меншиковѣ, явился во всѣхъ его, князя Меншикова, непорядочныхъ и худыхъ поступкахъ согласникъ, и произвожденіемъ его, противно указамъ, получилъ себѣ чинъ воинскій, какъ о томъ показано изъ Военной коллегіи, того ради, за такимъ подозрѣніемъ, данную ему кавалерію Святаго Александра отъ него отобрать и чиновъ его военныхъ лишить, такожъ и данныя ему въ нынѣшнемъ 1727 году деревни и московскій дворъ отъ него взять и отписать на Его И. Величество; и жить ему, Волкову, въ деревняхъ своихъ“ (ib., стр. 716; ср. также стр. 708).

примѣры коихъ были уже указаны выше, что, конечно, исполнѣ понятно: Совѣтъ такъ былъ занятъ сложною задачею законодательной и административной дѣятельности, что не могъ еще тратить свое время на веденіе слѣдствія и суда въ обширныхъ процессахъ; поэтому онъ отдавалъ ихъ другимъ учреждениямъ. Очень можетъ быть, что чувство общественнаго приличія также играло здѣсь извѣстную роль. Вести самому Совѣту такіе процессы, — какъ гр. А. Девіара, гр. П. Толстого и др., какъ дѣло Ив. Лярскаго, обвинявшагося „въ продерзости“ противъ Меншикова, и др., — было, конечно, весьма неудобно; поэтому они и ведутся, или особымъ судомъ, или Сенатомъ (VII, № 5084; LVI, стр. 135 сл.), а Совѣтъ оставляетъ за собою лишь ревизію приговоровъ¹⁴⁸⁾.

Кромѣ дѣлъ политическихъ, Совѣтъ, обыкновенно, назначалъ предварительное слѣдствіе по дѣламъ о преступленіяхъ по должности. Напр., Сенатъ представилъ Совѣту „доношеніе“ одного писаря на капитана флота Андрея Расселіуса, котораго онъ обвинялъ въ кражѣ казеннаго имущества и просилъ изслѣдовать его дѣло гдѣ-либо, „кромѣ Адмиралтейской коллегіи“. Такъ какъ кража происходила въ тавровскомъ

148) Приговоръ о Девіарѣ и пр., хотя и былъ опубликованъ, какъ манифестъ, но онъ, однако, прежде своего обнародованія, былъ представленъ „для апробаціи“ въ Совѣтъ изъ „учрежденнаго суда“, которому это было уже „велѣно“ сдѣлать раньше (LXIII, стр. 601); что касается дѣла Лярскаго, то въ журналѣ 28 Сентября 1825 г., читаемъ, что „была слухана выписка, поданная изъ Сената“ по этому дѣлу, при чемъ рѣшено, чтобы „по выданнымъ польскимъ декретамъ, которые подтверждены королевскою грамотою и за перемѣну вѣры греческаго исповѣданія и за безчестье свѣтлѣйшаго князя, объявить ему надлежитъ смертную казнь и о томъ для здравія Ея И. В. отъ того освободить, но за показанныя вины по правамъ учинить ему наказаніе: бить кнутомъ, сослать въ Сибирь“. Къ этому добавлена слѣдующая замѣтка: „при слушаніи той выписки, свѣтлѣйшій князь выходилъ въ другую палату“; запись эта интересна и потому, что Сенатъ, въ своемъ доношеніи, предлагалъ лишь смертную казнь; но Совѣтъ смягчилъ наказаніе (LVI, стр. 118 сл.; 144 сл.).

адмиралтействѣ Воронежской губ., то Совѣтъ приказалъ : „о изслѣдованіи того дѣла послать указъ къ Воронежскому вице-губернатору и что по слѣдованію явится, о томъ ему писать“ (LXXXIV, стр. 576). Иногда, Совѣтъ посылалъ на мѣсто особыхъ слѣдователей, какъ это, напр., было имъ рѣшено, послѣ чтенія челобитенъ на калужскаго воеводу Потемкина „въ обидахъ“, при чемъ воевода и его товарищъ еще до слѣдствія были отстранены отъ своихъ должностей (ib., стр. 147, 329). Когда въ 1727 г., Сенатъ, при разборѣ одного дѣла, увидалъ „неправое слѣдованіе генераль-фискала Мякинина“ и нашелъ, что онъ долженъ быть преданъ военному суду, онъ обратился къ Совѣту съ доношеніемъ „не повелено-ли будетъ“ его, М., „за показанное непорядочное слѣдствіе и рѣшеніе“, отдать подъ судъ, мотивируя это обращеніе тѣмъ, что „онъ Мякининъ нынѣ генераль-фискаломъ“, а потому, слѣдовательно, Совѣту самому надлежитъ рѣшить вопросъ о преданіи его суду. Совѣтъ согласился съ Сенатомъ (LXIII, стр. 692, 688), приказавъ отослать его „на крихъ-рехтъ“ въ Военную коллегію.

Какъ уже мы говорили выше, Совѣтъ, какъ высшая судебная инстанція, рѣшалъ вопросъ о переносѣ дѣлъ изъ одного суда ¹⁴⁹⁾ или учрежденія въ другой; ему представляла усмотрѣніе дѣла тогда, когда судьи ихъ „зачѣмъ рѣшить ихъ не могутъ“, какъ говорится въ одномъ изъ журналовъ Совѣта (LVI, стр. 120); онъ разрѣшалъ, по частнымъ челобитьямъ, „судъ дать съ головы“ (LXXIX, стр. 491) и т. п.

149) Напр., въ журналѣ 17 Іюля 1728 г. записано, что „впущень (быль) Юрья Нелединскій и подавъ челобитную, чтобъ Плещееву дѣль его не вѣдать за ссорами. Разсуждено тѣ дѣла отдать въ комиссію, въ которой быть . . .“ (указываются имена судей) — LXXXIV, стр. 123. Въ другомъ журналѣ записано, что Совѣтъ, выслушавъ колодника, фискала Меркузова, рѣшилъ „отослать въ Сенатъ, чтобы онъ, забравъ дѣла его изъ Преображенскаго и другихъ мѣстъ“, рассмотрѣлъ ихъ и представилъ Совѣту (LXXIX, стр. 195).

Далѣ, Совѣтъ развивалъ широко надзоръ за дѣйствіями судовъ. Такъ, онъ слѣдитъ за скорымъ и безволочитнымъ рѣшеніемъ дѣлъ судами, требуетъ, чтобъ Сенатъ доставлялъ ему „статейные списки о колодникахъ“ изъ всѣхъ коллегій и канцелярій. Эти списки должны были содержать подробныя свѣдѣнія, „кто, въ какихъ дѣлахъ, и съ которыхъ чиселъ держатся, и въ каковы кто годы, и для чего дѣла ихъ долговременно не рѣшены“, при чемъ Сенату предписывалось имѣть „крѣпкое смотрѣніе“, чтобъ „колодники отнюдь долговременно держаны не были“, въ тюрьмахъ различныхъ канцелярій и коллегій (VII, № 4989). Другой указъ требуетъ, въ интересахъ наблюденія за скорымъ рѣшеніемъ дѣлъ, доставленія въ Совѣтъ слѣдующихъ свѣдѣній: „сколько гдѣ, какихъ дѣлъ въ каждомъ мѣсяцѣ, дѣйствительно, рѣшено, и сколько не рѣшено и для чего и съ котораго времени какое дѣло началось“, угрожая судьямъ, за неисполненіе указа, строгими наказаніями (ib., № 5157; ср. еще LXXIX, стр. 127). Но, кромѣ этихъ и другихъ подобныхъ мѣръ, въ коихъ выражались общее верховенство Совѣта въ дѣлѣ суда, Совѣтъ, и по жалобамъ частныхъ лицъ, постоянно отдаетъ распоряженія „о немедленномъ рѣшеніи“ такого - то дѣла (LXIX, стр. 458 и др.), почему мы и читаемъ въ журналахъ, напр., такія записи: „Бенкендорпи отослать челобитную въ Сенатъ и чтобъ немедленно рѣшили“ (LXIX, стр. 806); или „дѣло Акинфова съ кн. Юсуповымъ въ недвижимомъ имѣніи рѣшить Сенату по указамъ и по государственнымъ правамъ безъ замедленія и безволочитно“ (ib., стр. 861) и т. п.; бывали, наоборотъ, случаи, гдѣ Совѣтъ приказывалъ приостановиться рѣшеніемъ дѣла¹⁵⁰). Въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ поданныхъ чело-

150) Напр., Совѣтъ приказалъ „по дѣлу Вотчинной коллегіи Куракиныхъ обождать до пріѣзда его, А. Куракина“; изъ другаго жур-

битій оказывалось, что дѣло замедлялось рѣшеніемъ по винѣ какого-либо учрежденія, Совѣтъ требовалъ объясненій медленности, приказывая въ то-же время озаботиться безотлагательнымъ его рѣшеніемъ ¹⁵¹⁾ и т. д. Иногда, Совѣту приходилось понуждать не только къ скорѣйшему рѣшенію дѣла, но и къ приведенію въ исполненіе состоявшагося уже приговора. Такъ, когда состоялся приговоръ по извѣстному въ то время дѣлу „о лицахъ смоленской шляхты“, перешедшихъ изъ православія въ католичество (LXXXIV, стр. 241; VIII, № 5322), Совѣтъ призвалъ сенатскаго оберъ-прокурора и приказалъ ему „справиться съ Синодомъ, есть-ли до смоленской шляхты, которые назначены въ ссылки, какое духовное дѣло, а буде нѣтъ, чтобъ ихъ отправили, конечно, послѣ завтра“ (ib., стр. 353). Совѣтъ здѣсь, какъ-бы предвидя медленность въ исполненіи приговора, заранее принимаетъ мѣры противъ этого.

Мы уже неразъ имѣли случай указывать, что Совѣтъ постепенно сосредоточивалъ въ себѣ всѣ челобитья, всѣ обращенія къ высочайшей милости по тѣмъ или инымъ поводамъ; изученіе челобитенъ, приложенныхъ къ протоколамъ Совѣта, давая интересную картину общественнаго быта и нравовъ эпохи, въ то-же время показываетъ ясно, какъ выросло съ теченіемъ времени значеніе самого учрежденія. Чѣмъ меньше посетители верховной власти могли „персонально присутствовать“ въ Совѣтѣ, на чтó у Совѣта въ началѣ была еще „причина уповать“ (LV, стр. 93), и чѣмъ меньше они, вообще, принимали участіе въ его рѣшеніяхъ, тѣмъ чаще, конечно, поступающія сюда челобитья разрѣша-

нала видно, что кн. Александру Куракину самъ Совѣтъ позволилъ остаться нѣкоторое время въ Парижѣ, чѣмъ и объясняется указанное распоряженіе (LXXIX, стр. 271, 491).

151) Напр., въ протоколъ 6 Октября 1727 г. читаемъ, что „Его И. В. указалъ дѣло, имѣющееся въ Юстицъ-коллегіи, иноземца Александровой жены Клеркова вдовы Сары, съ д. ст. сов. Юріемъ Нелединскимъ-

лись самимъ Совѣтомъ, хотя и продолжали подаваться въ Совѣтъ на высочайшее имя. Не только просьбы о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла, или переносѣ его изъ одного суда въ другой и т. п., но и челобитья о смягченіи наказанія, или о помилованіи, о замѣнѣ одного наказанія другимъ, или „о непорицаніи прежнимъ наказаніемъ“ постоянно поступали въ Совѣтъ и разрѣшались имъ то съ доклада, то безъ доклада императорской власти. Укажемъ нѣсколько примѣровъ этого рода дѣятельности Совѣта, остановившись прежде всего на послѣднемъ изъ приведенныхъ выше случаевъ. Въ протоколѣ отъ 13 Декабря 1727 г. читаемъ, что „по сему прошенію“, которое приложено къ протоколу, „Его И. В. повелѣли Алексѣю Чоглокову, который былъ на Олонцѣ комендантомъ и наказанъ, о непорицаніи его тѣмъ наказаніемъ дать ему указъ изъ Сената; и о томъ въ Сенатъ послать указъ“ (ib., стр. 846). Здѣсь Совѣтъ, указомъ Сенату, повелѣваетъ не порицать Чоглокова тѣмъ тѣлеснымъ наказаніемъ, которому онъ былъ подвергнутъ „предъ собственнымъ лицомъ“ Петра, а затѣмъ прощенъ имъ, какъ это видно изъ челобитья самого Чоглокова ¹⁵²⁾; такое повелѣніе необ-

Мелецкимъ о залушеніи имъ, Нелединскимъ, казенной доимки на иноземцѣ Зутберхѣ, по преждепосланному указу изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Мая 28 дня прошлаго 1726 года, какъ о томъ указы повелѣваютъ, рѣшить немедленно. А для чего то дѣло по сіе время въ Юстицъ-коллегіи не рѣшено, и Сенатъ на той коллегіи послѣ подаванія въ Верховный Т. Совѣтъ рапортовъ не взыскивалъ, о томъ Сенату въ В. Т. Совѣтъ отвѣтствовать“ (LXIX, стр. 467); ср. еще указъ 19 Августа 1728 г. гдѣ предписывается Сенату „разсмотрѣть . . . для чего то дѣло долговременно не рѣшено“ (VIII, № 5323). Надо также замѣтить, что не одна только медленность и волокита въ рѣшеніи дѣлъ вызывали Совѣтъ на требованіе объясненій отъ подвѣдомственныхъ учреждений, но и другія замѣченныя нарушенія правилъ судопроизводства. Такъ, въ только-что приведенномъ указѣ Сенату, Совѣтъ потребовалъ объясненій: „для чего вышесписанные (въ указѣ) малолѣтныя пытанья не въ совершенныхъ лѣтахъ“.

152) Приведемъ это интересное челобитье въ подлинникѣ: „по указу блаженныя и вѣчностойныя памяти дѣда Вашего, Государя Его

ходимо было дать, чтобы возстановить „честь“ Чоглокова, потому что (какъ это видно изъ одного петровскаго указа) „публично-наказанные“ лишались „имѣнагося“ у нихъ „титла и рангу, развѣ они отъ насъ (т. е. отъ государя) за какія выслуги паки, за собственною нашею рукою печатью, въ совершенную ихъ честь возстановлены (будутъ) и о томъ публично объявлено будетъ“¹⁵³). Петръ, хотя и простилъ Чоглокова, но указа объ этомъ, въ установленной имъ-же формѣ, ему не далъ, почему послѣдній и подалъ челобитье, въ которомъ просилъ „явить къ нему милость“ и „милостивымъ указомъ“, отъ имени Его И. Величества, „освободить его отъ такого пореканія“, что Совѣтъ и исполняетъ уже самъ.

Обращаясь къ челобитьямъ о помилованіяхъ и смягченіи наказаній, замѣтимъ прежде всего, что Совѣту не разъ приходилось пересматривать тѣ политическія дѣла, которыя велись до него и, обыкновенно, окончивались ссылкой, конфискаціею имущества и пр. Съ переменною правленія, когда на престолѣ, по смерти Екатерины I, находился Петръ II, казалось, напр., справедливымъ и необходимымъ пересмотрѣть дѣла, такъ или иначе связанныя съ именемъ царе-

Им. Величества, былъ я на Олонцѣ и на Олонецкихъ заводахъ комендантомъ, и Его Им. Величество изволилъ о заводскихъ дѣлахъ на меня, нижайшаго, гнѣвъ свой возымѣть и предъ собственнымъ своимъ лицомъ наказаніемъ истязать по словесному своему Императорскаго Величества изволенію безъ письменнаго произведенія; и описано было у меня движимое и недвижимое имѣніе, потомъ нѣсколько времени держанъ я былъ подъ карауломъ, и Его жъ Им. Величество пожаловалъ меня въ томъ гнѣвѣ своемъ, изволилъ простить и изъ подъ караула освобожденъ и движимое и недвижимое мои имѣнія мнѣ отданы; и былъ я въ Ямбургѣ комендантомъ, а въ прошломъ 1726-мъ году въ Серпуховѣ земскимъ комиссаромъ. А нынѣ нѣкоторые меня, нижайшаго, онымъ наказаніемъ порекаютъ и затѣмъ въ искахъ моихъ въ Московской губерніи и въ иныхъ чинятъ остановки и волокиту, причитая меня яко-бъ по вершеннымъ дѣламъ публично наказаннымъ“ (ib.).

153) См. мое изслѣдованіе „О наказаніи“, стр. 371.

вича Алексѣя. Извѣстно, напр., что новый порядокъ престолонаслѣдія, введенный Петромъ В., вызвалъ мѣстами не только неудовольствіе, но и сопротивленіе ¹⁵⁴⁾; одно изъ дѣлъ, вызванныхъ этимъ порядкомъ, а именно дѣло Ив. Нѣмчинова „съ товарищами“, кончилось смертною казнію однихъ осужденныхъ, ссылкой — другихъ. При Петрѣ II, это сопротивленіе не могло казаться столь преступнымъ, какъ прежде, и вотъ Совѣтъ, согласно челобитью оставшихся въ живыхъ участниковъ дѣла, повелѣваетъ „свободить ихъ съ каторжной работы“, въ которую они были посланы „за неприсяганіе о наслѣдствіи престола російскаго“ (LXIX, стр. 110). Или, напр., въ 1718 г. были посланы въ Сибирь Абрамъ Лопухинъ „съ товарищи“; въ новое царствованіе нашли необходимымъ не только освободить осужденныхъ отъ наказанія, что Совѣтъ и дѣлаетъ уже въ самомъ началѣ царствованія ¹⁵⁵⁾, но и возвратитъ имъ недвижимое ихъ имущество ¹⁵⁶⁾. Конечно, не одни политическія дѣла восходили, по челобитьямъ частныхъ лицъ, къ Совѣту и не по нимъ однимъ освобождалъ онъ осужденныхъ отъ наказанія, или замѣнялъ одно другимъ ¹⁵⁷⁾, но именно эти дѣла особенно характерны для пониманія значенія учрежде-

154) *ib.*, стр. 7, сл.

155) Уже въ журналѣ 21 Іюля 1727 г. читаемъ, что было „приказано записать указъ, чтобъ тѣхъ людей, которые въ прошломъ 1718-мъ году, по дѣлу, которое было въ розыскной канцеляріи у Петра Толстова, посланы въ ссылку, свободить, а именно: изъ Сибири Александра Лопухина, Семена Ваклановскаго, Григорія Сабаккина; изъ Кольскаго острога Степана Лопухина, князя Семена Щербатова и прочихъ, которые по тому-жъ дѣлу посланы. И о томъ къ губернаторамъ послать указы; такожъ Гаврила Лопухина, который въ Астрахани при адмиралтействѣ, оттуда уволить; и о томъ въ адмиралтейскую коллегію послать указъ“ (LXIX, стр. 121); Абрамъ Лопухинъ умеръ 9 Дек. 1718 г.

156) *Опись Сен. Арх.*, № 3154.

157) См., напр., дѣло подъячаго Худеяровскаго, обвиненнаго за злоупотребленія при кронштатскихъ работахъ и неправый доносъ (LXIX, стр. 451 сл.) и др.

нія: Совѣтъ, будучи самъ учрежденіемъ политическимъ, преслѣдуя самъ партійныя цѣли, яснѣе, чѣмъ всякое другое учрежденіе, понималъ, какъ много случайнаго можетъ входить въ подобные процессы и какъ нуждаются иногда приговоры по нимъ въ пересмотрѣ.

Челобитья о помилованіи или смягченіи наказаній не- всегда непосредственно поступали въ Совѣтъ, но вносились въ него иногда и при „доношеніяхъ“ другихъ учреждений, напр., Сената. Въ одномъ изъ такихъ „доношеній“, по упомянутому уже дѣлу Худеяровскаго, Сенатъ, соглашаясь съ доводами челобитчицы, жены осужденнаго, что надлежитъ мужа ея „отъ каторжной работы свободить, понеже онъ глазами слѣпъ“, и послать его съ женою и дочерью въ ссылку въ Сибирь (такъ какъ нынѣ жена съ дочерью „ски- таются межъ дворъ и прописанія не имѣютъ“), добавляетъ, однако, что „мнѣнія своею о томъ написать не можетъ“, конечно, потому, что „оное состоитъ изъ высокой Вашего И. Величества милости“ (ib., стр. 452), т. е. право помило- ванія принадлежитъ лишь верховной власти. Въ дѣйстви- тельности-же, особенно въ царствованіе Петра II, Совѣтъ нерѣдко самъ совершаетъ этотъ актъ монаршей милости, хотя, конечно, въ протоколахъ и пишется, какъ всегда, что „по сему-де доношенію Его И. Величество указалъ“ освободить такого-то и пр. (ib., стр. 451)¹⁵⁸). Въ тор- жественные дни, напр., по случаю коронаванія Петра II, этотъ актъ находилъ себѣ выраженіе въ общемъ смягченіи наказаній, сложеніи штрафовъ и пр., для цѣлыхъ разрядовъ

158) Когда актъ милости, дѣйствительно, исходилъ отъ импера- торской власти, журналъ Совѣта отмѣчалъ это: напр., въ журналѣ 31 Юля читаемъ, что „баронъ Андрей Ивановичъ приказалъ объявить, что Его И. Величество пожаловалъ иноземца, купческаго человѣка Экерта, который закололъ секретаря медицинской канцеляріи, указалъ отъ смерти его свободить, а взять штрафа на гошпиталь 300 р., а вмѣсто наказанія вмѣнить ему долговременное въ полиціи дер- жаніе“ (LXXXIV, стр. 238).

осужденныхъ (VIII, № 5243), при чемъ Совѣтъ одни дѣла отдавалъ на разсмотрѣніе Сенату, другія оставлялъ себѣ, требуя представленія о нихъ въ Совѣтъ „особливыхъ вѣдомостей“, на основаніи коихъ совершалъ акты милости, подобныя вышеуказанному. Но и представляя извѣстный разрядъ дѣлъ Сенату (напр., сложеніе штрафовъ), Совѣтъ, въ качествѣ высшей инстанціи, требовалъ затѣмъ доставленія ему подробныхъ свѣдѣній, „что по сему указу учинено будетъ“.

Сравнивая дѣятельность Совѣта въ области суда въ оба царствованія, въ общемъ, нельзя не замѣтить, что при Петрѣ II Совѣтъ отдаетъ больше времени и вниманія судебнымъ дѣламъ (особенно — политическимъ), чѣмъ при Екатеринѣ I, когда онъ являлся, по преимуществу, высшимъ законодательно-административнымъ учрежденіемъ. Этимъ отчасти и объясняется тотъ фактъ, что, хотя царствованіе Екатерины I было вдвое короче царствованія Петра II, на него приходится, на нашъ взглядъ, гораздо болѣе важныхъ законодательныхъ и административныхъ актовъ Совѣта, чѣмъ на царствованіе Петра II, такъ какъ Совѣтъ тогда менѣе отвлекался, въ своей дѣятельности, веденіемъ судебныхъ и иныхъ дѣлъ (какъ, напр., дѣлъ по высшей полиціи), которыя стали столь занимать его вниманіе въ послѣднее царствованіе. Это расширеніе компетенціи Совѣта объяснялось въ свою очередь тѣмъ, что при юномъ Императорѣ, особенно послѣ паденія Меншикова, Совѣтъ неминуемо становился, самымъ складомъ всѣхъ событій царствованія, учрежденіемъ, которое правило государствомъ „вмѣсто персоны“ монарха. Стремленіе къ политическому господству, которое отличало это олигархическое учрежденіе во все его недолгое существованіе, не находило себѣ теперь никакого ограниченія ни въ личности монарха, ни въ такихъ временщикахъ, какъ Меншиковъ. При томъ Совѣту, какъ таковому, могло казаться совершенно естественнымъ расширеніе своей власти почти до предѣловъ власти монарха, такъ

какъ во 1-ыхъ на это наталкивала его сама тогдашняя дѣйствительность, а во 2-хъ Совѣтъ, предоставленный самому себѣ, не опираясь болѣе въ своей власти на волю царствовавшей особы, — которая, какъ это было при Екатеринѣ I, исполнѣ сознательно шла на признаніе верховнаго значенія учрежденія, — долженъ былъ самъ заботиться о поддержаніи и усиленіи своей власти и значенія. Казалось, что не было къ этому болѣе удобнаго и легкаго средства, какъ расширеніе своей компетенціи до возможно - большихъ предѣловъ, сосредоточіе въ своемъ вѣдомствѣ всѣхъ разнородныхъ функцій государственнаго управленія въ широкомъ смыслѣ этого слова, вслѣдствіе чего всѣ и за всѣмъ обращались бы въ Совѣтъ, какъ въ верховное учрежденіе, и онъ являлся - бы почти единственнымъ вершителемъ судебъ каждаго. Расширеніе судебной функціи Совѣта, было поэтому лишь однимъ изъ выраженій общей тенденціи Совѣта, дошедшей до своего апогея къ концу существованія Совѣта. Многое въ этомъ верховенствѣ Совѣта было, конечно, случайнымъ, являлось лишь, если можно такъ выразиться, попустительствомъ со стороны верховной власти, вынустившей изъ своихъ слабыхъ рукъ бразды правленія, но это верховенство Совѣта, особенно при маломъ умѣнѣ общества отличать фактъ отъ права, было такъ ярко, такъ наглядно, что оставалось лишь закрѣпить его, при первомъ удобномъ случаѣ, политическимъ актомъ въ незыблемое право. Известны „кондиціи“, предложенныя Совѣтомъ Аннѣ Иоанновнѣ и ею принятыя. Наши ученые, касавшіеся вопроса объ этихъ кондиціяхъ, какъ А. Д. Градовскій, Д. А. Корсаковъ и др., выставляютъ ихъ заимствованными изъ Швеціи. Такъ первый изъ названныхъ ученыхъ, обсуждая дѣятельность Совѣта, послѣ паденія Меншикова, говоритъ, что члены его „захватываютъ въ свои руки всѣ дѣла и вмѣсто военнаго правленія Меншикова, является олигархія въ самыхъ грубыхъ формахъ, олигархія, стремившаяся при томъ одѣться въ шведское платье и изображать

собою Государственный Совѣтъ. Наши вельможи В. Т. Совѣта пожелади играть роль Государственнаго Совѣта Швеціи и предложить Аннѣ Іоанновнѣ такія условія, какія въ 1718 г. въ Швеціи приняла Ульриха Элеонора“ („Высшая администрація“, стр. 145). Такъ, далѣе, Д. А. Корсаковъ говоритъ, что „стоитъ только припомнить насколько сильно было вліяніе шведскаго государственнаго устройства на кн. Д. М. Голицына, а затѣмъ сопоставить „кондиціи“ верховниковъ, политическій планъ кн. Голицына, и „пункты“ присяги съ приведенными (въ изслѣдованіи автора) выдержками изъ актовъ шведскаго сейма 1719—1720 гг. чтобы придти къ весьма вѣроятному предположенію о заимствованіи изъ нихъ кн. Д. М. Голицынымъ въ его политическихъ проэктахъ: кн. Д. М. Голицынъ, очевидно, хотѣлъ присвоить „родословнымъ людямъ“ и В. Т. Совѣту то самое значеніе, которое придавала аристократіи и шведскому Государственному Совѣту аристократическая партія сейма 1719—1720 г.“ („Воцареніе И. Анны“, стр. 284 сл.). Мысль о заимствованіи „кондицій“ изъ актовъ шведскаго сейма представляется, въ силу доводовъ, приведенныхъ Д. А. Корсаковымъ, весьма основательною. Очень возможно, что кн. Д. М. Голицынъ облекъ актъ ограниченія самодержавія, призываемой на русскій престоль герцогини курляндской Анны, въ знакомыя ему шведскія формы, почему-либо попавшія ему въ это время на глаза. Но, однако, это не даетъ намъ права понимать подобнаго чисто случайнаго и внѣшняго заимствованія такъ, какъ понималъ его А. Д. Градовскій, предписавшій Совѣту стремленіе „одѣться въ шведское платье“ и „розыграть роль Государственнаго Совѣта Швеціи“. Совѣту не для чего было играть чужую роль, когда его собственная роль, — въ царствованіе Петра II, по крайней мѣрѣ, — была такова, что прямо наводила на мысль закрѣпить за собою *de jure* то, что *de facto* ему и безъ того принадлежало. И вотъ почему „кондиціи“, предложенныя Аннѣ Іоан-

новнѣ, въ сущности, не вносили фактически ничего новаго въ дѣятельность Совѣта, который и раньше, отчасти уже при Екатеринѣ I, пользовался всѣмъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ себѣ юридически гарантировать при воцареніи Анны. Случайно „кондиціи“ могли быть списаны съ известнаго шведскаго образца; но этотъ образецъ именно потому и былъ къ этому пригоденъ, что въ немъ было кодифицировано кратко и точно все то, чѣмъ уже владѣлъ Совѣтъ въ концѣ своего существованія. Пригодность шведскаго образца объяснима частію и тѣмъ, что самъ Совѣтъ, какъ это указывалось нами выше (стр. 13 сл.), уже при своемъ учрежденіи, хотя и отвѣчалъ известнымъ потребностямъ времени, являлся, однако, установленіемъ, созданнымъ не безъ вліянія шведскаго государственнаго устройства. Припоминая содержаніе „кондицій“¹⁵⁹⁾ Аннѣ Иоанновнѣ и сопоставляя это содержаніе съ дѣятельностью Совѣта, какъ въ дѣлахъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, обзорѣніе коей дано было нами выше, легко убѣдиться въ справедливости всего сказаннаго.

Попробуемъ въ заключеніе нашего очерка сдѣлать небольшую характеристику дѣятельности Совѣта въ цѣломъ, не касаясь, конечно, пока реформы Сената и всѣхъ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ этою реформою, такъ какъ намъ придется говорить объ этомъ еще неразъ особо.

Обозрѣвая дѣятельность Совѣта въ цѣломъ, нельзя не придти къ выводу о незначительности ея общихъ результатовъ. Причины этого довольно сложны. Прежде всего Совѣтъ, какъ это неразъ отмѣчалось нами выше, былъ учрежденіемъ политическаго характера. Политическія цѣли, которыя лежали въ его основаніи и которыя онъ постоянно и неуклонно проводилъ въ своей послѣдующей дѣятельности, не могли прежде всего не вліять на его правительствующую роль, не могли не умалять его дѣло-

159) См. „Воцареніе Анны Иоан.“ (стр. 17 сл.).

ваго значенія: Совѣтъ, какъ учрежденіе новое, неокрѣпшее, долженъ былъ ревниво относиться къ развитію своего политическаго значенія, что въ свою очередь отражалось на характерѣ его дѣятельности въ дѣлѣ управленія. Совѣтъ не былъ учрежденіемъ, подобнымъ Боярской Думѣ, которая могла спокойно и величаво, въ своемъ образѣ стародавняго, изстариннаго учрежденія, править дѣлами государства; ему, наоборотъ, приходилось еще завоевывать въ общемъ мгнѣніи свою силу и значеніе. Олигархическій характеръ учрежденія дѣлалъ это завоеваніе весьма непрочнымъ, хотя идея политическаго учрежденія, стоящаго рядомъ съ верховною властію, „при особѣ Государя“, какъ говорятъ часто, имѣла за себя немало основаній въ прошломъ. Затѣмъ, оцѣнивая дѣятельность Совѣта по ея результатамъ, нельзя не принять во вниманія и того важнаго обстоятельства, что Совѣту пришлось дѣйствовать непосредственно послѣ той напряженной, дѣятельной эпохи, когда реформа слѣдовала за реформой, когда во всѣхъ сферахъ народной и государственной жизни господствовало сильное возбужденіе. Совѣту пришлось быть учрежденіемъ эпохи реакціи, что и надо имѣть постоянно въ виду, оцѣнивая результаты его дѣятельности: Совѣтъ долженъ былъ разбираться въ сложныхъ задачахъ петровской реформы, оставшихся для послѣдующихъ эпохъ далеко не въ разрешенномъ видѣ. Мы уже имѣли случай нѣсколько разъ указывать, гдѣ Совѣтъ отступалъ и гдѣ слѣдовалъ предначертаніямъ великаго императора. Такая дѣятельность, уже по самой сущности, не могла быть слишкомъ видною, замѣтною, хотя и она, конечно, имѣла свое значеніе въ общемъ движеніи XVIII вѣка, такъ какъ показывала ясно, что въ петровской реформѣ выдерживало испытаніе времени и что должно было быть оставлено. Совѣтъ, какъ учрежденіе, принимавшее непосредственное и живое участіе во всѣхъ дѣлахъ верховнаго управленія, могъ, конечно, вносить свои поправки въ законодательство предшествующаго

царствованія на основаніи богатаго опыта своей правительственной дѣятельности; онъ и дѣлалъ это, поскольку этому не мѣшали его политическія задачи.

Нельзя не обратить, наконецъ, вниманія на кратковременность существованія учрежденія. Будучи созданъ указомъ 8 Февраля 1726 г., Совѣтъ былъ уже „отставленъ“ манифестомъ 4 Марта 1730 г. (VIII, № 5510). Въ этотъ небольшой промежутокъ времени Совѣтъ пережилъ два, столь непохожія другъ на друга, царствованія, пережилъ во 2-ое царствованіе паденіе Меншикова, а затѣмъ, хотя и очень краткую, но фатальную для него эпоху послѣ смерти Петра II до „воспріятія самодержавства“ Анною, когда было поднято столько вопросовъ громадной политической важности. Эти внѣшнія событія, выпавшія на время существованія учрежденія, имѣли громадное внутреннее значеніе для его жизни, такъ какъ благодаря имъ, долженъ былъ совершенно иначе ставиться самый вопросъ о политической роли Совѣта въ отдѣльные моменты его правленія. Кратковременное существованіе учрежденія было такимъ образомъ очень безпокойно, а это въ свою очередь не могло не отражаться на его дѣятельности.

Послѣ этихъ замѣчаній, которыя, какъ намъ кажется, достаточно ясно объясняютъ причины незначительности общихъ результатовъ дѣятельности Совѣта, остановимся на нѣсколькихъ крупныхъ примѣрахъ послѣдней. Возьмемъ при этомъ такіе примѣры, гдѣ Совѣтъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, измѣнялъ первоначальныя основанія реформы. Такіе примѣры лучше всего помогутъ намъ подтвердить вышесдѣланную оцѣнку дѣятельности Совѣта.

Какъ извѣстно, однимъ изъ основаній реформы, весьма послѣдовательно и строго проведеннымъ Петромъ В., было такъ наз. коллегіальное начало управленія (см. мое изслѣдованіе „О наказаніи“ и пр., стр. 9 сл.). „Птенцы гнѣзда Петрова“, коимъ пришлось послѣ него править го-

сударством, не могли, однако, весьма скоро не замѣтить, что начало это на практикѣ даетъ совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ ожидалъ отъ него Петръ В. Уже въ журналѣ 15 Юня 1726 г. записано, что въ Совѣтѣ „разсужденіе было о множественномъ числѣ въ коллегіяхъ членовъ, отъ чего въ жалованьѣ происходитъ напрасный убытокъ, а въ дѣлахъ успѣху не бываетъ“, почему и предположено сдѣлать докладъ Императрицѣ объ убавкѣ членовъ коллегій до 6 человекъ, при чемъ „быть изъ нихъ одной половинѣ въ С.-Петербургѣ при коллегіи, а другой въ домѣхъ своихъ съ перемѣною погодно“. Такимъ образомъ составъ каждой коллегіи уменьшался почти вдвое (членовъ въ коллегіи нормально полагалось 10), и благодаря принятой системѣ погодныхъ отпусковъ сводился къ самому минимальному своему числу — 3-мъ членамъ. Позднѣе, въ докладѣ Императрицѣ отъ 13 Юля того-же года, Совѣтъ нѣсколько подробнѣе мотивируетъ свое рѣшеніе во 1-хъ необходимою упорядочить дѣлопроизводство коллегій, во 2-хъ значительнымъ сокращеніемъ расходовъ казны на жалованье членамъ, и, наконецъ, въ 3-хъ пользою для самихъ служащихъ, отпускаемыхъ въ деревни на долгіе сроки ¹⁶⁰). Такъ, по расчету Совѣта убавка состава

160) Въ докладѣ указано, что „по штату въ штатскихъ коллегіяхъ положено быть въ каждой: президентъ 1, вице-президентъ 1, совѣтниковъ 4, ассесоровъ 4. Итого 10 человекъ. А понеже въ такомъ множественномъ числѣ во управленіи лучшаго успѣху быть не можетъ, ибо оны все въ слушаніи дѣлъ за едино ухо почитаются и не токмо чтобъ лучший способъ былъ, но отъ многова разногласія въ дѣлахъ остановка и продолженіе, а въ жалованье напрасной убытокъ происходитъ. Того ради за лучшее быть разсуждается. Ежели Выше И. Величество соизволите опредѣлить при президентѣ и вице-президентѣ совѣтниковъ по 2, ассесоровъ по 2, всего по 6 человекъ въ коллегію. Изъ нихъ быть во управленіи дѣлъ половинѣ, а другой въ домѣхъ съ перемѣною по - годно, и которые будутъ въ домѣхъ тѣмъ жалованья не давать. Такимъ образомъ: 1) въ дѣлахъ могутъ поступать не надѣясь другъ на друга,

5-ти штатскихъ коллегій съ 10-ти до 6-ти членовъ въ каждой даетъ казнѣ сокращеніе бюджета на 5790 р.; отпускъ половины новаго нормальнаго состава — 6900 р., сокращеніе, по тому времени, довольно значительное. Но, какъ указано самимъ Совѣтомъ, не это сокращеніе расходовъ руководило имъ въ столь рѣшительномъ уменьшеніи состава коллегій: Совѣтъ, очевидно, не находилъ пользы въ многочисленности штата коллегій — съ одной стороны, этимъ порождалось „отъ многоаго разногласія въ дѣлахъ остановка и продолженіе“, съ другой — тамъ, гдѣ этого разногласія не было, этотъ многочисленный штатъ коллегій лишь понапрасну обременялъ бюджетъ, такъ какъ всѣ члены коллегій „въ слушаніи дѣлъ за едино ухо почтиаются“ т. е. пассивно относятся къ исполненію своихъ обязанностей. Намъ неразъ приходилось отмѣчать, что Совѣтъ весьма близко стоялъ къ условіямъ тогдашней дѣйствительности и живо интересовался всѣми сторонами управленія. Надо думать, что и въ этомъ случаѣ, онъ лишь отмѣтилъ въ своемъ докладѣ то, на что ему приходилось постоянно наталкиваться въ дѣятельности коллегій. Набюденія Совѣта надъ этою дѣятельностью подтверждались и въ послѣдствіи другими авторитетными лицами (напр., гр. Минихомъ, гр. Сперанскимъ и др.), которыя передали потомству свои впечатлѣнія о недостаткахъ „коллежскаго“ управленія почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ, какъ и Совѣтъ въ указанномъ выше докладѣ. Но, если наблюденіе было сдѣлано правильно, то едва-ли средство противъ замѣченныхъ недостатковъ, было указано вѣрно: Совѣтъ не измѣривалъ зла глубоко, не направлялся на изслѣдованіе его причинъ, а принималъ какую-то полумѣру, не рѣшаясь ни отказаться прямо отъ коллегіальности учрежденій, ни отстаетъ

какъ вышѣ во многихъ персонахъ происходитъ; 2) въ дачѣ жалованья напраснаго убытку не будетъ; 3) будучи они у тѣхъ дѣлъ съ перемѣною дома свои надзирать будутъ“ (LV, стр. 459; ср. 363).

вать петровскую реформу въ цѣломъ. Такая полумѣра не могла имѣть будущности. Небезынтересно также отмѣтить, что Совѣтъ въ своихъ засѣданіяхъ, по окончаніи преній, никогда не пускалъ дѣлъ на голосованіе. Въ протоколахъ засѣданій отмѣчены случаи несогласія отдѣльныхъ членовъ съ мнѣніемъ большинства, бывали примѣры отказа членовъ отъ подписки протоколовъ, но нѣтъ даже намековъ на голосованіе — такъ мало этому юридическому выраженію начала коллегіальности придавалъ Совѣтъ значенія, между тѣмъ, какъ Петръ В. считалъ его столь важнымъ и необходимымъ для правильнаго теченія дѣлъ въ учрежденіяхъ.

Намъ придется еще, касаясь роли Сената, говорить о дѣятельности Совѣта въ реформѣ центральныхъ учрежденій. Дѣлая ея общую оцѣнку здѣсь, мы ограничимся пока лишь замѣчаніемъ, что нигдѣ такъ сильно не сказалось политическое значеніе Совѣта, какъ въ этой реформѣ и нигдѣ оно такъ не мѣшало дѣловому значенію его. Поэтому намъ представляется совершенно вѣрнымъ замѣчаніе П. Н. Милокова, что „осуществленное путемъ партійной борьбы, новое учрежденіе не только не упорядочило, но, можетъ быть, еще болѣе запутало отношенія между центральными инстанціями“. Это, конечно, объяснялось тѣмъ, что одна задача не совпадала съ другой, разбивала силы и вниманіе, почему, — говоря словами того-же автора, — „административно-техническія цѣли этой реорганизаціи (высшаго центральнаго управленія) отошли на задній планъ передъ цѣлями политическими“ (ib., стр. 680).

Обратимся къ дѣятельности Совѣта въ области мѣстнаго управленія. Извѣстны тѣ основныя начала, кои были заложены въ мѣстное наше управленіе Петромъ В. и затѣмъ развиты Екатериною II ¹⁶¹⁾ В. Т. Совѣтъ сильно колебалъ эти начала: принципъ коллегіальности управленія

161) См. формулировку основныхъ началъ петровской реформы мѣстнаго управленія въ моемъ изслѣдованіи „О наказаніи“, стр. 28 сл.

и раздѣленія вѣдомствъ, наряду съ организаціею особаго управленія городовъ и привлеченіемъ мѣстныхъ общественныхъ силъ къ областнымъ правительственнымъ установленіямъ, потерпѣли теперь почти полное крушеніе въ системѣ мѣстнаго управленія. Совѣтъ пытается частію вернуться къ областному управленію XVII вѣка, частію оставляетъ кое-что изъ новаго. Замѣчательно, что и здѣсь его наблюденія надъ недостатками мѣстнаго управленія схвачены вѣрно, критика ихъ сильна и основана на знаніи дѣйствительности, но положительная сторона реформы, то, что Совѣтъ предлагаетъ на смѣну имъ, нисколько не исправляетъ этихъ недостатковъ, почему мѣстная реформа Совѣта просуществовала весьма недолго, а петровскія начала мѣстной реформы нашли затѣмъ вновь, при Екатеринѣ II, свое дальнѣйшее развитіе. Въ этомъ, несомнѣнно, лежитъ ихъ историческое оправданіе съ одной стороны и осужденіе недальновидной политики Совѣта — съ другой. Какъ ни много было, напр., правды въ словахъ указа Екатерины I, продиктованнаго ей Совѣтомъ¹⁶²⁾, что „умноженіе правителей и канцелярій“ дорого обходится странѣ и служить „къ великой тягости народной“, — это умноженіе, по скольку въ немъ выражался принципъ коллегіальности управленія и раздѣленія властей, когда -нибудь, при правильной постановкѣ дѣла, долженъ былъ найти себѣ примѣненіе въ жизни; возвращеніе къ дешевой (для государства — по крайней мѣрѣ) „сѣзжей избѣ“ московскаго воеводы, гдѣ послѣдній и правилъ, и судилъ, и подати собиралъ и т. д. было уже невысказано, что затѣмъ вскорѣ и оказалось. То-же самое надо сказать и объ обращеніи къ мѣстнымъ силамъ дворянства и городскаго населенія: попытки этого, сдѣланныя при Петрѣ В. и оставленныя при его ближайшихъ преемникахъ, возобновляются и крѣпнутъ

162) См., LV, стр. 411 сл.; 459 сл.; Сбор. отд. русск. яз. и слов. И. Академіи наукъ, т. IX, стр. 93 сл.; VII, № 5017.

въ своемъ значеніи и силѣ при Екатеринѣ II. Глубоковѣрными, на нашъ взглядъ, являются слова Ѳ. М. Дмитриева, что „областные учрежденія Петра не вынесли столкновения съ жизнью, но измѣняя ихъ сообразно требованіямъ вѣка, правительство могло, однако, сохранить то, что въ нихъ приходилось по времени, однообразіе, относительную простоту формъ. Оно этого не сдѣлало. Въ политическихъ смутахъ, начавшихся послѣ кончины Петра В., затерялась основная мысль его преобразованій, и дѣйствуя одними частными мѣрами, правительство до Екатерины II, нечувствительно возвращалось къ преданіямъ XVII вѣка“¹⁶³). Въ новѣйшемъ изслѣдованіи петровской реформы П. Н. Милюкова, авторъ, касаясь кратко судебъ реформы послѣ Петра В., приходитъ къ тому выводу, что „еслибы Петръ остался живъ еще нѣсколько лѣтъ, онъ еще дальше пошелъ-бы по пути націонализаціи своей государственной реформы — какъ онъ уже пошелъ по этому пути со времени ея перваго введенія въ 1718—1719 годахъ. Но Петръ умеръ и начатое при немъ приспособленіе реформы къ русскимъ пришлось довершать Верховному Совѣту. Измѣнило-ли это обстоятельство судьбу реформы? Едва-ли. Въ сущности, здѣсь дѣйствовали всѣ тѣ-же лица, которыя проводили реформу и въ послѣдніе годы Петра. Уже при жизни Петра мы привыкли, слѣдя за перемѣнами въ избранной нами области явленій наблюдать реформу безъ реформатора“¹⁶⁴). . . Можно согласиться, конечно, съ мыслию, что Совѣту пришлось довершать приспособленіе реформы къ русскимъ условіямъ, но нельзя не замѣтить, что это приспособленіе дѣлалось Совѣтомъ, въ общемъ, довольно неудачно, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло шло о реформѣ учреждений. При этомъ, вопреки мнѣнію автора, мы должны отнести значительную часть этой неудачи именно на счетъ того

163) „Исторія судебныхъ инстанцій“ (М. 1859); стр. 451 сл.

164) „Государственное хозяйство Россіи“ и пр., стр. 730 сл.; ср. стр. 672 сл.

обстоятельства, что это „приспособленіе“ реформы довершалось уже послѣ Петра В., хотя и тѣми-же лицами, которыя проводили реформу при немъ, но которыя, однако, были поставлены теперь въ совершенно иныя условія дѣятельности, чѣмъ при Петрѣ В. Самъ авторъ признаетъ, что при реорганизаціи центральныхъ учреждений, въ ближайшее послѣ Петра В. время, „административно-техническія цѣли этой реорганизаціи отошли на задній планъ передъ цѣлями политическими“. Это, конечно, вѣрно, но при этомъ также вполне несомнѣнно, что при жизни Петра В. эти политическія цѣли не могли-бы имѣть вовсе рѣшающаго вліянія на реформу; одно это уже придавало-бы совершенно другой характеръ преобразованію не только центральныхъ, но и мѣстныхъ учреждений. Прежде всего, конечно, Сенатъ или Совѣтъ министровъ, если-бы таковой явился на смѣну Сената, имѣлъ-бы тотъ чисто-дѣловой характеръ, котораго, въ своей роли политическаго учрежденія, никогда не могъ, въ борьбѣ за власть, строго выдержать В. Т. Совѣтъ преемниковъ Петра В. Затѣмъ, — какъ-бы ни умалялось значеніе личности Петра В. въ движеніи его времени — всякая „реформа безъ реформатора“, на нашъ взглядъ, теряетъ всю свою индивидуальность, ведется вяло, безъ того одушевленія и вѣры въ ея основанія, какія необходимы для реформатора. Именно такое впечатлѣніе получается при изученіи дѣятельности Совѣта, составленнаго изъ лицъ, проводившихъ реформу при Петрѣ, подъ руководствомъ и по волѣ великаго Императора: лица тѣ-же, однако, ихъ идеи и дѣйствія — другія, не только по вышеуказаннымъ причинамъ, но, можетъ быть, и потому, что надъ ними не стоитъ прежней непреклонной и сильной личности . . .

Заканчивая нашъ очеркъ по исторіи образованія и дѣятельности В. Т. Совѣта, мы считаемъ нужнымъ вновь напомнить, что разсматриваемъ его, какъ общее вступленіе къ исторіи Сената въ изучаемую эпоху, вступленіе, имѣвшее своею цѣлю, главнымъ образомъ, представить образъ того учрежденія, при которомъ пришлось дѣйствовать Сенату; поэтому всѣ вопросы, касающіеся организаціи Совѣта, его дѣятельности и пр., затронуты нами здѣсь лишь постольку, поскольку они служатъ этой цѣли.

вслѣдствіе плѣненія чувственностью могутъ, значить, возникнуть затрудненія касательно взаимнаго вліянія между субстанціальными духами и матеріальными міровыми элементами. Ибо одно только идеальное въ смыслѣ недѣйствительности, въ смыслѣ бессильныхъ думъ, кои, не принадлежа никакому субъекту, парили бы надъ міромъ, отнюдь не смогло бы вызвать движенія въ вещественномъ мірѣ, какъ и не могло бы ничего отъ него испытывать ¹⁾. Хотя поэтому къ связи между тѣломъ и душой и непримѣнима подобная машиностроительная форма науки, всетаки можно приобрѣсти цѣнныя познанія въ отвѣтъ на вопросъ, какія простыя внутреннія состоянія вообще и закономерно соотвѣтствуютъ внѣшнимъ простымъ раздраженіямъ: теорія физико-психическаго механизма должна быть въ указанномъ смыслѣ окказіоналистичной; то, что проективизмъ считаетъ за вызывающія причины, должно быть понято, какъ случаи, при которыхъ совершенно непримѣтнымъ образомъ наступаютъ опредѣленные результаты. Въ этой области точность изслѣдованія состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ доподлинномъ изученіи случаевъ: надобно стремиться познать фактическія внѣшнія условія, при которыхъ въ единствѣ представляющаго существа, не входя туда извнѣ, возникаетъ цѣлое чувственнаго міра ²⁾. Такъ напр., всякому бросается въ глаза тотъ фактъ, что всѣ раздраженія могутъ пробуждать ощущенія только по достиженіи мозга; правда, здѣсь мы имѣемъ во всякомъ случаѣ несомнѣнный фактъ, но не понимаемъ однако же ничуть, почему при этомъ условіи душа можетъ лучше перцепировать, чѣмъ прежде. Совершенно напрасно была бы надежда приблизиться къ пониманію этого „почему“ переложеніемъ оцущеній уже въ нервы: вѣдь и тогда оцущенія пришлось бы душѣ породить снова.

1) Med. Psych. 75, 93. Kl. Schr. II, 383, 384.

2) Med. Psych. 77, 78. Path. 62. Streitschr. 107. Mikr. I, 314. Kl. Schr. I, 197.

Съ той же точки зрѣнія надо судить и о процессахъ, гдѣ душевное состояніе обусловливаетъ физическія движенія: и здѣсь не бываетъ разрыва въ связи причинности. Это просто проективистическій предрассудокъ — считать безмассовую нематеріальную душу неспособною производить механическія воздѣйствія на матеріальную массу; только проективизмъ не находитъ удовлетворенія въ томъ, что переходъ волящаго и воздѣйствующаго размаха отъ души на тѣло не поддается наблюденію ¹⁾). Предъ душою уже есть простыя цѣлесообразныя движенія: она умѣетъ только вызывать внутреннія состоянія, къ которымъ примыкаетъ теченіе опредѣленныхъ движеній. Поэтому вовсе не мѣтки и всѣ сравненія нервныхъ центровъ съ клавиатурою, на которой якобы играетъ душа: послѣдняя вѣдь не имѣетъ никакого знанія о взаимномъ расположеніи этихъ воображаемыхъ клавишъ.

Итакъ все равно, исходимъ ли мы изъ тѣла, или изъ души, въ обоихъ случаяхъ, какъ мы видимъ, изъ реальныхъ основаній получаютъ слѣдствія, которыя мы не въ состояніи вывести изъ нихъ аналитически, а только синтетически можемъ координовать съ ними, какъ нѣчто новое. При такомъ воззрѣніи призрачными окажутся всѣ надежды, обращенныя на аналитико-конструктивный выводъ психическихъ процессовъ изъ непознанныхъ еще силъ опредѣленныхъ частей мозга. Если же захотятъ противопоставить намѣченному взгляду въ качествѣ его неудобопріемлемаго слѣдствія — сочувственную соотнесенность (*sympathetischer Rapport*) всѣхъ вещей, которая прекращала бы всяческую законосвязность условій, то стбитъ только указать, что означеннаго сочувствія нельзя толковать въ смыслѣ общенія всѣхъ вещей безъ постепенности и по-

1) Kl. Schr. II, 136, 158, 160, 161. Mikr. I, 316—318. Med. Psych. 95, 202. Streitschr. 110. 2. Metaph. 493.

рядка, а наоборотъ, между состояніями различныхъ существъ есть непоколебимая взаимообусловленность. Поэтому мысль нѣкоторыхъ мечтателей, будто душа можетъ имѣть общеніе и съ отдаленнѣйшими предметами безо всякаго физическаго посредничества, не такъ-то абсурдна, и невозможности ея нельзя доказать а priori. Только отсюда никакъ не слѣдуетъ, что это спиритское мнѣніе соответствуетъ истинному положенію дѣлъ ¹⁾. Вѣдь абстрактная мыслимость не содержитъ еще дѣйствительнаго существованія мыслимаго или возможнаго ²⁾.

Интересный эпизодъ исторіи борьбы противъ физическаго проективизма въ пониманіи душевной жизни составляетъ ученіе объ органахъ души. Эта теорія, правда, осуждаетъ матеріализмъ проективистичнаго характера и подымаетъ протестъ противъ совершеннаго смѣшенія души съ тѣломъ; но благодаря своей непослѣдовательности, т. е. вслѣдствіе того, что остается въ проективизмѣ, она запутывается еще въ ббльшихъ неясностяхъ, чѣмъ матеріализмъ. Она представляетъ собою безплодный срединный путь, не умѣющій независимость душевной жизни соединить съ обусловленностью ея мозгомъ ³⁾. Понятіе орудія сюда не подходитъ и только путаетъ, потому что родъ пособнической работы органа остается совершенно неразъясненнымъ, и напе незнаніе только прикрывается. Вѣдь нервы, напр., мы должны понимать не въ качествѣ органовъ, посредствомъ которыхъ происходитъ ощущение: нервы своими состояніями даютъ только условія или поводы, къ которымъ присовокупляются опредѣленные совершенно безтѣлесныя ощущенія; ибо духовная жизнь въ своей возможности должна основываться на соб-

1) Mikr. I, 320, 321, 340, 342. 2. Metaph. 497, 503. Kl. Schr. II, 143, 167.

2) Med. Psych. 81, 83.

3) Mikr. I, 354. Kl. Schr. II, 138-140.

ственной природѣ души ¹⁾. Значитъ, предположеніе, что специфическія формы душевной дѣятельности еще должны выдѣлываться или порождаться какими либо внѣшними средствами тѣлеснаго содѣйствія, вращается въ заповѣдномъ кругу физическаго проективизма, который не знаетъ за дѣйствующими существами никакой собственной природы и показаніемъ промежуточнаго малпиннаго устройства думаетъ въ корень понять осуществленіе всякаго конечнаго результата ²⁾.

Туманъ проективистическихъ предразсудковъ еще болѣе сгущается, какъ только ученіе объ органахъ, слѣдуя примѣру френологии, предпринимаетъ распредѣленіе функций духа между раздѣльными тѣлесными органами, которые, подобно пигменту, существовали бы исключительно для произведенія определенныхъ психическихъ явленій ³⁾. Одно только приученное къ самой внѣшней наглядности созерцаніе можетъ полагать, что духовныя функціи прямо таки производятся тѣми частями тѣлеснаго организма, коихъ измѣненія могутъ на нихъ воздѣйствовать. Въдѣ соображенія даже чисто проективистическаго характера могутъ уже довести до пониманія, что прекращеніе, или усиленіе какой либо духовной дѣятельности всегда допускаетъ нѣсколько толкованій: оно можетъ наступать, хотя бы испытало какое либо видоизмѣненіе и совершенно маловажное колесо во всемъ механизмѣ, которое и значеніе то получило только въ силу цѣлой связи ⁴⁾.

Пока вообще физиолого - психическое изслѣдованіе не въ состояніи показать, какъ физиологическими процессами выдѣлываются (*gemacht werden*) психическія явленія, и что физически надо совершать отдѣльнымъ элементамъ, чтобы дать

1) *Med. Psych.* 141, 142. 2) *Metaph.* 481, 584. *Mikr.* I, 355.

2) *Med. Psych.* 86. *Kl. Schr.* II, 143.

3) *Med. Psych.* 97, 108.

4) *Kl. Schr.* II, 139, 140. *Mikr.* I, 369.

возможность душевной дѣятельности проявиться, оно должно отказаться отъ маски обьяснительной науки и помириться съ такою же поправкой, что и френологія. И послѣдняя имѣетъ нѣкоторое право на существованіе, если хочеть быть не чѣмъ инымъ, какъ только предварительнымъ собраніемъ наблюденій, такъ чтобы, напр., нѣкоторыя выпуклости мозга считались простыми значками для наличности какого либо специфическаго направленія духовной жизни; лишь бы при этомъ не предполагалось, что именно выступающая часть массы имѣетъ особенное отношеніе къ опредѣленной функціи ¹⁾). Впрочемъ, надо прямо признать, что для высшей духовной жизни прежде всего имѣютъ значеніе количество, разнообразіе и напряженность, вообще, способъ соединенія и послѣдовательности возбужденій, доставляемыхъ душѣ различными частями тѣла: воздѣйствія со стороны тѣла сообщаются не столько черезъ особые органы, какъ черезъ весь строй его ²⁾).

Къ какимъ невыносимымъ слѣдствіямъ вынуждаетъ проективистическое распредѣленіе отдѣльныхъ областей психической жизни по опредѣленнымъ мѣстамъ мозга, ясно сказывается въ принятіи органа памяти, все равно, понимаютъ ли подъ нимъ одно только вспомогательное средство для собственной способности души къ воспоминанію, или же матеріалистически мозгъ дѣлаютъ прямо таки субъектомъ памяти. А именно: если бы наши нервныя органы имѣли задачей матеріально фиксировать впечатлѣнія, то требовалось бы, чтобы очертанія подлежащихъ воспріятію фигуръ за все время наблюденія постоянно падали какъ разъ на тѣ же самыя мѣста сѣтчатки; въ противномъ случаѣ отъ

1) 2. Metaph. 583, 584, 591. Med. Psych. 111—113. Mikr. I, 381.

2) Mikr. I, 383, 384. 2. Metaph. 591. Med. Psych. 83, 87, 104, 107, 108. Kl. Schr. II, 155, 351.

одного предмета не оставалось бы въ нихъ единого изображенія, но безчисленное множество различныхъ другъ ото друга, а изъ накопленія многихъ только сходныхъ не получалось бы явственнаго отображенія. Затрудненія увеличиваются, если сообразить, что уже не только отдѣльныя впечатлѣнія, но и необозримое множество разнообразныхъ ассоціацій между ними и правила, по которымъ онѣ составляются, тоже должны были бы быть укрѣплены въ мозгу. Но какъ же работа сплетенія, соединенія, раздѣленія и упорядоченія элементовъ сознанія можетъ исполняться дѣятельностью тѣлесныхъ органовъ ¹⁾?

Съ той же точки зрѣнія нужно конечно разсматривать и сложные случаи эстетическаго и моральнаго сужденія ²⁾. Правда, можно признать, что каждый отдѣльный актъ душевной дѣятельности сопровождается тѣлеснымъ процессомъ. Однако, этого содѣйствія нельзя усматривать въ томъ, чтобъ въ качествѣ средствъ для воспроизведенія означенныхъ актовъ духовной жизни были приданы особенныя орудія, но только въ томъ, что, благодаря этому содѣйствію, реализуются нѣкоторыя предварительныя и посредственно необходимыя условія означенныхъ функций ³⁾. За то нечего бояться признавать, напр., органъ пространственнаго воззрѣнія, равно какъ и центральный органъ языка: здѣсь дѣло не въ томъ, чтобы лишать душу свойственной ей дѣятельности; требуется только предположить соотвѣтственное физическое посредничество, которое въ одномъ случаѣ порожденіемъ потребныхъ побужденій даетъ поводъ къ психическому акту, а въ другомъ — вырабатываетъ внутренніе импульсы души

1) Kl. Schr. II, 47, 48. Med. Psych. 99, 100, 101, 88. Mikr. I, 365—368

2) Med. Psych. 101, 103. Mikr. I, 363.

3) Kl. Schr. II, 47, 144. Med. Psych. 107. Mikr. I, 364.

въ цѣлесообразную систему пространственныхъ движеній. Неприкосновенною остается при этомъ та мысль, что основаніе всякаго дѣйствія въ концѣ концовъ состоитъ въ непосредственномъ другъ - для - друга - бытіи элементовъ, или въ непосредственной сочувственной соотнесенности, и что физическіе посредничающіе процессы — только внѣшнія приготовленія, дѣлающія возможнымъ указанное непосредственное воздѣйствіе; послѣдняго въ свою очередь нечего уже болѣе объяснять какимъ-нибудь механизмомъ ¹⁾.

Близкимъ средствомъ съ задачею взаимодействія души и тѣла обладаетъ вопросъ о мѣсто-пребываніи души; здѣсь, какъ и тамъ, проявляются послѣдствія проективистическихъ привычекъ. Либо полагаютъ, что душа въ вездѣсущей дѣятельности разлита по всему тѣлу, на мѣстѣ воспринимая всѣ впечатлѣнія, и прямо снабжая побужденіями всѣ части ²⁾. Или же болѣе естественно-научнымъ образомъ приближаются къ примѣру тяготѣнія, сообразно которому привлекающія и отталкивающія основныя силы массъ дѣйствуютъ на безконечныя отдаленія безъ посредства, причемъ однако интенсивность ихъ дѣйствія убавляется съ увеличеніемъ разстоянія; по этому взгляду душа имѣетъ мѣстонахожденіе точкообразное, или же ограниченное одною опредѣленною областью мозга, откуда ея воздѣйствія въ опредѣленной постепенности направлялись бы въ безконечность ³⁾. Или же предпочитаютъ пониманіе, наиболѣе удовлетворяющее нашему желанію наглядности: всякое воздѣйствіе происходитъ де исключительно черезъ прикосновеніе, а душа обладаетъ единымъ точкообразнымъ мѣстопробываніемъ, къ которому должны быть при-

1) 2. Metaph. 585, 586, 588—590. Mikr. I, 357—359. Kl. Schr. II, 161.

2) Mikr. I, 352. Streitschr. 133.

3) 2. Metaph. 576. Mikr. I, 333.

водимы все возбужденія ¹⁾. Противъ всехъ этихъ мнѣній въ качествѣ инстанцій выступаютъ уже извѣстные факты наблюденія. Для первой теоріи непреборимыя затрудненія заключаются въ томъ обстоятельстве, что, какъ только пресѣчь непрерывность проводящихъ нервовъ, душа болѣе не доступна какимъ бы то ни было раздраженіямъ и не можетъ причинять никакихъ движеній ²⁾. Къ подтвержденію второго мнѣнія нельзя привести ни одного примѣра, чтобъ душа дѣйствовала изнутри внѣ тѣла, хотя бы и черезъ наималѣйшій промежутокъ, отдѣляющій вещи отъ нашихъ чувствъ ³⁾. Наконецъ, анатомія не можетъ показать такой центральной точки нервной системы, какой должно требовать третье мнѣніе; но если и принять, что это когда либо удастся, то теорія прикосновенія ничего этимъ не выигрываетъ, ибо общее мѣсто пересѣченія всехъ нервныхъ волоконъ не могло бы быть недѣлимой точкою, но должно было бы представлять кубическое пространство, надъ которымъ души въ непосредственной дѣятельности и пришлось бы владычествовать ⁴⁾.

Всехъ этихъ противорѣчій избѣгаетъ очищенное отъ проективизма метафизическое воззрѣніе. Такъ какъ всякая сила между двумя элементами возникаетъ изъ соотношенія ихъ качественныхъ природъ, а не заранѣе разстилается по опредѣленному пространству, какъ нѣкая жажда дѣятельности, то и взаимодѣйствіе между душою и нервами нужно мыслить себѣ въ зависимости не отъ ихъ пространственнаго положенія, но отъ ихъ качественного устройства. Въ силу этого все тѣ элементы, которые на

1) 2. Metaph. 577. Mikr. I, 328, 336. Kl. Schr. II, 159. Med. Psych. 115.

2) 2. Metaph. 576.

3) Ib. 577. Mikr. I, 334.

4) 2. Metaph. 578. Mikr. I, 334, 335. Med. Psych. 116, 118, 119, 121.

основаніи своихъ прямыхъ отношеній къ душѣ посредничаютъ въ сношеніяхъ ея съ внѣшнимъ міромъ; должны считаться равноцѣнными мѣстопробываніями души, хотя и не безъ различій; такъ что, благодаря каждому изъ нихъ, на языкѣ пространственнаго воззрѣнія получала бы пространственное выраженіе нѣкоторая безпространственная (intelligible) связь между душой и вещами, покоющаяся на качественныхъ опредѣленностяхъ. Такое представленіе, правда, совершенно противорѣчитъ наглядности, которой бы хотѣлось пребывающее единство души символизовать пространственно, но за то и не попадаетъ въ дѣйствительное противорѣчіе съ означеннымъ единствомъ, коего безусловно надо держаться; притомъ оно свободно ото всѣхъ проективистическихъ предположеній ¹⁾.

Какъ только физическій проективизмъ отъ Матеріализма казываетъ въ правѣ существованія наряду съ лизмъ. собою всѣмъ прочимъ точкамъ зрѣнія, онъ окрѣпаетъ въ м а т е р і а л и з м ѣ, который необходимо долженъ стремиться къ совершенному поглощенію ученія о душевной жизни естествовѣдѣніемъ, чтобы наконецъ оставить одни лишь мыслящія мозговья волокна ²⁾. Такъ какъ явленія сознанія въ качествѣ преходящихъ феноменовъ даны на преходящемъ соединеніи тѣлесныхъ массъ, то матеріализмъ, увлекаясь самымъ грубымъ подобіемъ, отождествляетъ духовную дѣятельность съ тѣлесной, или рассматриваетъ первую, какъ побочное произведеніе второй, не предполагая принципа иного характера ³⁾. При такихъ обстоятельствахъ какъ нельзя болѣе естественно законы, имѣющіе силу надъ

1) 2. Metaph. 578, 579, 580, 582. Mikr. I, 330, 339.

2) Med. Psych. 30, 32, 43. Kl. Schr. II, 18.

3) Kl. Schr. II, 5, 8.

неодушевленной природою, безъ малѣйшаго видоизмѣненія переносить и на одушевленную, а процессы духовной жизни даже подчинять специальнымъ аналогіямъ, имѣющимъ значеніе только для внѣшней природы ¹⁾. Безъ вниманія къ специфическимъ особенностямъ душевная жизнь должна быть построена по чуждой ей модели, а именно по физико-механическому способу представленія, чтобы тѣмъ, какъ можно ближе, привести ее къ наглядности на оцупь (palpablen), хотя это предпріятіе ничуть не лучше того, какъ если бы физикъ хотѣлъ утверждать касательно эластичныхъ тѣлъ какъ разъ тоже самое, что и насчетъ неэластичныхъ ²⁾. Чтобы избѣжать признанія субстрата разнороднаго съ матеріальнымъ, матеріализмъ старается понять совокупное состояніе психической жизни, какъ сумму движеній системы многихъ элементовъ, несмотря на внутреннюю невозможность этого взгляда, и не принимая въ соображеніе, что отдѣльныя психическія дѣятельности ни подъ какимъ видомъ нельзя распредѣлять между различными субъектами ³⁾. По правдѣ, изъ измѣненія нервнаго органа точно такъ же нельзя понять возникновенія представленій, какъ изъ напки — того явленія, почему тронутая ею струна звучитъ, а шерстяная подушка наоборотъ остается беззвучною. Предполагаемая физикою волновыя движенія, сами по себѣ не звучащія и не блестящія, должны вѣдь встрѣчать нѣкій принципъ, специфически различный отъ нервовъ и вообще всего матеріальнаго, дабы, преломившись въ немъ, вызвать наступленіе качественно новаго явленія, а именно ощущенія. Но матеріализмъ пытается прикрыть принципиальную слабость своей позиціи выдвиганіемъ спектакля ганглій и нервныхъ волоконъ, токовыхъ цѣпей и теченій, чтобы вы-

1) Kl. Schr. II, 447. 2. Metaph. 11.

2) 2. Metaph. 532. Kl. Schr. II, 22, 102, 447.

3) Med. Psych. 43, 44. Kl. Sch. II, 8.

звать призракъ, якобы неразобранная путаница фактовъ скрываетъ въ себѣ много еще объясненій, какихъ и не чаяли ¹⁾. А покуда насъ угощаютъ только завтраками и указаніями на будущее, не предпринимая однако же мѣръ къ выясненію, какъ рѣшать означенныя опытыя задачи; въ матеріалистическомъ же предположеніи, будто мозгъ — субъектъ мышленія, воли и чувства, можно видѣть только капризную парадоксію, которой даже нельзя успѣшно и сразить, ибо произволь не вѣдаетъ ни довода, ни противодовода ²⁾.

Въ противность этимъ „непроцѣженнымъ“ причудамъ матеріализма надобно, чтобы съ успѣхомъ вступить въ область психологіи, держаться простого изреченія Картезія относительно совершенной несравнимости мышленія и протяженія и для каждой изъ обѣихъ группъ физическаго и психическаго бванія признать объяснительныя основанія, несводимыя другъ на друга. Всякую попытку изъ дѣйствій матеріальныхъ веществъ, поскольку они матеріальны, вывести душевную жизнь въ качествѣ самопонятнаго побочнаго результата должно признать запретною. Отсюда вырастаетъ важное методологическое требованіе: при разработкѣ психологіи предварительно нужно положить въ основаніе рѣзко выраженную противоположность между тѣломъ и душою и довольствоваться замкнутостію двухъ круговъ процессовъ ³⁾. Впрочемъ, и самъ матеріализмъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы тайкомъ не признать матерію гораздо лучшею, чѣмъ на нее въ обыденномъ опытѣ смотреть. Не дѣлая положительнаго признанія, ее однако же надѣляютъ двумя первосвойствами: изъ одного возникаетъ духовная жизнь, а изъ другого, наоборотъ, матеріальныя явленія. Если эти мысли

1) Kl. Schr. II, 9, 10, 144, 458. Med. Psych. 40.

2) Kl. Schr. II, 138.

3) Med. Psych. 38, 44. Kl. Schr. II, 1, 13. Mikr. I, 165, 186.

последовательно провести до конца, то придешь къ спинозизму, въ которомъ тѣлесное и духовное исходятъ изъ одного общаго субстрата, а именно такъ, что съ перемѣнами одной стороны корреспондирующимъ образомъ связаны видоизмѣненія другой; однако, и этотъ взглядъ отнюдь не выполняетъ условій логической ясности ¹⁾. Также безуспѣшными должны оставаться усилія матеріализма подкрѣпить свои проективистичныя предположенія тѣмъ, якобы онъ соотвѣтствуетъ требованію единства міростроенія и устраняетъ всякую раздвоенность: это только болѣе приличная одежда для старыхъ предразсудковъ. Ибо формальныя сомнѣнія насчетъ дуализма вполнѣ безосновательны; они являются только общимъ выраженіемъ для смутнаго желанія единства, пока не произведено болѣе точнаго изслѣдованія, относительно чего требовать единства въ цѣломъ міра: относительно ли законовъ, или объектовъ ихъ примѣненія, или же касательно специфическаго плана. Напр., можно бы очень удобно сохранить единство плана, какъ и высшихъ законовъ; но изъ этого не вытекала бы еще однородность взаимосвязанныхъ реальностей ²⁾.

Матеріализму не удастся и отвлечь вниманіе компетентныхъ мыслителей отъ своихъ собственныхъ слабостей тѣмъ, что онъ инсинуируетъ на противное воззрѣніе, будто бы для послѣдняго признаніе души стоитъ въ неразрѣшимой связи съ этическими потребностями; и будто бы спиритуалисты держатся своихъ положеній только изъ за того, чтобы спасти безсмертіе и свободу человѣческаго духа. Наоборотъ, чисто *теоретическія* потребности разстраиваютъ очарованіе проективизма и въ мнимой непредубѣжденности матеріализма по-

1) 2. Metaph. 475. Kl. Schr. II, 6, 8.

2) Med. Psych. 22, 26, 28, 29, 25. Kl. Schr. II, 7. Mikr. I, 166, 218, 219. 2. Metaph. 377.

казываютъ конгломератъ явныхъ проективистическихъ пред-
разсудковъ ¹⁾).

Такая предубѣжденность естественно высту- Параллело-
паетъ съ особенною ясностію въ главной про- граммъ силъ.
блемѣ матеріализма, а именно, въ попыткѣ построить един-
ство сознанія изъ множественности состояній, въ какихъ на-
ходятся матеріальныя составныя части нервной массы. Слѣ-
пить подобное единство и вывести нераздѣльное сознаніе изъ
взаимодѣйствія многихъ частей полагаютъ возможнымъ
путемъ ссылки на теорему о параллелограммѣ силъ; сложе-
ніе многихъ пространственныхъ движеній въ одну общую равно-
дѣйствующую принимается за соблазнительный образецъ для
построенія сознанія. Такія упованія могутъ, правда, пробуж-
даться лишь благодаря тому, что матеріалисты удовлетворяются
небрежно сокращеннымъ выраженіемъ механическаго за-
кона: вѣдь при строгой формулировкѣ того положенія,
что два движенія только въ случаѣ одновременнаго воз-
дѣйствія на одну и ту же матеріальную точку сообщаютъ
этой точкѣ одно результирующее движеніе, и съ проек-
тивистичной точки зрѣнія оказывается невозможнымъ, чтобы
внѣ, наряду, или между многими дѣйствующими элементами
появился новый субъектъ въ качествѣ самостоятельно
существующаго результата ихъ дѣйствій. По аналогіи съ
параллелограммомъ силъ можно было бы вывести лишь
такое слѣдствіе, что различныя возбужденія одного и того же
недѣлимаго субстрата собираются въ одно коллективное
состояніе его. При матеріалистическомъ же объясненіи
сознанія какъ разъ не указывается означеннаго недѣли-
маго субъекта, въ какой должны бы впадать различныя
нервныя движенія для произведенія въ ономъ соответствен-
ной равнодѣйствующей, которая не мыслима безъ опредѣлен-
наго субстрата. Отсюда выясняется безнадежность всякой по-

1) Med. Psych. 36. Kl. Schr. II, 17.

пытки единство сознания вывести просто изъ взаимодействія многихъ элементовъ 1).

Отголосокъ такихъ стремлений легко распознать и въ томъ взглядѣ, который полученіе данныхъ сознания изъ нервныхъ функций пытается сдѣлать понагляднѣе такимъ путемъ, что будто бы уже самый нервъ опущается собственное состояніе. Признаніе въ нервахъ такихъ самоопущеній не избавляетъ отъ необходимости искать надъ тѣлесною организаціею нѣкоторой высшей заключительной точки, или новаго наблюдателя, который въ качествѣ правительствующей монады заново порождаетъ бы въ себѣ сознание малыхъ сцѣпленныхъ душъ; ибо внутренняя жизнь такой колоніи душъ, за какую надо бы въ такомъ случаѣ принимать тѣло, никакъ не могла бы стекаться въ единство цѣлостной жизни. Если бы даже и всѣ составныя части тѣла сами были опять душами, всетаки они остались бы иными, чѣмъ единая господствующая индивидуальная душа 2).

Нѣтъ химизма между пред- ставленіями. Также и касательно взаимныхъ отноше- ній между отдѣльными процессами въ созна- нии непредубѣжденное наблюденіе внутренней жизни приводитъ къ протесту противъ стоящаго подъ вліяніемъ физическаго проективизма перенесенія привычныхъ въ естествознаніи взглядовъ въ психическую область 3). Такъ, въ сознаніи нѣтъ, какъ охотно хотѣли бы признать, стремленія по закону нѣкотораго химизма сплавлять разнородныя представленія въ нѣчто среднее; такъ напр., образы двухъ цвѣтовъ не сливаются въ совокупный образъ смѣшаннаго изъ нихъ третьяго цвѣта, или различныя тоны не даютъ нѣкоего средняго. Наоборотъ, мы

1) Med. Psych. 16, 18. Physiol. 122. Kl. Schr. II, 14, 15. Mikr. I. 176—180. 2. Metaph. 478.

2) Kl. Schr. II, 27, 28, 137. Mikr. I, 180—182, 411. Med. Psych. 27.

3) Mikr. I, 182, 219.

что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ смѣшеніе нѣсколькихъ ощущенныхъ возбуденій въ одно состояніе наступаетъ уже въ играющихъ частяхъ нервной системы. Поэтъ снабжаетъ съ Гербартомъ представленія отталюющими силами, чтобы сохранить ихъ отъ совершеннаго сліянія¹⁾.

А на томъ, что два впечатлѣнія въ качествѣ представленій не погибаютъ въ смѣшеніи и, напр., изъ ощущеній краснаго и синяго не возникаетъ ощущеніе фіолетоваго, основывается возможность всякаго соотнесенія и сравненія данныхъ въ нашемъ сознаніи отдѣльныхъ соотносительныхъ членовъ. Привыкнувши къ кругу возрѣній физической механики, намъ, пожалуй, покажется труднымъ составить себѣ понятіе о существѣ, производящемъ соотносительную дѣятельность, о духѣ, который два состоянія, одновременно испытываемыя, не сплавляетъ воедино, но удерживая ихъ въ ихъ особенности, въ виду ихъ производитъ новое третье представленіе, а именно представленіе о соотношеніи между обѣими соотносительными точками. вмѣстѣ съ тѣмъ всякій простѣйшій случай сравнительнаго представленія подтверждаетъ единство сознанія, которое нельзя вывести никакимъ физическимъ построеніемъ, и показываетъ непригодность чуждыхъ моделей къ объясненію духовной жизни²⁾.

Непозволительное примѣненіе физическихъ аналогій, но съ другими цѣлями, чѣмъ у материализма, встрѣчаемъ особенно у Гербарта³⁾. Ниже мы возвратимся къ этому предмету и потому теперь довольствуемся немногими указа-

Представленія не обладаютъ механическими силами.

1) 2. Metaph. 515, 517. Mikr. I. 235, 183, 184, 221, 227, 237.

2) 2. Metaph. 516, 531, 532.

3) Ib. 533.

ніями. Гербартъ вслѣдствіе еловъ принципиально долженъ былъ выраженія отклонить обозначеніе въ которомъ представленія въ другъ съ другомъ. Однако, для своей психологіи онъ могъ добиться основанія , такимъ образомъ, что счелъ душу просто за окружающую рамку, въ которой отдѣльныя представленія смѣняются другъ друга по механическимъ законамъ, или за объединяющее мѣсто (Umfassungsraum) оборота внутреннихъ состояній. Но этимъ онъ сразу лишилъ психологію всякой обороны противъ натиска чисто физическихъ взглядовъ. Прежде всего единообразность и неизмѣнность души мыслится совершенно по подобію матеріальныхъ атомовъ, которые физику вѣдь кажутся носителями разнородныхъ явленій, совершенно лишены внутренней самоподвижности и не подлежащими перемѣнѣ. Они постоянно мѣняютъ только свое положеніе, отдаленіе, движеніе, т. е. только внѣшнія отношенія другъ къ другу, и тѣмъ производятъ въ насъ мѣняющіяся впечатлѣнія. А какъ, значить, атомы отнюдь не испытываютъ пребывающихъ измѣненій, то и душа должна лишиться всяческаго внутренняго развитія: мѣняться могутъ де только ея несущественныя отношенія къ другимъ реаламъ¹⁾. Также и мнѣніе Гербарта относительно вѣчнаго существованія разъ возбужденнаго представленія оказывается приближеніемъ къ закону инерціи или косности, который для физики дѣйствительно есть одно изъ ея основоположеній. Но аналогія изъ естествознанія не можетъ здѣсь имѣть рѣшающаго значенія: это ясно уже изъ того простаго соображенія, что тѣла, коихъ движенія, правда, могутъ быть научно объяснены только при предположеніи закона инерціи, по взгляду физики ничего не испытываютъ отъ своихъ движеній; ибо

1) Мікст. I, 203—211.

Ученныя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета будутъ выходитьъ въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученныя Записки распадаются на

- I) отдѣлъ officialный — и
- II) отдѣлъ научный; въ послѣднемъ будутъ помѣщаемы:
 - A. мелкія статьи, предварительныя сообщенія, рецензи, библиографическіе обзоры и т. п.
 - B. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложений, съ особою начинаціей каждое.

Статьи могутъ быть написаны на всѣхъ наиболѣе распространенныхъ европейскихъ языкахъ.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб.

Редакторъ **А. Гуляевъ.**
